

Организация по безопасности и
сотрудничеству в Европе
Офис программ в Нур-Султане

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОДХОДЫ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

[МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ]
(Г. НУР-СУЛТАН, 26 ОКТЯБРЯ 2018 Г.)

Офис программ ОБСЕ в Нур-Султане

**НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОДХОДЫ
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Материалы международной конференции
(г. Нур-Султан, 26 октября 2018 г.)

Нур-Султан 2019

УДК 327
ББК 66.4
Н 76

Н 76 Новые вызовы и подходы по регионально и глобальной безопасности в Центральной Азии: материалы международной конференции (г. Нур-Султан, 26 октября 2018 г.): — Нур-Султан, 2020. — 256 с.

ISBN 978-601-332-599-6

26 октября 2018 г. Офисом программ ОБСЕ в Нур-Султане совместно с Фондом им. Фридриха Эберта и Казахстанским советом по международным отношениям при поддержке Института дипломатии Академии государственного управления и Исследовательского института «Общественное мнение» была организована международная конференция «Новые вызовы и подходы по регионально и глобальной безопасности в Центральной Азии». В данный сборник материалов включены доклады казахстанских и зарубежных участников конференции, раскрывающие основные угрозы безопасности в регионе Центральной Азии и пути решения возникающих проблем, а также актуальные вопросы регионального сотрудничества в реагировании на современные вызовы.

Издание предназначено для политологов, экспертов-международников, государственных служащих, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, интересующихся современным развитием региона.

Издание публикуется на русском и английском языках. Доклад господина Пал Дунай написан на английском языке в оригинале, остальные доклады на русском языке. Все доклады переведены и отредактированы при содействии Офиса программ ОБСЕ в Нур-Султане.

Мнения и рекомендации авторов докладов в рамках конференции принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения организаторов конференции.

Издание не предназначено для продажи
и распространяется бесплатно

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-601-332-599-6

© Офис программ ОБСЕ в Нур-Султане

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Дьердь Сабо	5
--	---

СЕССИЯ I

К ВОПРОСУ О ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Муратбек Иманалиев

Координация деятельности региональных организаций по безопасности в Центральной Азии.

Усиление взаимодействия и повышение эффективности

Пал Дунай

Роль региональных институтов в Центральной Азии —

взаимосвязь, взаимоблокировка или просто сосуществование? ... 35

Султан Акимбеков

Риски для региональной безопасности

в контексте геополитического соперничества

Александр Князев

Сравнительный анализ целей и возможностей региональных организаций в сфере безопасности и вероятность

их сотрудничества в противодействии угрозам

афганского происхождения

СЕССИЯ II

РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: КАК ЕЕ ОСТАНОВИТЬ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Мохеб Спингар

Радикализация молодежи: причины радикализации

и способы борьбы с ней

Инга Сикорская

Информационная грамотность и новая медиакультура

как раннее предупреждение радикализации молодежи

**СЕССИЯ III:
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ИНТЕРНЕТА В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ**

Шавкат Сабиров

Угрозы киберпространства:

вызовы и меры противодействия 159

Леся Каратаева

Информационные стратегии терроризма:

вызовы для системы противодействия 182

**СЕССИЯ IV:
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ БОЕВИКОВ:
ЕСТЬ ЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ?**

Татьяна Дронзина

Боевики Кыргызстана: почему они уезжают на чужую войну 210

Бахтиер Эргашев

Выходцы из Узбекистана — члены террористических организаций
в Сирии и Ираке: современное состояние и перспективы 229

Информация об Офисе программ ОБСЕ в Нур-Султане 254

Приветственное слово

Посла, Главы Офиса программ ОБСЕ в Нур-Султане Дьердь Сабо

Ваши Превосходительства!
Уважаемые гости!
Дамы и господа!

Для меня большая честь приветствовать такую уважаемую аудиторию и выступить на Международной конференции по безопасности на тему «Новые вызовы и подходы к региональной и глобальной безопасности в Центральной Азии».

Прежде всего, позвольте поблагодарить наших партнёров — Фонд имени Фридриха Эберта в Казахстане, Казахстанский Совет по международным отношениям, Институт дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан и Исследовательский институт «Общественное мнение», которые поддержали это мероприятие и создали данную платформу для сотрудничества и диалога.

Разрешите также тепло поприветствовать наших экспертов, которые проделали долгий путь, чтобы поделиться своим опытом по разработке путей решения проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня. В дополнение, хотелось бы отметить, что эксперты представляют 10 разных стран (девять государств-участников ОБСЕ и одну страну-партнера (Афганистан)).

Я рад увидеть сегодня представителей государственных органов, гражданского общества и дипломатического корпуса в Казахстане. Вы являетесь ключевым компонентом этого мероприятия. Мы призываем вас активно участвовать в дискуссиях и делиться своим опытом и видением в рамках настоящей конференции, а также способствовать диалогу в данных вопросах.

ОБСЕ активно способствует реализации инициатив и создаст платформы для многих различных форм диалога на разных уровнях в качестве средства снижения напряженности, предотвращения конфликтов и обеспечения стабильности во всем регионе ОБСЕ.

Приверженность ОБСЕ заключению соглашений на основе консенсуса помогла обеспечить лучшее понимание того, что означает безопасность. Не являясь организацией коллективной безопасности, ОБСЕ, тем не менее, может укрепить доверие к сотрудничеству в области безопасности, содействовать формированию политической воли и руководству коллективными действиями, а также помочь разрешить дилемму коллективных действий среди государств с различными интересами и программами.

Темой для нашего обсуждения сегодня станет роль международных и региональных организаций в противодействии глобальным угрозам, таким как терроризм, организованная преступность, незаконная торговля и миграция, предотвращение радикализации молодежи, злоупотребление Интернетом в террористических целях и интеграция иностранных боевиков-террористов и их семей в общественную жизнь.

В ОБСЕ мы признаем, что эти угрозы обусловлены широким спектром политических и социально-экономических факторов. Некоторые из таких факторов весьма актуальны: например, нарушения прав человека и вопросы верховенства закона в борьбе с терроризмом напрямую связаны с появлением и распространением экстремистских идей. Другие факторы являются в большей степени косвенными, но не менее важными: например, отсутствие доступа к образованию, политическое отчуждение и социально-экономическая маргинализация.

Многие из этих вопросов были отмечены в Берлинской декларации и резолюциях, принятых Парламентской ассамблеей ОБСЕ на двадцать седьмой ежегодной сессии 7-11 июля 2018 года. В том числе озвучена идея о том, что:

«...комплексный и слаженный подход к вопросам управления сектором безопасности и его реформирования имеет основополагающее значение для решения современных проблем в сфере безопасности, особенно в таких областях, как реформирование полиции, обеспечение пограничного режима и безопасности границ, борьба с терроризмом и коррупцией и реформа сектора отправления правосудия,

...важность усилий в сфере управления сектором безопасности и его реформирования, в том числе направленных на обеспечение равного и эффективного участия женщин в управлении безопасностью, ее обеспечении и контроле на всех уровнях, поскольку они играют значительную роль в предотвращении конфликтов, раннем предупреждении и восстановлении после кризисов и конфликтов»,

Учитывая данный контекст, сегодняшняя конференция представляет собой важную платформу для обеспечения лучшего понимания возможностей в целях более широкого использования перспективного и имеющегося богатого опыта в области укрепления безопасности посредством сотрудничества на территории всего евроатлантического и евразийского пространства, особенно в регионе Центральной Азии, а также способов решения старых и возникающих проблем и угроз.

Я желаю всем нам энергичной и, что еще более важно, конструктивной и эффективной дискуссии с последующим сотрудничеством между всеми заинтересованными сторонами.

Благодарю за внимание!

СЕССИЯ I
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ:
КАК УСИЛИТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНАЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ПО БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ОБСЕ?

**Координация деятельности региональных организаций
по безопасности в Центральной Азии.**

Усиление взаимодействия и повышение эффективности

Муратбек Иманалиев

Международные организации — это, в общем-то, продукт второй половины XX столетия; это первый коллективный и легитимный актор международного права и международной жизни, правда, не приравненный к правительствам, президентам и монархам, но выстроенный вслед за последними и в определенной степени зависимый от них. Однако, с точки зрения оказания юридически и политически встроенных в международную практику миротворческих, финансовых и иных услуг, это субъект интернационального пространства и не имеющий равных себе по церемониальным и иным возможностям посредник.

Собственно говоря, международная организация представляет собой договорный механизм совместной деятельности стран-подписантов либо иногда (правда, весьма редко) — самостоятельной работы какого-либо правительства, но точно в рамках согласованных договоренностей, либо в группе неких государств, входящих в эту организацию и могущих взять нечто из программы организации за основу совместной работы, но при условии, что такого рода деятельность не нарушает интересы других участников.

Совершенно очевидно, что в любой международной организации весьма важны процедуры, нормы, правила и согласованные позиции.

Впоследствии в международной жизни появились и другие игроки, такие как, например, неправительственные организации, транснациональные корпорации, а в последние годы — и международные преступные синдикаты, лидеры которых совершенно беззастенчиво предлагают себя в качестве серьезных властителей дум и чаяний простых людей. Мир не признает возможности легитимизации существования последних, но при формировании внешней политики вынужден иметь в виду их позиции.

Кризис, постигший международные организации после крушения СССР и распада биполярной системы, не явился чем-то неожиданным и негладным: ожидания были, и были даже какие-то страны, которые серьезно готовились к ним. Было немало людей, футуристов и всякого рода других политпредсказателей, которые знали, например, что в ООН возникнут проблемы перехода от биполярной системы через однополярную к многополярной, но, как всегда, проблема была в определении точного временного лага. Но вопрос оказался нерешаемым в силу отказа ведущей «пятерки» Совета Безопасности расширить его и одновременно дать возможность новым постоянным членам право вето.

После распада Советского Союза однополярность в мировой политике отразилась и на деятельности международных структур: она теперь в большей степени находилась и находится в фарватере единственного пока на настоящий момент мирового полюса. Но мир, как известно, меняется: в активный круг принятия глобальных и региональных решений, разработки и имплементации геополитических и геоэкономических проектов вовлекаются страны, которые еще вчера представлялись геополитическими окраинами, в лучшем случае — мировыми производственными площадками, «фабриками ширпотреба», и которые сегодня заговорили голосами роботов, космических

кораблей, мощных компьютеров, кибероружия и т.д. То есть происходит цивилизационно-технологическое выравнивание возможностей и потенциалов.

Эпоха 90-х — это эпоха социально-экономических, философско-мировоззренческих, религиозных, международных и иных кризисов, охвативших практически все сферы жизнедеятельности государств и людей. Она стала временем возникновения новых стран Центральной Азии, которые, между прочим, появились на международной арене не вследствие отчаянной освободительной войны или длительных бурных политических баталий, а как результат распада огромной страны: попросту говоря, среднеазиатские советские республики были выгнаны из СССР. Политическая гибель КПСС, обусловленная ликвидацией механизмов развития партии, идеологической интоксикацией населения и командной системой в экономике, была процессом объективным, а вот смерть СССР все-таки следует рассматривать как нечто, в чем было немало субъективного.

Особо сложной и одновременно кажущейся непреодолимой на сегодняшний день, а также потенциально конфликтогенной проблемой оказалась неспособность центральноазиатских государств установить и поддерживать между собой полноценные межгосударственные отношения, соответствующие принципам и нормам международного права, обычаям международной жизни. Хотя следует признать, что попытки такие делались, и неоднократно, причем как самостоятельно, так и при поддержке международных организаций и отдельных государств.

Один из наиболее впечатляющих печальных примеров к сказанному — водные отношения между странами региона. Следует признать, что они попросту отсутствуют. До сих пор не удается наладить даже самый элементарный переговорный процесс, не говоря уже о создании и использовании более сложных механизмов и оценочных конструкций для достижения хотя бы промежуточных позитивных результатов. Инкорпорированность международных организаций в эту проблематику пока усложнена упомянутыми выше отношениями между странами

региона и нередко — нежеланием стран региона вовлекать их в водную проблематику, но, тем не менее, усилия эти не пропали даром: небольшое движение вперед все-таки есть.

Как следствие изложенного выше, центральноазиатские страны оказались не в состоянии ни самостоятельно, ни совместно с кем-либо смонтировать систему коллективной безопасности, хотя все же опять следует быть справедливым и напомнить в этой связи об инициативах и проектах центральноазиатских президентов по межтаджикскому примирению и Ташкентское соглашение о борьбе с терроризмом и иными видами организованной преступности от 20 апреля 2000 года.

Другой чрезвычайно важной, на мой взгляд, проблемой, имеющей также и самое прямое отношение к деятельности научно-экспертных учреждений, является неспособность государств региона совместно выстроить иерархию угроз и вызовов, обеспечить функционирование оценочных механизмов и разработать способы их устранения либо нивелирования. В этом смысле ситуация весьма и весьма мозаична. С национальными механизмами обстановка не лучше, а в некоторых государствах — и вовсе плоха.

Как я представляю, роль такого системного аналитика и проектировщика могла бы взять на себя Региональная антитеррористическая структура ШОС совместно с другими международными организациями. Очевидно, что требуется серьезное переосмысление деятельности международных структур на направлении обеспечения безопасности, формулирование новых концепций помощи странам региона и проведение необходимых изменений.

Геополитическая ценность, значимость и одновременно уязвимость Центральной Азии обусловлена тем, что именно здесь сходятся внутриконтинентальные векторы интересов России, Китая, Индии, а также Турции, Ирана, Пакистана и ряда других стран. Все эти государства расположены по периметру Центрально-Азиатского региона. И именно это обстоятельство стало, наверное, самой важной причиной оценки Вашингтоном

региона Центральной Азии как евразийской геополитической точки схождения. И вряд ли этот подход будет изменен в ближайшее время.

Позиции упомянутых государств абсолютно понятным образом влияют на формулирование основных подходов международных организаций, таких как ОБСЕ, ШОС, ОДКБ и других к вопросам обеспечения безопасности, выстраивания пространства экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. И это обстоятельство также надо иметь в виду при анализе вопросов возможного партнерства международных структур.

Неожиданный переход стран Центрально-Азиатского региона к самостоятельной жизни, от формы существования как окраины огромного государства, больше известной как территория Туркестанского и Среднеазиатского военных округов, к статусу геополитической периферии международного сообщества имел, разумеется, несколько последствий, в числе коих я бы выделил следующие.

Во-первых, необходимость строительства национального государства с понятными классическими государственными институтами, лучше, разумеется, демократическими, столкнулась с хаотичной и одновременно робкой конкуренцией с жестко выстраиваемым режимом личной власти, кстати, более привычной и более понятной управляющей элите, пришедшей к власти. В этом смысле даже «островок демократии» мало чем отличался от откровенных центральноазиатских авторитарных систем.

Во-вторых, выстраивание внешней политики большинством стран Центрально-Азиатского региона примитивным образом свелось к балансированию между сильными мира сего, а не к ее формированию на базе национальных ценностных ориентиров и реализации не личной дипломатии, а государственной. Именно поэтому участие большинства стран региона в деятельности международных организаций было предопределено, прежде всего, позиционированием страны в пользу того или иного государства: либо (в меньшей степени) неких абстрактных глоба-

листных идей, зависших в международном пространстве, либо (в большей степени) молчаливого, невыразительного присутствия на форумах и конгрессах, а не собственных интересов. Возможно, это происходило также и потому, что совокупность национальных интересов была еще не скомпонована, а у некоторых находилась к тому же только на стадии формулирования подходов к этим самым интересам. Но, с другой стороны, очевидно и то, что у стран периферийных скрытая в нейтральности лояльность или, наоборот, открытое следование в «одной лодке» с кем-то из великих — объективно и справедливо. «Ведомость», может быть, великое благо для периферии.

В-третьих, отсутствие политического, экономического прямого общения между советскими республиками (что, в общем-то, не поощрялось Москвой в советский период) в годы независимости, в силу отсутствия нормальных межгосударственных отношений, ориентированных если не на единство, то хотя бы на сближение позиций по вопросам безопасности, международного разделения труда, совместных гуманитарных проектов, привело к формированию разновекторных, расходящихся идентичностей. Хотя это, конечно, ни в коем случае не означает неспособности стран региона к некоей интеграции.

Формирование и укрепление конструкций геополитического и геоэкономического посредничества и интеграторства со встроенными в них механизмами обеспечения безопасности и социально-экономического, культурно-гуманитарного развития в Центральной Азии требует создания полноценного и динамично развивающегося пространства международного сотрудничества усилиями, прежде всего, собственно самих государств региона, что, к стати, не сконструировано до сих пор. Совершенно очевидно, что важную вспомогательную роль в этом процессе должны играть и международные организации различного типа.

Но одновременно следует признать, что в деятельности международных организаций — например, по поддержанию режи-

ма всеобъемлющей безопасности в Центральной Азии — сегодня все еще больше ожиданий, нежели достижений.

Тем более, что, как известно, международные организации создавались, за редким исключением, по принципу «за» и «против»; играть на этой «черно-белой» доске центральноазиатским странам было весьма и весьма непросто, особенно в 90-е годы: шли туда, куда звали — и в ОБСЕ, и в ОИС (бывшая ОИК), и в ОДКБ, и в СНГ и т.д. Двигались туда, куда звали, не совсем понимая сути и программ этих международных организаций. Насколько, например, оправдано пребывание стран Центральной Азии в ОЭС? Осознание содеянного пришло в более позднее время.

Скептицизм в отношении возможностей глобальных и региональных международных организаций и структур по обеспечению безопасности в Центральной Азии остается сегодня субстанцией устойчивой, и вряд ли в ближайшее время мы увидим какие-либо сдвиги в оценках в сторону более позитивного восприятия: скромный полезный опыт сотрудничества центральноазиатских стран с международными структурами утонул в океане сформировавшихся в конце 90-х гг. прошлого столетия, может быть, не совсем верных, но устойчивых представлений об их «независимости», «беспристрастности» и «способности помочь молодым государствам», в особенности в тех областях, которые находятся вне церемониальных, протокольных отношений. На первых порах малоопытное и малознакомое с международным правом и перипетиями международной жизни население и политики стран Центральной Азии воспринимали международные структуры как нечто самостоятельное и особенное, без привязки к соглашениям о создании международных структур между правительствами — это, в общем-то, главная ошибка, допущенная в государствах региона. Правда, в этом контексте, регион Центральной Азии не одинок: нечто подобное существует в разных частях мира.

Разумеется, сконструированную усилиями всех участников, полную противоречий и недоверия ситуацию ни в коем случае

нельзя рассматривать вне контекста тех изменений, которые происходят в системе международных отношений в современную эпоху и, конечно, конкретных позиций субъектов международной жизни по ключевым вопросам мировой и региональной политики, экономики и тех процессов разного свойства, которые происходят на международной арене.

В этой связи все больше и больше укрепляется представление о том, что международные региональные организации выполняют свои функции и поставленные перед ними задачи в пределах только тех полномочий, которые им предоставляются правительствами государств, которые являются основателями и членами этих организаций, и ждать большего, чем делегированные правительствами полномочия, не следует, и, что интересы конкретных государств являются нередко определяющими в действиях международных структур.

На пространстве Центральной Азии действуют несколько международных организаций. Прежде всего, конечно, речь идет об Организации Объединенных Наций и ее подразделениях, работающих в Центрально-Азиатском регионе. Следует отметить, что, несмотря на отсутствие термина «безопасность» в мандатах некоторых представительств ООН в странах региона, тем не менее, все они прямо или косвенно связаны с проблемами безопасности, включая вопросы экономической, социальной, гуманитарной безопасности, а в более конкретном изложении — с некоторыми важными аспектами здравоохранительной, продовольственной безопасности и др. То есть деятельность ООН и ее структур в центральноазиатских государствах охватывает весьма широкий спектр секторов, направлений и проблем, в том числе вопросов безопасности, которые важны для государств региона.

Чрезвычайно важен опыт Центра превентивной дипломатии ООН, расположенного в Ашхабаде. Представляется, что это первое подобное учреждение ООН, нацеленное на осуществление мероприятий раннего предупреждения в области поддержания безопасности на основе тщательного изучения ситуации

в тех или иных областях жизнедеятельности государств и региона совместно с правительственными и неправительственными органами. Особый интерес и поддержку должны вызывать усилия Центра по формированию каналов сотрудничества стран Центрально-Азиатского региона по вопросам водных ресурсов. Ряд других консультативно-информационных и проектных подходов, значение которых было достаточно высоко оценено руководителями государств и МИДами стран Центрально-Азиатского региона, при условии безусловной и точной реализации, могут быть весьма полезными как для каждой страны, так и для региона в целом. Но, поскольку регион еще не состоялся как международное пространство, сотрудничество по многим общим вопросам развития продолжает оставаться несолидарным и разорванным, а деятельность Центра постепенно формализовалась, превратившись в календарь протокольных, в сущности, мероприятий, то и результатами работы в большей степени остаются некие «отчеты о проведенных мероприятиях», складываемые в соответствующих архивах.

Говоря о региональных международных организациях, следует, конечно, в первую очередь упомянуть о Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества.

Несколько особняком в этом ряду стоит НАТО, поскольку, во-первых, ни одна страна Центрально-Азиатского региона не является членом этой организации, и ни один документ двустороннего партнерства не предоставляет НАТО мандат на решение проблем обеспечения безопасности государств Центральной Азии, а во-вторых, в отличие от упомянутых выше международных организаций, речь идет о сотрудничестве стран Центрально-Азиатского региона «с» НАТО, а не «в» НАТО.

Появление центральноазиатских стран в ОБСЕ до сих пор не имеет внятного публичного объяснения: это некий «каприз»,

«исторический вывих» на наиболее сложном и рыхлом этапе распада биполярной системы. Представляется, что и государства Центральной Азии, и государства Европы, которые в 1975 году для себя, для европейцев, создали Совецание по вопросам безопасности именно в Европе (преобразованное впоследствии в Организацию) на основе признания некоторых итогов Второй мировой войны, с большим трудом осознают внезапное присоединение бывшей советской Средней Азии к этой европейской структуре. Представляется, что в появлении центральноазиатских государств в ОБСЕ определенную роль сыграли США, наверняка преследовавшие цели вне зоны и вне компетенции этой международной организации.

В дальнейшем сотрудничество стало еще и «спотыкаться» о «третью корзину» ОБСЕ.

Правда, недавнее присоединение Монголии к ОБСЕ порождает определенный оптимизм в отношении возможности переосмысления политической и правовой сущности организации и расширения ее географической распространенности. Хотя более предположительным в контексте вступления Монголии в ОБСЕ является как раз некий кризис, медленно распространявшийся в организации, впрочем, как и в других международных структурах. Но подоспел украинский конфликт, и он некоторым образом «оживил» ОБСЕ.

ОБСЕ фрагментарно встроена в систему обеспечения безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Одним из значительных элементов концепции безопасности этой международной организации, получившим поддержку стран Центрально-Азиатского региона, является позиционный тезис, содержащийся в документах Совета министров иностранных дел, о том, что безопасность региона ОБСЕ неразрывно связана с безопасностью соседних регионов. В связи с необходимостью оказания содействия Афганистану этот тезис изложен и в Астанинской декларации.

Разработанные и внедряемые ОБСЕ меры по поддержке Афганистана (по большей части они являются вспомогательными)

нацелены на решение таких проблем, как управление границами между центральноазиатскими странами и Афганистаном, противодействие терроризму, борьба с незаконным оборотом оружия и наркотиков, торговлей людьми, содействие в рамках программ в экономической и экологической сферах.

Основной функцией Организации Договора о коллективной безопасности является обеспечение безопасности стран-участниц, защита их суверенитета и территориальной целостности. В этом контексте ОДКБ является одной из самых важных международных структур, ставящей целью укрепление военной безопасности в регионе Центральной Азии.

Очевидно, что в связи с возможным выводом международных сил из Афганистана (чего, возможно, и не произойдет) и прогнозируемым практически всеми экспертами обострением ситуации в этой стране, возможной активизацией деятельности ряда трансграничных преступных структур, в том числе и в первую очередь — ИГИЛ, на данный момент базирующихся в Афганистане и постепенно перебирающихся на север этой страны, поближе к границам стран-членов ОДКБ, афганская тематика становится все более и более актуальной и тревожной, и, разумеется, требует от организации еще большей концентрации усилий, проведения превентивных и подготовительных мероприятий.

Заслуживает одобрения и поддержки деятельность ОДКБ на антинаркотическом направлении борьбы с организованной преступностью. Причем необходимо отметить, что ряд мер до сих пор осуществляется в партнерстве с международными силами по обеспечению безопасности в Афганистане.

Вместе с тем, очевидно и то, что ОДКБ нуждается в организационном и финансовом укреплении, универсализации правовой базы деятельности, более рельефной демонстрации возможностей организации по обеспечению безопасности стран-участниц.

Инициирование разными евразийскими странами проектов и программ по сотрудничеству, в частности и в особенности

— создание Евразийского экономического союза и выдвижение Китаем идеи «совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути», может уплотнить и повысить качество содержания деятельности, а также расширить возможности некоторых международных организаций. Это стало еще более очевидным после подписания в Москве руководителями России и Китая Совместного заявления о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Президент России В.В. Путин предложил весьма масштабный вариант проектной кооперации трех таких международных организаций, как ЕАЭС, ШОС и АСЕАН в рамках формирования «Большой Евразии». Партнерская содеятельность в данном случае видится здесь больше как, наверное, «состыковка» пространственных конструкций, нежели в формате функционального контекста сотрудничества. Понятно, что и эксперты ШОС, и ученые других стран, кроме экономической составляющей сотрудничества, стараются также придать некий импульс и проблемам безопасности.

Российские эксперты также предлагают и следующий вариант участия ШОС в евразийском проектировании: сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути должно придать импульс Шанхайской организации сотрудничества для развития в качестве важной площадки регионального сотрудничества и обеспечения региональной безопасности. После вступления Индии и Пакистана, расширения сотрудничества с Ираном, Монголией, Афганистаном, потенциально с Республикой Корея, ШОС может претендовать на становление в качестве наиболее эффективного института международного взаимодействия на макрорегиональном (общеевразийском) уровне. В центре этого сотрудничества могут/должны быть Россия (как наиболее сильная держава региона) и Китай (как экономический лидер, хотя и не гегемон). В перспективе позитивный опыт сотрудничества и разрешения сложных вопросов, накопленный

в ШОС, вполне может лечь в основу формирующегося сообщества «Большой Евразии»¹.

Говоря о возрождении Шелкового пути, я хотел бы выразить убеждение в том, что перед странами евразийского континента стоит стратегическая задача формирования принципиально нового исторического процесса, долгосрочного процесса совместного развития, который всеобъемлющ по позитивному содержанию, динамичен по реализации проектных решений, безопасен для государств и конкретных людей, обеспечивая их потребности и права, и выгоден всем; при этом правила содеятельности, которые будут согласованы и приняты всеми участниками этого процесса, будут обязательны для всех, без исключаяющих мотивов, причин и факторов.

В этом контексте все более значимым международным конструктом будет становится СВМДА. Динамика и мощь экономического развития Азии, а также начало геоэкономического «проектирования» Евразии актуализирует значение СВМДА как крупнейшего на сегодня континентального форума. Но палитра концепций развития азиатских государств, разнообразие которых и по формату, и по содержанию превосходит любой другой регион мира, делает шкалу сложностей более длинной и сложной, привнося некоторые элементы обеспокоенности. Стыковка концепций развития и программ международного сотрудничества кажется отягощенной имеющимися и особенно-предполагаемыми проблемами разного типа, в том числе военно-политического свойства.

Международной организацией, значение которой актуализируется с началом «евразийского проектирования» и которая может быть непосредственно инкорпорирована в процесс как строительства Экономического пояса Шелкового пути и продвижения Евразийского экономического союза в отдельности, так и сопряжения их деятельности, является Шанхайская организа-

¹ «Сборник аналитических материалов международного дискуссионного клуба «Валдай», Проект «Большая Евразия», Часть 1, Москва, октябрь 2016 г. [“Collection of Analytical Materials of the International Valdai Discussion Club”, The Greater Eurasia Project, Part 1, Moscow, October 2016].

ция сотрудничества, которая одной из своих важнейших задач считает сотрудничество в области обеспечения безопасности, в том числе и в первую очередь — борьбу с международным терроризмом.

Следует подчеркнуть, что сотрудничество в области безопасности должно осуществляться с более активным привлечением стран-наблюдателей и стран-партнеров по диалогу. Понятно, что в связи с афганской проблематикой особое значение имеет партнерство по этим вопросам со странами-наблюдателями и странами-партнерами.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун признал ШОС в качестве важнейшей региональной международной организации, способной немало сделать в сфере обеспечения безопасности, социально-экономического развития и продвижения культурно-гуманитарных континентальных проектов. Разумеется, большие надежды были связаны с теми возможностями, которые возникли и есть у ШОС по афганской проблематике, учитывая географическую, культурную и этнорелигиозную близость, а также некоторую экономическую состоятельность стран Шанхайской организации и, не в последнюю очередь, ту решимость, которая была заявлена в соответствующих Декларациях.

Афганистан, являющийся государством-наблюдателем при ШОС, сегодня активно участвует в проводимых организацией мероприятиях, связанных с вопросами обеспечения безопасности. Несмотря на возобновление работы контактной группы по Афганистану после долгого перерыва, а также учитывая возрастающую актуальность «афганской проблематики», я полагал бы целесообразным рассмотреть возможность создания в рамках ШОС специального комитета по сотрудничеству с Афганистаном, в который вошли бы как страны-члены организации, так и наблюдатели, и партнеры по диалогу, и, может быть, те страны, которые заинтересованы в разрешении афганского конфликта. Более того, на мой взгляд, наступило время, когда несколько международных организаций, как, например, ШОС,

ОДКБ, ОБСЕ, СВМДА и другие, могут создать, возможно, даже неформальный, неподписной альянс международных структур, которые могут совместно искать пути решения афганской проблемы. Однако понятно и другое, что геополитический и геоэкономический меркантилизм некоторых государств практически сводит на «нет» любые подвиги в ту или иную сторону. Но сегодня можно было бы провести конференциального типа встречу международных организаций по Афганистану с участием сопредельных государств.

Особенно важное значение сегодня имеет деятельность международных организаций в условиях нарастания и расширения преступной деятельности террористов, наркодельцов, торговцев оружием и торговцев людьми. Приходится также признать, что деятельность международных преступников становится все более организованной, более масштабной, более укрепленной в финансовом отношении и т.д. И борьба с ними нуждается в более широкой поддержке, солидарности и активности правительств и мировой общественности, что, в общем-то, никогда не получалось.

Шанхайская организация сотрудничества — уникальная региональная структура, во всяком случае, с точки зрения представленности различных цивилизационных квалификаций, в том числе китайской, российской, индийской и условно единой исламской. Вероятность межцивилизационного диалога в рамках ШОС достаточно велика, особенно в ходе выработки, формирования и построения нового политического, экономического и гуманитарного порядков. Немаловажное значение имеет и конструктивный разговор в направлении борьбы с международной организованной преступностью, включая религиозный экстремизм. Древние и современные мировоззренческо-философские, этические и иные учения, существующие в странах ШОС, «заточены» на гармоничное развитие и сочленение интересов человека, общества и государства, неприятие неблагоприятных деяний человека, в том числе преступности, уважение и одобрение межличностных отношений, вне зависимости от

принадлежности к какому-либо людскому сообществу. Можно предполагать и некоторые возможности межцивилизационных контактов между разными международными структурами.

К одному из наиболее впечатляющих достижений ШОС, наверное, следует отнести формирование пространства бесконфликтного и стабильного партнерства и сосуществования стран-членов организации, что во многом обусловлено неоднозначным, но признанным всеми двойным лидерством России и Китая в ШОС. Последнее до 2018 года являлось уникальным преимуществом стран Центральной Азии, которые, как мне кажется, должны были быть более активными в использовании этого компонента для наращивания своего торгово-экономического, научно-технического и военно-политического потенциала. Изначально оно формировалось как некий вынужденный альянс между Москвой и Пекином, но перманентное «рассасывание» недоверия между ними за счет интенсивного многоформатного и многопланового сотрудничества, попыток Вашингтона сконструировать геополитическую изоляцию России и Китая, а также, что весьма и весьма немаловажно, личной дружбы и доверительных отношений лидеров двух стран, предопределило нивелирование фактора «вынужденности» и перехода в иное качественное состояние их партнерства в ШОС и не только. Разумеется, и некое партнерство с другими международными организациями находится в пределах стратегии ШОС.

Как представляется, наиболее «продвинутые» отношения сложились и развиваются у ШОС с ООН. В 2011 году Генеральный секретарь ШОС подписал в Нью-Йорке с Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном меморандум о сотрудничестве между секретариатами двух организаций, одним из важнейших элементов которого стало укрепление партнерства в продвижении Глобальной антитеррористической стратегии ООН. Далее с руководителем Венского отделения ООН Н. Федотовым был подписан соответствующий меморандум о сотрудничестве в области борьбы с наркотиками, их производством, трафиком

и распространением. Оба документа легли в основу достаточно плотной содеятельности ООН и ШОС в рамках противостояния трансграничным преступным деяниям.

Вовне ШОС пытался установить хотя бы формальные отношения с НАТО, чтобы в публичной сфере дать понять жителям стран ШОС и НАТО, что существует возможность партнерства между двумя международными сообществами, причем, как понимали в ШОС, равных по основным параметрам и признакам. Но очевидно было и то, что серьезные сдвиги в сторону плотного сотрудничества на практике были невозможны в силу противоположности их концепций безопасности, практически в открытой форме предполагавших в качестве потенциальных противников друг друга.

Некоторым успехом завершились попытки ШОС, вернее РАТЦ ШОС установить непосредственные отношения с аналогичной службой АСЕАН, СНГ, но далее формализации отношений дело не пошло.

Несколько необычны, прежде всего, по содержательному наполнению встречи представителей ОДКБ, СНГ, ЕвразЭС и ШОС, ежегодно проводимые в Москве и Пекине под эгидой той или иной организации. Почему необычны? Просто потому, что во все эти организации входят одни и те же государства, за исключением Китая, который является членом только ШОС, и в определенной мере — Узбекистана, который вышел из ОДКБ и ЕвразЭС, и который даже в рамках ШОС имел особую позицию по ряду вопросов, связанных с региональной безопасностью. Но, тем не менее, как представляется, некое партнерство, особенно между ОДКБ и ШОС, было бы вполне вероятным. В частности, хотелось бы выделить вопросы афганской проблематики, например, такие как экономическое возрождение страны и наркотики.

Различного рода Декларации, принимаемые большинством международных организаций, в том числе ШОС, ОДКБ, ОБСЕ и другими, на мой взгляд, грешат одним существенным недостатком: в упомянутых документах достаточно неплохо пропи-

сываются две весьма нужные и важные эпистолярные субстанции; 1) что происходит в Афганистане, и к чему пришла страна в результате 40-летней войны с внешними врагами и между собой; и 2) какой страной мы хотели бы видеть Афганистан. Но никто не озвучивает и не предлагает пути и варианты решения, как добиться этого и что нужно сделать для этого, за исключением одного, однако, чрезвычайно важного момента: всем противоборствующим афганским силам необходимо сесть за стол переговоров и добиться мира и стабильности. Откровенно говоря, международные структуры практически бессильны, поскольку у основных акторов этого действия позиции, мягко говоря, не совсем совпадают. И вследствие этого ситуация в стране только ухудшается.

Совершенно очевидно, что проблема Афганистана является наиболее острой и злободневной, поскольку государство представляет из себя серьезнейший очаг международной напряженности, напрямую затрагивающей интересы безопасности таких стран, как Китай, Индия, Пакистан и центральноазиатские страны, а также, в какой-то степени, России. Центральным субъектным элементом этой проблематики являются талибы. Что видят в этом движении неафганские участники (США, Россия, Китай, Индия и другие) и как понимают политику талибов — понятны разночтения и попытки использовать эту силу в своих интересах. Опыт верховенства талибов в Афганистане и создание ими исламского эмирата было неприемлемым для многих государств по ряду принципиальных и непринципиальных причин. Избранный талибами путь развития считался в странах Европы, Америки, во многих странах Азии и Африки ретроградным, пугающим и попахивающим войной и терроризмом. И на самом деле действия талибов внутри страны вызывали у многих внешних наблюдателей и обывателей страх и ненависть и ложились на благодатную почву, хорошо «сдобренную» террористическими и иными преступными деяниями экстремистов в других частях света, а не только в Афганистане.

Призыв ШОС к прямым переговорам между афганским правительством и талибами (заседание министров иностранных дел ШОС в Пекине 24 апреля 2018 года) должен быть услышан и талибами, и другими участниками миротворческого процесса. Как представляется, это наиболее оптимальный вариант решения афганского конфликта, который, кстати, может осуществляться в русле межафганских переговоров, без посредников. Президент Узбекистана Ш. Мирзиев на конференции по Афганистану в Ташкенте 27 марта 2018 года еще раз подтвердил мнение центральноазиатских стран по этому поводу: «Необходимо обеспечить запуск прямого диалога, без предварительных условий, между центральным правительством и основными силами вооруженной оппозиции. Прежде всего, с движением «Талибан»². Кстати, поддержали эту инициативу и американцы — устами заместителя Государственного секретаря США Дж. Салливана.

Сегодня ситуация в Афганистане усугубилась, во-первых, за счет появления в этой стране отрядов «Исламского государства», а во-вторых — за счет развертывания проекта террористов в концептуальном смысле на огромной территории от Магриба до Юго-Восточной Азии и, что немаловажно, ввиду появления немалого количества поддерживающих их «спящих» и иных побуждаемых к скрытым и нескрытым террористическим действиям людей во многих странах мира, причем не только исламских. Включение Центральной Азии в т.н. провинцию Хорасан возбудило интерес немногочисленных апологетов ИГ в регионе; увеличился поток местных боевиков в Сирию и Ирак, активизировались экстремисты и прочие авантюристы. Уже были на памяти центральноазиатских жителей призывы к созданию халифата, как, например, лозунги партии «Хизб-ут-Тахрир». Но декларации ИГ в этом смысле представляют новую качественную угрозу, усугубленную военными и псевдогосудар-

² Выступление Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева на международной конференции по Афганистану, 27.03.2018 [Speech by President of Uzbekistan S. M. Mirziyoyev at the International Conference on Afghanistan, 27 March 2018].

ственноческими деяниями, и, разумеется, массовыми, фронтальными террористическими актами.

Угрозы со стороны ИГ, точно так же как и со стороны «Хизб-ут-Тахрир», заключаются, прежде всего, в претензии на посягательство на Конституции стран Центральной Азии, конституционный строй этих государств. Без всякого стеснения ИГ ставит задачу разрушения той политической системы, одной из основ которой является светскость и не в последнюю очередь — гендерное равенство. И, разумеется, неприятие ИГ культуры народов Центральной Азии, достижения которых в области развития театра, кинематографа, изобразительного искусства и литературы вызывают восхищение всего мира.

Афганская проблематика требует, разумеется, некоего партнерства, несмотря на различные уставные положения, стратегии и проекты международных организаций. Прежде всего, речь наверняка должна идти о поддержке здравых и перспективных инициатив, таких как например, Стамбульский процесс. При всей кажущейся вялости и беззубости этих инициатив, сами подобного рода проекты, тем не менее, стимулируют движение противоборствующих сторон к неким контактам и неконтактным беседам, обсуждениям и переговорам, а также некоторым образом нивелируют непримиримость тех или иных группировок, включая правительство.

Важный вопрос — внутренние события, которые происходят в центральноазиатских странах, деятельность различного рода экстремистских структур в этом регионе. Особое значение имеет миграция практически из всех стран региона в Россию, Турцию, арабские страны, Казахстан и другие страны. Миграция имеет множество последствий, как позитивных (в меньшей степени), так и негативных (в большей степени). Одна из самых тяжелых и нелегитимных разновидностей миграции — вербовка мигрантов в террористические преступные организации, их выезд в разрушающиеся страны магрибо-афганской полосы исламского мира.

Как представляется, миграционная составляющая является актуальнейшей задачей, которой могли бы совместно заняться международные организации, например, ШОС, ОБСЕ, ОДКБ и другие евразийские структуры. Можно было бы создать единую мониторинговую площадку, в рамках которой существовала бы возможность исследовать и анализировать ситуацию с мигрирующими гражданами стран Центральной Азии, и в превентивном порядке предупреждать правительства этих государств. Более того, информационно-разъяснительная деятельность такого мониторингового центра могла бы принести немало пользы. Понятно, что такую работу надо вести совместно с другими организациями, задействованными в других странах.

Сегодня, в условиях стратегической неопределенности, мир, ко всему прочему, проходит также испытание и «конфликто-ориентированными импульсами», формирующимися за счет глобальных кризисов, которые в каждом регионе, в каждой стране имеют свои «местные» проявления. Порой создается впечатление, что мир захлестнула стихия отчуждения и подозрительности, высокомерия и безнравственности.

Международные отношения как один из основных смыслов и одна из основных форм жизнедеятельности людей и государств, к сожалению, не находятся вне контекста сказанного выше. В частности, вызывает понятную озабоченность то обстоятельство, что переоценка базовых элементов существующей системы международных отношений и моделирование будущих конструкций мироустройства вновь, как и в предыдущие периоды существования человечества, проводится с позиций предусматриваемой конфронтационности и заблаговременной «прорисовки портретов» будущих соперников и конкурентов.

Тем не менее, отрадно сознавать, что немало и позитивных идей, тенденций и проектов, которые могут составить то полезное и необходимое начало ожидаемого развития. Центральная Азия — исторически и географически мотивированный к межрегиональному и внутрирегиональному сотрудничеству и посредничеству район мира. В частности, тот факт, что центрально-

азиатские страны являются членами ШОС, ОБСЕ, ОИС, ОДКБ и других евразийских международных организаций, формирует условия для конструирования партнерства, во всяком случае, в диалоговом варианте — как бы изнутри, усилиями центральноазиатских стран, Турции, Албании, Боснии и Герцеговины, начать сотрудничество между упомянутыми международными структурами. Кстати, эта формула имеет отношение и к созданным и создающимся евразийским проектам, в том числе таким, как Евразийский экономический союз, «Один пояс, один путь», американский «Новый Шелковый путь», а также центральноазиатские проекты и программы Европейского союза. Однако возможная геополитическая и религиозно-культурная посредническая деятельность и дипломатия требуют, прежде всего, оценки потенциала, которым располагают центральноазиатские государства в совокупности и каждое из них в отдельности для выполнения этой весьма сложной миссии.

Следует признать, что на сегодняшний день возможности центральноазиатских государств ограничены или, скажем так, они широки настолько, насколько эти страны дееспособны как независимые государства, и насколько адекватно и полноценно понимание элитами Центральной Азии значимости региона как реально сконструированного международного политического пространства, в том числе имеющего и глобальное измерение. Очевидно, что от этого во многом зависит проектирование и реализация политических, экономических и культурно-гуманитарных «акций влияния» на внешний мир, за которыми следует не только формирование и развитие у внерегиональных лидеров и народов позитивных представлений о Центральной Азии, о ее потенциале в том или ином качестве субъекта международной жизни, но и осуществление практических мероприятий с целью развития многоаспектного сотрудничества с другими странами и межгосударственными объединениями, одновременно используя наращиваемый позитив для внутреннего обустройства региона.

Разумеется, центральноазиатские страны, в свою очередь, испытывают влияние других стран, прежде всего — ведущих держав и некоторых межстрановых объединений, в части функционирования и развития своих политических систем, социально-экономического контента, общественных отношений, внешнеполитических стратегий и многого другого. Однако представляется, что внешнее влияние на формирование институционального развития государств региона было и остается не более чем фрагментарным.

Следующая тема для понимания: насколько интенсивен и содержателен процесс исламизации или реисламизации в центральноазиатских государствах? Хотелось бы понять, какие местные и зарубежные институты и миссии вовлечены в этот процесс? Это возврат и реставрация, или это нечто новое? Можно ли понимать этот процесс как движение навстречу друг другу исламского мира и центральноазиатских государств и народов, или это все-таки одностороннее движение? И вообще, следует разобраться, кого и что имеют ввиду политики, ученые и общественные деятели, когда говорят об «(ре)исламизации» Центрально-Азиатского региона? Представляется, что серьезная исследовательская работа по этой проблематике только начинается.

И наконец, могут ли центральноазиатские государства использовать свою весьма слабую, но формальную и юридическую инкорпорированность в деятельность некоторых европейских институтов, например, ОБСЕ, свою принадлежность миру Ислама, в частности ОИС и членство в ОДКБ, для собственного становления и развития в качестве реальных субъектов современной международной жизни, с одной стороны, и формирования диалоговых коммуникаций между теми же Европой, бывшим СССР и Исламом, с другой стороны? Насколько противоречивы либо вообще антагонистичны ценностные ориентиры Запада, СНГ и Исламского мира, и каков компонент влияния и доминирования эгоистичных интересов стран всех трех миров, на основе которых выстраиваются их позиции? В дополнение

к сказанному, отмечу также и то обстоятельство, что необходимость оценки сказанного в данном абзаце и поиск формул совместимости ценностных емкостей имеет самое непосредственное отношение и к внутривнутриполитической ситуации в центральноазиатских странах. Как представляется, Центральная Азия могла бы использовать свою уникальную международную легитимность в целях «сопряжения» трех упомянутых международных организаций, «притирая» стратегии и уставные положения в целях сотрудничества.

Центральная Азия всегда была местом схождения цивилизационно-культурных потоков и мировых религий, играя при этом роль внутриконтинентального связующего коридора, правда, без ярко выраженного прогресса в том смысле, как это понималось в Европе, но с функцией интеграционного начала с экстенсивной механикой развития. Последнее в большей степени относится также и к культуре кочевнической мобильности, в контексте политических, экономических и иных потребностей, отражавших мировосприятие евразийских nomads, историческая миссия которых, на мой взгляд, заключалась в перемещении неких, порой виртуализированных ценностных емкостей из одного культурно-цивилизационного пространства в другое, но которыми они сами практически не пользовались.

В данном случае геополитика как применение географии в качестве политико-пространственного инструментария, также способствовала в общих чертах формированию Центральной Азии как «посреднического» региона. Однако смыкание в XIX столетии именно в Центральной Азии российского и цинского военно-организационных и политико-социальных пространств, в практике межгосударственных отношений нашедшего закрепление в российско-китайском пограничном размежевании, разрушило эту «посредническую» ипостась геополитической характеристики региона. В последующем была демонтирована и интеграторско-посредническая идеологема, которая всегда присутствовала при создании кочевых и оседлых государств и иных сообществ на пространстве Евразии.

В настоящее время новые государства в Центральной Азии, стремящиеся к построению собственных моделей национальной государственности, одновременно пытаются возродить и реконструировать смыслы (пока в контурах) посредническо-интеграционных традиций, существовавших ранее. Правда, следует признать, что унаследованы лишь некие фантомные явления этих самых традиций: собственно, сами смыслы стерты из памяти.

Но сегодня, во всяком случае, некоторые интересные инициативы, которые с определенной натяжкой можно категориально отнести к формулам подобных традиций, импульсирующие из Центральной Азии, находят понимание и поддержку других государств. Например, казахское СВМДА, узбекская безъядерная зона, таджикская «Декада Воды», кыргызский «Шелковый путь» и т. д. Даже туркменский «нейтралитет» в пределах определенных историко-культурных традиций можно рассматривать как стихийно реставрирующийся внутренний позыв к возрождению этих политических конструкций. Хочу при этом напомнить, что обсуждения вопросов нейтралитета имели место быть и в других центральноазиатских странах на заре их независимости.

Эти инициативы поддержаны многими европейскими и исламскими государствами, а также международными организациями. Однако требуется их развитие в сторону не организационных трендов и сиюминутного улучшения имиджа, а распространения их в качестве устойчиво и позитивно воспринимаемых другими странами идей.

В частности, с моей точки зрения, вполне можно было бы использовать создание безъядерной зоны в Центральной Азии для укрепления идей нераспространения и отказа от использования атома в военных целях. И в этом контексте следовало бы более масштабно и полноценно использовать, например, решение евразийского и мусульманского Казахстана, который добровольно отказался от статуса ядерной державы. Полагаю возможным, что согласованные и активные действия стран Центрально-Азиатского региона при поддержке ООН и других глобальных

и региональных организаций, отдельных государств, таких, например, как Россия, Китай, США, были бы способны привлечь к такому процессу широкий круг исламских и европейских стран, включая, при определенных условиях, Иран. Почему бы не подумать о присоединении Афганистана к центральноазиатской «безъядерной» зоне?

В данном контексте было бы весьма актуально и полезно для стран региона вынести на повестку дня центральноазиатского (и не только) сотрудничества проблему нераспространения в ее более насыщенном, динамичном и конструктивном виде, а не ограничиваться только подписанием договора о создании безъядерной зоны: необходима верстка региональной «безъядерной» политики и ее инструментов. Добавлю лишь то, что Центральная Азия, окруженная ядерными державами, а также странами, намеревающимися стать таковыми, должна быть более активной в укреплении и развитии этих идей.

Совершенно очевидно, что многие международные организации могли бы принять более активное участие в продвижении идеи «безъядерной» Центральной Азии. ШОС, ОДКБ, СВМДА и, может быть, ОБСЕ вполне состоятельны, в соответствии со своими уставными документами, инкорпорироваться в процесс развития этой идеи.

Вполне возможно рассматривать Договор о создании безъядерной зоны в Центральной Азии как некую предтечу формирования определенных условий для коллективной гуманитарной безопасности с участием ряда международных организаций как, например, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС.

Формирование новой культуры взаимоотношений, дипломатии «Шелкового пути» объективно подводит нас к необходимости выстраивания диалога о возможности «сопряжения» деятельности всех международных организаций и проектов — как экономических, так и политических — в целях достижения всеобъемлющей безопасности, полноценного развития и благополучия людей, живущих в странах евразийского континента.

Роль региональных институтов в Центральной Азии — взаимосвязь, взаимоблокировка или просто сосуществование?

Пал Дунай

Научные статьи, посвященные Центральной Азии, обычно начинают описывать период с окончания эпохи Советского Союза и обретения независимости пятью бывшими республиками Советского Союза. Есть все основания последовать этому примеру, чтобы заложить основы для описания новейшей истории и перспектив регионального сотрудничества. Распад Советского Союза означал распад так называемого объединенного сообщества безопасности и уход из Центральной Азии силы, которая определяла её судьбу на протяжении более чем столетия, а в некоторых частях — и гораздо дольше³. На это можно возразить, что Центральная Азия не может быть частью объединенного сообщества безопасности, поскольку как царские, так и коммунистические режимы были навязаны народам региона. Такое предположение звучит убедительно для западной аудитории, которая готова принять упрощенный подход. Однако, особенно в Центральной Азии, ситуация более сложная. Там Российская империя появилась как сила трансформации. Центральная Азия получила экономическую и культурную выгоду от этой невольной интеграции в более крупное образование.

Тем не менее, долгая прерванная государственность, а затем объединение в субъект, который централизовал решения и лишил местные власти права на принятие стратегических решений, оказали влияние на Центральную Азию. Это стало

³ В объединенном сообществе безопасности государства отказываются от своего суверенитета и объединяют его в более крупную суверенную единицу. Чаще всего так поступают федеративные государства: отказываются от значительной части своей политической независимости и тем самым преодолевают историческую враждебность, которая проистекает из того факта, что обычно одна часть такой организации подчиняет другие части своей воле. Достаточно привести в пример Германию, царскую Россию, а затем и Советский Союз.

следствием ситуации, когда власти независимых государств Центральной Азии вообще не имели опыта в каких-либо делах, или тот ограниченный опыт, которым они обладали, был связан с их советским прошлым. Опыт управления своими странами демократическим путем полностью отсутствовал и мог основываться только на инстинктах: в конечном итоге, все сводилось исключительно к ним. Кроме того, опыт межгосударственных отношений между суверенными образованиями также отсутствовал. Таким образом, опыт, который можно было использовать, был недоступен. В таких условиях было бы удивительно, если бы Центральная Азия прошла успешную и быструю трансформацию.

Также существенно, имели ли новые независимые государства региона что-то общее, не говоря уже об общей идентичности. Здесь возникают три вопроса: 1. Заинтересованы ли государства Центральной Азии в развитии общей идентичности после обретения независимости? 2. Рассматривали ли они другие варианты, кроме «центральноазиатского»? 3. Повлияла ли внешняя среда на интеграцию стран Центральной Азии или нет?

Государства Центральной Азии не были на первом плане при распаде Советского Союза. Некоторые из них даже не понимали, почему это должно было случиться. В большинстве случаев у них были веские причины не только не быть заинтересованными, но и фактически быть против этого. Первое может быть связано с тем, что современная государственность была завезена в регион русским царем и Советским Союзом. Встречный интерес может быть отчасти связан с отсутствием опыта практической реализации суверенитета, а, возможно — даже с осознанием экономической слабости их государств, глубоко интегрированных в централизованную советскую экономику. Несмотря на то, что коммунистические лидеры в Центральной Азии не могли точно знать, какую выгоду получили их советские республики от системы централизованного перераспределения, у них были основания полагать, что, будучи не-

зависимыми государствами, им будет хуже. Тот факт, что они не были заинтересованы в процессе распада, не означал, что они не могли быстро приспособиться к неограниченному суверенитету того или иного рода. Некоторые установили диктатуру, другие — авторитарные режимы; Кыргызстан экспериментировал с некой формой демократии, а Таджикистан быстро погрузился в гражданскую войну. Поиски идентичности привели к тому, что они также объявили себя тем, чем эти нации не являлись. Национальная идентичность, основанная на этнической идентичности, привела к изоляции. Создание национальной идентичности является исторической задачей, и оно может занять гораздо больше времени, чем одно поколение. Следовательно, менее чем через тридцать лет мы можем сделать вывод, что исторически мы находимся на ранней стадии процесса. Это стало следствием той ситуации, когда государства Центральной Азии перешли от своей советской идентичности к национальной, что заставило их не желать быть центрально-азиатскими. Воспринимаемая связь с российским/советским опытом была положительной. Это дало государствам Центральной Азии характерное советское наследие.

Центральная Азия традиционно отождествляется с пятью бывшими республиками Советского Союза: Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Однако некоторые эксперты добавляют в регион и Афганистан, чтобы он не оставался неохваченным, находясь между Большим Ближним Востоком и Южной Азией. Понятно, что это было сделано для того, чтобы связать Центральную Азию с соседом, который был известен на международном уровне лучше, чем любое из пяти государств, упомянутых выше, а также для обеспечения понимания того, что регион находится рядом с основным источником отсутствия безопасности⁴. Это могло бы помочь привлечь внимание и вызвать готовность поддержать пять государств Центральной Азии и оказать им содействие.

⁴ S. Frederick Starr, A Partnership for Central Asia, Foreign Affairs, Vol. 84 No. 4, July/August 2005, pp. 164-178.

Существует также термин «бегство из Центральной Азии», которая иногда воспринимается как отсталая и слабо развитая. Дарига Назарбаева четко заявила: «Географически Казахстан граничит с Центральной Азией, но не является страной Центральной Азии. Наше евразийское государство находится под сильным влиянием [европейских] и западных ценностей. Вопреки тому, что утверждают некоторые политики и журналисты, мы не еще один «-стан». Саудовская Аравия не является нашим историческим ориентиром: мы смотрим на Норвегию, Южную Корею и Сингапур»⁵. Казахстан, самое экономически успешное и эффективное государство, также представлял концепцию «Казахстан и Средняя Азия», чтобы показать разницу между собой и государствами, расположенными южнее него. Президент второго богатейшего государства Центральной Азии (по уровню ВВП на душу населения), Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов представил свою страну как имеющую двойную принадлежность — к Каспию и к Центральной Азии⁶.

Несмотря на эти два фактора, идентичность государств Центральной Азии исторически определена и тождественна пяти бывшим советским республикам. Однако, несмотря на то, что влияние Советского Союза насчитывает более четверти века, совершенно очевидно, что государства Центральной Азии сами выбирают свое направление развития. Центростремительные тенденции преобладали в последней четверти века или, по крайней мере, привлекли больше внимания, чем те факторы, которые продолжали удерживать страны региона вместе. Одним из самых интригующих вопросов региона остается вопрос о том, можно ли сделать выводы на будущее из его недавнего прошлого.

⁵ Дарига Назарбаева, Специфика и перспективы политического развития Казахстана [Peculiarity and Prospects of Kazakhstan's Political Development], 3 декабря 2003 года, (выделено автором) <http://www.imp.kz/Lists/articles/DispForm.aspx?ID=766> (дата последнего обращения: 27 ноября 2010 г.)

⁶ Выступление Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 23 сентября 2009 года. www.turkmenistan.ru/en/node/8396 (дата последнего обращения: 20 октября 2018 г.)

На международном уровне Центральная Азия имеет двойную идентичность: как регион из пяти постсоветских государств, каждое из которых является государством-участником ОБСЕ, они имеют некоторую предполагаемую европейскую идентичность, в то время как географически они лежат за Уралом и принадлежат к азиатской группе государств в ООН. Мир склонен забывать об этом регионе, учитывая, что две основные причины, по которым Центральная Азия имела значение после распада Советского Союза, в значительной степени утратили свою важность. Эти две причины были следующими: (1) богатство природных ресурсов и источников энергии; и (2) с 2001 года, непосредственная близость к Афганистану. Ни то, ни другое больше не способствует поддержанию внимания. Природные ресурсы и источники энергии — как ресурсы, так и транзитные маршруты — были в значительной степени распроданы; хотя предпринимаются определенные попытки несколько изменить направление торговли, эти перестановки будут касаться только «остатков». Соседство с Афганистаном продолжает рассматриваться как фактор, влияющий на внимание международного сообщества к Центральной Азии. Тем не менее, внимание, безусловно, уменьшилось за эти годы по сравнению с первым десятилетием, которое последовало за 11 сентября. Внутренняя нестабильность Афганистана, не распространяющаяся за международные границы, и западные базы, закрытые в Центральной Азии, безусловно, способствовали этому.

Внешняя среда в Центральной Азии способствовала интеграции в различные институты. Две организации — Организация Объединенных Наций и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе — имели одну общую черту: открытость. Обе организации (поскольку СБСЕ де-факто преобразовалось в организацию к моменту присоединения государств Центральной Азии в 1992 году) являются инклюзивными: одна в универсальном масштабе, а другая — в широком понимании евроатлантического региона. Они продемонстрировали это, приняв новых членов без учета стандартов, которым таковые

могли бы соответствовать. Обе организации быстро приняли пять государств Центральной Азии в свой состав, несмотря на существующие ограничения и сомнения. Тогда самый известный российский эксперт ОБСЕ Андрей Загорский выступил против «быстрого принятия новых республик, без отбора по традиционным критериям СБСЕ»⁷. Он, прежде всего, имел в виду государства Центральной Азии, подразумевая, что они должны сначала пройти развитие внутри страны, решая проблемы, вытекающие из вновь приобретенной государственности, неопытности в отношении суверенитета, модернизации и демократических преобразований. Оглядываясь назад, Андрей Загорский мог бы оправданно высказать подобные сомнения в отношении почти всех двенадцати государств-преемников Советского Союза. Было ясно: эти две организации более приоритетным считают включение, а не установление стандартов. При этом они позиционируют себя как институты, которые отдают предпочтение социализации, а не обусловленности. С учетом более четверти века опыта и оценки Центральной Азии с точки зрения реализации соответствующих ценностей, по утверждению ОБСЕ, могли присутствовать аргументы «за» и «против» для скорейшего предоставления статуса государства-участника пяти государствам Центральной Азии. Однако, другое решение государств-участников СБСЕ было бы чуждо внутренней логике инклюзивности указанной организации.

Понятно, что страны Центральной Азии начали свою жизнь как независимые государства без сети международных институтов. В первый день независимости их членство ограничивалось Содружеством Независимых Государств (СНГ), созданным менее чем за месяц до этого. Оно имело короткое прошлое и, следовательно, неопределенное будущее. В дополнение к ОБСЕ, это ООН (и некоторые из ее специализированных учреждений) и СНГ, участником которого является каждая центрально-азиат-

⁷ Андрей Загорский, СБСЕ и новый евроазиатский вызов. В: Michael R. Lucas (ed.), *The CSCE in the 1990s: Constructing European Security and Cooperation*, Baden-Baden: Nomos Verlag, 1993, p. 282.

ская страна. Следовательно, что касается многостороннего участия региона как такового, оно остается весьма ограниченным. Однако появились некоторые институты, которых не было, когда государства Центральной Азии начинали свою суверенную жизнь, их существование представляет собой ситуацию, к которой Центральная Азия и другие организации, действующие на ее территории, должны приобщиться.

Однако такая ситуация не является чем-то новым для ОБСЕ. Большинство ее членов принадлежат к той или иной международной организации с меньшим числом членов, чем число государств-участников ОБСЕ. В большинстве случаев эти институты демонстрируют большую внутреннюю сплоченность, чем ОБСЕ, где, к сожалению, сплоченность была нестабильной и часто оставалась декларативной. В силу своего исторического развития и органической эволюции эти институты, возможно, представляют немало сложных задач, помимо возможностей. А именно, в связи с тем, что эти организации могут оказать поддержку и сплотить ресурсы своих членов. Это можно увидеть в массовой поддержке и помощи Европейского союза Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ. Тем не менее, имеет существенное значение то, что каждое государство-член ЕС является государством-участником ОБСЕ, что характеризует некоторые организации, в которых участвуют государства Центральной Азии, но не каждое из них. В частности, это применимо к ОДКБ и ЕАЭС, но не к ШОС и СВМДА. Было бы трудно ассоциировать с ОБСЕ организации, в состав которых входят государства, не входящие в ОБСЕ. Следовательно, их вклад останется в значительной степени несущественным, хотя в некоторых случаях очевидное дублирование их плана действий (как, например, между СВМДА и режимом укрепления доверия и безопасности ОБСЕ) является очевидным.

ОБСЕ находится на мягкой границе спектра организаций, не прибегая к исключению государств из числа своих членов. Это имело место в случае с приостановкой участия Югославии в ОБСЕ в начале 1990-х из-за агрессивной войны, которую

вел Белград⁸. Таким образом, СБСЕ/ОБСЕ пришлось выбрать трудный путь, чтобы помочь развитию Центральной Азии. Организация пытается влиять на государства Центральной Азии посредством убеждения и социализации, чтобы они поддерживали общие декларируемые ценности, принципы и нормы, которые отдельные государства-участники обязались исполнять, вступая в организацию в эпоху после окончания холодной войны. И все же не все государства одинаково затронуты такой социализацией.

Центральная Азия была «трудным клиентом» ОБСЕ отчасти из-за объективных факторов, упомянутых выше, и отчасти из-за субъективных факторов, которые могут касаться лидеров еще молодых государств. Проблемы нарушения либеральных норм проистекают не только из-за растущего нежелания лидеров стран Центральной Азии отстаивать их, но также из-за слабого государственного потенциала. Именно по этой причине Марта Брилл Олкотт пришла к выводу, что Центральная Азия упустила и свой второй шанс⁹. Стремясь помочь в достижении ценностей, стандартов и норм, вдохновленных Хельсинкским заключительным актом, ОБСЕ надеялась содействовать развитию и, возможно, преобразованию тех государств-участников, которые нуждаются в поддержке для выполнения требований, указанных в разработанном законодательстве организации.

В свою очередь, государства Центральной Азии часто выражали недовольство своими обязательствами перед ОБСЕ. С одной стороны, они формально продемонстрировали то, что исполняют их, а с другой стороны, они изо всех сил старались сохранить как можно большую автономию. В этом нет ничего нового. Примечательно, что Роберт Кохейн и Джозеф Най, в своей основополагающей книге 1970-х годов, пришли к выводу, что «проблема, стоящая перед отдельными правительствами, заключается в том, как извлечь выгоду из международного

⁸ Erika B. Schlager, An Introduction on Helsinki-II. In: Arie Bloed (ed.), *The Challenges of Change: The Helsinki Summit of the CSCE and Its Aftermath*, Dordrecht, Kluwer, 1994, pp. 5-6.

⁹ Martha Brill Olcott, *Central Asia's Second Chance*, Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005.

обмена при сохранении как можно большей автономии... как создать и поддерживать взаимовыгодную модель сотрудничества перед лицом конкурирующих усилий правительств... манипулировать системой для своей собственной выгоды»¹⁰. Это особенно актуально для нашей темы, поскольку участие в различных международных институтах расширяет возможности для маневрирования.

Однако остается открытым вопрос о том, являются ли различные цели ОБСЕ совместимыми, могут ли они в конечном итоге быть согласованы и каким образом. Основные благородные цели ясны: обеспечить «всестороннюю безопасность» в сообществе государств-участников. Это может быть достигнуто различными способами: от обеспечения международной безопасности, в том числе суверенитета между государствами-участниками до содействия их процветанию и жизнеспособной среде для населения и уважения прав человека и основных свобод. Поскольку СБСЕ/ОБСЕ на различных этапах разрабатывали и затем подтверждали свои соглашения и коллективные обязательства, было бы трудно отрицать их существование и актуальность после холодной войны. Сегодня 57 государств-участников ОБСЕ, по-видимому, поддерживают (по крайней мере формально) значимость организации, когда главы их государств и представители согласились на саммите в Астане в 2010 году, что: «Мы подтверждаем нашу полную приверженность... всем нормам ОБСЕ, принципам и обязательствам»¹¹.

Очевидно, что государства с различными социально-экономическими условиями, историей и традициями представляют разные уровни достижений в плане выполнения требований ОБСЕ. Тем не менее, заявленной целью ОБСЕ является содействие достижению своих норм для каждого из ее государств-участников, независимо от существующих затруднений. Если бы каждое из ее государств-участников достигло уровня совер-

¹⁰ Robert Keohane and Joseph Nye, *Power and Interdependence: World Politics in Transition*, Boston, Little Brown, 1977, p. 46.

¹¹ Астанинская памятная Декларация по сообществу безопасности. SUM.DOC/11/10/Corr.1, п. 2. <https://www.osce.org/mc/74985?download=true>

шенства внутри страны, мирного сотрудничества и сотрудничества на международном уровне, надлежащего управления и устойчивого процветания, организация потеряла бы свою цель. С динамической точки зрения сомнительно, что государства-участники ОБСЕ будут коллективно двигаться в этом направлении в ближайшее время. Есть две причины этой ситуации: недостаток потенциала и недостаток воли.

Также очевидно, что ОБСЕ должна давать разные ответы тем или иным государствам-участникам в зависимости от их прогресса или отсутствия такового в отношении соответствия Хельсинкским принципам. Если государство-участник не может отвечать требованиям, ему следует помочь. Однако если государство не желает соблюдать требования, дипломатическая поддержка должна быть дополнена четкой формулировкой ожиданий и оказанием некоторого давления на государство-участника. Однако на практике маловероятно, что какое-либо государство-участник в явной форме откажется от своего нежелания соответствовать требованиям ОБСЕ. И действительно, государства этого не делают. Скорее, они уточняют свою позицию, ссылаясь на принципы и нормы, которые дают основания отступать от других норм и принципов. Достаточно упомянуть окончательную ссылку на (неограниченный) «государственный суверенитет» и «запрет вмешиваться во внутренние дела государств-участников» всякий раз, когда некоторые государства-участники сталкиваются с проблемами и подвергаются критике за нарушение прав человека среди населения их стран или за то, что они не принимают мер, способствующих повышению качества управления (например, снижение коррупции).

Такие принципы суверенитета и невмешательства часто использовались лидерами стран Центральной Азии. Как прощательно отмечает Наргис Касенова, деятельность ОБСЕ «по праву считается вмешательством во внутренние дела ...»¹².

¹² Наргис Касенова, Казахстан. Овладение искусством избирательного участия. In Alexandra Dienes and Rainhard Krumm (eds.), *Perceptions of the OSCE in Europe and the USA*, Vienna, Friedrich Ebert Foundation Regional Office for Cooperation and Peace in Europe, 2018, p. 64.

Причины этого различны и включают в себя как слабую работоспособность государства, так и нежелание руководства проводить реформы, которые могут поставить под угрозу основу их власти и/или лишить отдельных лидеров и их приближенных различных выгод. Пока ОБСЕ играла классическую дипломатическую роль, просто выражая критику, управлять ситуацией было легко. Более того, поскольку организация была занята другими вопросами (прежде всего войной в Югославии в 1990-х годах), а страны Центральной Азии были новыми государствами, которые заслуживали некоторого терпения в отношении своего развития, отношение к региону было довольно сносным. Постепенно создаваемые делегации ОБСЕ из Центральноазиатских государств в Вене сообщали о своих опасениях по дипломатическим каналам, но организация не слишком рьяно реагировала на их режимы.

В конечном итоге ОБСЕ расширило свое присутствие в регионе в виде полевых миссий. В Таджикистане организация открыла свое представительство уже в 1994 году из-за продолжающейся гражданской войны. За этим последовало открытие Бюро по связям ОБСЕ в Узбекистане в октябре 1995 года, которое отвечало за остальную часть Центральной Азии. Процесс был завершён к 1999 году, когда ОБСЕ, наконец, получила местное присутствие в каждом государстве Центральной Азии. Ее доклады по Центральной Азии не были обнадеживающими. Непостоянство, отсутствие свободных и честных выборов, систематическое нарушение прав человека, повальная коррупция и кумовство были в списке вызывающих недовольство факторов, который представили технократы ОБСЕ. И преимущества открытия полевых миссий в регионе не всегда были очевидны. О присутствии представительства ОБСЕ в Таджикистане рассуждала Каролина Ключевска ¹³, и такое представительство стало одной из сложных «систем взаимного приспособления» между организацией и правительством.

¹³ Karolina Kluczevska, Benefactor, industry, or intruder? Perceptions of international organizations in Central Asia — the case of the OSCE in Tajikistan, *Central Asian Survey*, vol. 36, issue 3, 2017, p. 363.

В то время как Таджикистан был обобществлен ОБСЕ, чтобы, по крайней мере, номинально принять ценности организации в более «неолиберальном мировом порядке», ОБСЕ, в свою очередь, также была обобществлена и воспринималась правительством, гражданским обществом и населением Таджикистана «одновременно [как] противник, благодетель и бизнес [в плане выдачи иностранных субсидий]»¹⁴.

Хотя академические круги, которые следят за деятельностью ОБСЕ, считают, что многие виды деятельности организации являются многоплановыми, ясно, что проблемы, которые возникали чаще всего в предыдущие два десятилетия, были сосредоточены на «человеческом измерении» (права человека). Военно-политические и эколого-экономические аспекты, которые вместе образуют трехмерную всеобъемлющую концепцию безопасности ОБСЕ, привлекали внимания меньше. Так происходило по трем причинам.

Во-первых, человеческое измерение является областью внимания большой группы демократических стран, представляющих подавляющее большинство государств-участников. Следует понимать, что Запад не откажется от этого приоритета, поскольку его внутренняя политическая система (очень часто уходящая корнями в многовековую историю) основана на указанном измерении. Было бы совершенно невозможно представить лицемерный подход, при котором системная внутренняя основа не представлена на международном уровне в таком обществе. Также важно подчеркнуть, что бесспорная ведущая держава Запада, США, имеет демократическую историю (безусловно, с учетом длительного этапа, когда имело место уничтожение значительной части ее коренного населения, а также практика рабства и расовой дискриминации). Таким образом, планы Запада, в основном, фокусируются на человеческом измерении и делают на нем большой акцент (хотя иногда номинально, ввиду *реальной политики (realpolitik)*, исходящей из критерия практики и целесообразности). Тем не менее, как на-

¹⁴ Ibid. p. 357.

поминают нам Алессандра Руссо и Андреа Гаврич: «Внимание к человеческому измерению периода холодной войны в ОБСЕ было сильно разбавлено вниманием к жесткой безопасности»¹⁵, в то время как Каролина Ключевска отмечает, что «в эпоху после 9/11, независимо от неолиберальной риторики, де-факто акцент влиятельных западных держав был сделан на стабильность, а не на демократизацию»¹⁶. В свете подъема так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и частичного вовлечения Центральной Азии как в качестве «источника поставки» боевиков, так и в качестве места назначения возвращающихся из ИГИЛ, стабильность в Центральной Азии вновь временно приобрела большую значимость после сокращения численности международных сил содействия безопасности (ИСАФ) под руководством США и НАТО в продолжающейся войне в Афганистане. Тем не менее, почти полное прекращение работы ИСАФ в смысле контроля над территорией привело к снижению внимания к Центральной Азии в подавляющем большинстве государств-участников ОБСЕ.

Вторая причина проблемного характера «человеческого измерения» и, следовательно, снижения внимания к нему со стороны ОБСЕ в Центральной Азии заключается в том, что вопросы безопасности, касающиеся военно-политического измерения, были менее доминирующими в Центральной Азии, чем, например, на Кавказе или ранее на Западных Балканах. После окончания гражданской войны в Таджикистане в 1997 году классические межгосударственные конфликты, которые можно было бы разрешить с помощью средств, доступных в этом измерении, не происходили. Несмотря на то, что конфликты низкой интенсивности имели место в трех центральноазиатских государствах — Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, когда такой конфликт усиливался, ОБСЕ либо слишком медленно реагировала, поскольку события происхо-

¹⁵ Alessandra Russo and Andrea Gawrich, *Overlap with contestation? Comparing norms and policies of regional organizations in the post-Soviet space*, *Central Asian Survey*, vol. 36, issue 3, 2017, p. 338.

¹⁶ Kluczevska, *Op. cit.* p. 368.

дили быстро (кыргызская революция 2005 года и андижанские события в Узбекистане, а также насильственное межэтническое массовое движение в июне 2010 года), либо они происходили, несмотря на намерение ОБСЕ обеспечить конструктивное участие, как, например, в случае применения силы в Жанаозене в 2011 году против протестующих в Казахстане, в ходе Хорогских событий 2012 года в Таджикистане и демонстрации 2016 года в Казахстане. В этом контексте следует отметить, что Казахстан испытывал трудности с соответствующим вмешательством в конфликт между двумя южными соседями, выступая в качестве государства-председателя ОБСЕ в 2010 году.

В-третьих, экономические и экологические аспекты часто находятся в центре внимания по умолчанию в Центральной Азии, поскольку они создают наименьшее количество проблем в сравнении с основными авторитарными режимами региона. И это несмотря на то, что вопросы процветания и благосостояния не стоят на повестке дня ОБСЕ, по крайней мере, в отношении ценностей и принципов. Отчасти это связано с тем, что свод принципов восходит к Хельсинкскому декалогу 1975 года, в котором экономические вопросы как таковые не стояли на повестке дня в качестве принципиальных. Такие вопросы, как право на чистую окружающую среду и так называемое третье поколение прав человека, возникли позже, но также не были включены в повестку дня на обсуждениях в Хельсинки. Кроме того, по сравнению со многими другими межправительственными организациями, такими как многочисленные отделения ООН, ОБСЕ является относительно «бедной организацией» со сравнительно небольшим бюджетом. Следовательно, хотя государства Центральной Азии и неправительственные организации (НПО) по-прежнему рассматривают ОБСЕ в качестве донора и источника средств и материальных благ, многие имеют ограниченные ожидания относительно того, для доступа к каким ресурсам она может быть использована.

Тем не менее, ОБСЕ удалось постепенно обратить внимание на человеческое измерение после окончания холодной войны.

Однако первоначально внимание организации было сосредоточено не на Центральной Азии, поэтому пять бывших советских республик смогли избежать неприятностей с самого начала. Положение в области прав человека в регионе было плачевным и не учитывало значительные региональные различия. В то время как Туркменистан и Узбекистан считаются в широких кругах диктаторскими государствами, в Казахстане существует более дифференцированное авторитарное правление. Кыргызстан, государство, которое в целом считается самым демократическим в регионе, колеблется в зависимости от своего демократического прошлого, в то время как Таджикистан уже некоторое время движется назад. Конечно, смена власти в Ташкенте породила большие надежды на то, чтобы Узбекистан выйдет из своего диктаторского прошлого. Эти надежды уже спустя два года после смены власти оправдались сверх меры, так как изменения превысили ожидаемые. Однако остается вопрос, сыграла ли в этом свою роль ОБСЕ или это было связано с внутренней динамикой в Узбекистане.

Учитывая географию и реальную ситуацию в политике, Центральная Азия была гораздо менее интересна большинству государств-участников ОБСЕ, чем бывшая Югославия или другие государства-преемники бывшего Советского Союза. Среди постсоветских государств Беларусь имела значение, как и время от времени Украина. Молдова и государства Южного Кавказа также имели значение из-за затяжных конфликтов на их территориях, которые часто приводили к внутренней смене власти и нарушению прав этнических меньшинств. Можно сделать вывод, что эти конфликты имели большее значение, поскольку они происходили ближе к Западной Европе и сообществу западных демократий. Однако другое прочтение может также дать некоторое объяснение: такие конфликты имеют большее значение для Запада, поскольку Российская Федерация выступает на их стороне, а Запад фактически вступает в геополитическое соперничество с Россией в результате такого затяжного конфликта. И последнее, но не менее важное: до тех пор, пока доминирова-

ла политика администрации Клинтона «сначала Россия», весь вопрос «человеческого измерения» имел меньшее значение, чем впоследствии. Сегодня кажется, что человеческое измерение вновь стало менее заметным, чем в предыдущем десятилетии, из-за «войны с терроризмом» под руководством США и важности, придаваемой стабильности, а не демократическим преобразованиям.

Тем не менее, когда ОБСЕ обратилась к человеческому измерению и демократии в Центральной Азии, оценка вызвала беспокойство. Например, в этом регионе не было ни одних выборов, которые были бы оценены как «свободные и справедливые». Отчеты Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ о выборах в Центральной Азии демонстрируют различие между разными дипломатическими формулировками — от оценки, характеризующей их как «не свободные, не справедливые» до «технических недостатков». ОБСЕ отказалась от присутствия в качестве наблюдателя почти на всех выборах в Туркменистане. «Блокада» выборов в Туркменистане до 2013 года сменилась оценочной миссией на выборах в законодательные органы Туркменистана в декабре того же года. Это решение стало удовлетворительным и для туркменского руководства. Обе стороны могут что-то требовать: с одной стороны, ОБСЕ может подтвердить, что она оценила выборы в Туркменистане; с другой стороны, туркменские власти могут утверждать, что они провели выборы с международной оценкой. Однако было легче понять отказ от отправки наблюдателей за выборами, чем предложение «промежуточного решения». Если и когда ОБСЕ, зарекомендовавшая себя как организация, устанавливающая стандарты в области наблюдателя за выборами, отказывается наблюдать за выборами в государстве-участнике, это лишает такие выборы международной легитимности. Спорным является вопрос о том, является ли лишение выборов их легитимности более сильным стимулом, чем наблюдение, которое, таким образом, оказывает на них незначительное влияние и помогает собрать информацию о том,

на каком уровне демократии находится страна. Несмотря на то, что государства без прозрачности не понесли бы значительных потерь из-за нежелания БДИПЧ следить за своими выборами, это несколько сложнее понять, чем присутствие на низком уровне в некоторых других случаях.

Тем не менее, некоторые утверждают, что ОБСЕ также необходимо пересмотреть свою собственную деятельность, чтобы гарантировать, что ее наблюдение и присутствие на выборах не приносит больше вреда, чем пользы. Почти все выборы в Центральной Азии (за исключением Кыргызстана после 2010 года) привели к тому, что БДИПЧ/ОБСЕ сообщили об отсутствии подлинно плюралистического выбора для избирателей и [...] большинство предыдущих рекомендаций БДИПЧ остается без внимания [со стороны государства] ... (ОБСЕ/БДИПЧ 2009г.). Некоторые наблюдатели утверждают, что «наблюдения за выборами ОБСЕ/БДИПЧ в государствах Центральной Азии не только не способствуют расцвету демократии и политического плюрализма, но ... вместо этого непреднамеренно [способствуют] укреплению виртуальной демократии». Паям Форуги и Угулой Мухторова называют это явление «контринтуитивным эффектом Хельсинки» и утверждают, что БДИПЧ сознательно участвует в этом процессе наблюдения за предрешенными фальсифицированными выборами, чтобы обеспечить себе «смысл существования как института после окончания холодной войны»¹⁷. При должном уважении к этой точке зрения, можно рассмотреть несколько более примирительную формулировку: что ОБСЕ и ее государства-участники просто считают, что активное участие сулит большее влияние, чем введение условий и отказ в наблюдении за выборами.

Выборы и наблюдение за ними стали более важными, когда Российская Федерация все больше присоединялась к другим (регулярным) нарушителям в течении последнего десятилетия.

¹⁷ Payam Foroughi and Uguloy Mukhtorova, Helsinki's counterintuitive effect? OSCE/ODIHR's election observation missions and solidification of virtual democracy in post-Communist Central Asia: the case of Tajikistan, 2000-2013, *Central Asian Survey*, vol. 36, issue 3, 2017, p. 377.

ОБСЕ стала рассматривать нарушение избирательных норм как быстро распространяющуюся «болезнь». Коалиция была сформирована в середине 2000-х годов по инициативе России и под руководством многих постсоветских государств, которые коллективно оспаривали более активное участие международных игроков — и прежде всего, ОБСЕ — в их выборах. Эта коалиция, в которую входят государства Центральной Азии, утверждала, что в подходе организации к мониторингу существовал фундаментальный уклон. Он утверждал, что основное внимание БДИПЧ/ОБСЕ уделялось главным образом восточным регионам организации; что отчетность наблюдателей велась без возможности обжалования принимающей страной; и что наблюдение за выборами может быть использовано для подрыва стабильности. Возрастающая обеспокоенность возглавляемой Россией группы государств была связана с возможным возникновением так называемых «цветных революций» в ответ на предполагаемые недемократические выборы.

Что касается прав человека и их нарушения, которое является еще одним основным элементом человеческого измерения, картина сложна и требует детальной оценки. Западные правозащитные группы (в том числе Amnesty International, Human Rights Watch и Freedom House) регулярно оценивают ситуацию и представляют в целом мрачную картину. И есть несколько причин для оптимизма — по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Однако для составления картины в части прав человека необходимо принять во внимание следующие факторы: во-первых, после окончания конфликта между Востоком и Западом и, следовательно, с момента создания суверенной государственности в Центральной Азии, права человека были сосредоточены на политических правах и индивидуальных свободах — это области, в которых авторитарные режимы работают плохо.

Во-вторых, оценка ситуации с правами человека в разных государствах Центральной Азии сталкивается с проблемой, что регион не является приоритетом для Запада. Когда те же самые

западные государства ищут стратегических партнеров в регионе, будь то в отношении продолжающейся «глобальной войны с террором» или торговли и экономики, они обычно очень осторожны, если не умалчивают напрямую свои взгляды по вопросам прав человека, которые в противном случае необходимо было бы обсудить. Это создает проблему и для правозащитных НПО, которые продолжают высказывать свои взгляды, и для государственных учреждений, которым необходимо справляться с давлением. В некоторых случаях рассмотрение приводит к деликатному выбору между ценностями и нормами, с одной стороны, и заботой о стабильности — с другой. В регионе, который не имеет особого глобального стратегического значения в позитивном смысле, но который может создать проблемы, если он не хочет сотрудничать, приоритет склоняется к стабильности и «консолидированным» отношениям. В качестве примера можно привести Узбекистан, государство, имеющее разочаровывающую репутацию в области прав человека, которое было важным партнером США в Северной распределительной сети (NDN) при выводе вооружений и техники из Афганистана после завершения миссии ИСАФ (ISAF, Международные силы содействия безопасности).

В-третьих, оценка ОБСЕ в регионе часто подрывается недостатком знаний. Оценка региона часто носит описательный характер, в значительной степени опираясь на краткий обзор местных средств массовой информации и отчетов других международных организаций, а не на собственные исследования и работу на местах. Об этом свидетельствуют комментарии и презентации глав делегаций в Постоянном совете (ПК) ОБСЕ в штаб-квартире Организации в Вене, даже несмотря на то, что некоторые делегации выявляют и предают гласности определенные нарушения и отдельные случаи (аресты отдельных журналистов, жестокое обращение с оппозиционными политиками и пристрастные СМИ). Также важно подчеркнуть, что, независимо от нормативных деклараций ОБСЕ, состоящей из 57 членов, в действительности нет единого мнения относитель-

но того, что представляет собой нарушение прав. Нормативное расхождение между различными государствами-участниками либо никогда не исчезало с окончанием холодной войны, либо вскоре возвращалось. Представления об индивидуальной свободе также расходятся. Кроме того, после нескольких волн демократических преобразований между 1960-ми и 1990-ми годами, в том числе двух в Европе, развитие демократии было остановлено. Можно также сказать, что произошел возврат к авторитарному правлению (Cooley 2015)¹⁸.

Существенно или номинально, деятельность ОБСЕ направлена на обеспечение ценностей, норм и принципов Хельсинкского заключительного акта 1975 года. Тем не менее, с начала 1990-х годов для ОБСЕ ее физическое присутствие в форме постоянных миссий на местах и представительств в государствах-участниках, которые испытывают трудности с выполнением требований Хельсинкского соглашения, является существенной особенностью. Как правило, это считается значительным отличием по сравнению с другими организациями, хотя ЕС и Совет Европы (СЕ) имеют значительное присутствие на местах. Однако большое значение имеет то, что ОБСЕ может рассматривать страны Центральной Азии в качестве своих государств-участников, тогда как присутствующие на местах ЕС и СЕ не могут. Полевое присутствие сконцентрировано в двух частях государств-участников ОБСЕ: на Западных Балканах и на постсоветском пространстве без постоянных представительств в западных государствах, некоторые из которых также сталкиваются с проблемами в связи с их обязательствами перед ОБСЕ в одном или нескольких из трех измерений.

Общий единый бюджет (ЕБ) ОБСЕ на 2017 год был чуть ниже 139 миллионов евро, из которых 55 % было потрачено на миссии ОБСЕ на местах, менее половины (20 миллионов евро) было потрачено на постсоветском пространстве в 13 представительствах. Два крупнейших бюджета были в Таджикистане

¹⁸ Cooley, A. "Countering Democratic Norms" *Journal of Democracy*, Vol 26, No 3, 2015, pp. 49-63.

(7,55 миллионов евро) и Кыргызстане (6,8 миллионов евро) соответственно¹⁹. Миссии на местах, хотя и частично совпадают по своей деятельности в разных государствах-участниках, тем не менее претендуют на осуществление проектов, ориентированных на различные потребности принимающей страны. Изначально присутствие ОБСЕ задумывалось как автономия в отношении реализуемых проектов. Тем не менее, финансирование из так называемого единого бюджета также представляло некоторые ограничения, поскольку оно было предметом консенсуса государств-участников в рамках организации. Однако внебюджетное финансирование (ЕхВ, которое не требует одобрения консультативного совета) дополняло строго ограниченные ресурсы единого бюджета (ЕБ). Некоторые западные государства (главным образом, США, а также ЕС и некоторые из его более состоятельных участников) выступили в качестве основных внебюджетных доноров. Понятно, что их политические предпочтения были отражены в потоке финансирования. Это по понятным причинам расстроило государства, которые были основными получателями ресурсов, и их наставника на постсоветском пространстве, Российской Федерации.

Ситуация усугублялась, в частности, в то время, когда одна «цветная революция» следовала за другой в период между 2003 и 2005 годами. При наличии или отсутствии доказательств у некоторых постсоветских государств сложилось впечатление, что источники, направляемые через ОБСЕ, способствовали финансированию политических преобразований. Многие государства с разной степенью авторитаризма хотели предотвратить эффект «снежного кома» в непосредственной близости от себя. Как отмечалось выше, группа постсоветских государств под руководством России разработала ряд претензий, которые варьировались от финансирования ЕхВ для определенных политических целей до недопредставленности граждан постсоветских государств в ведущих функциях ОБСЕ, чрезмерного внимания к мо-

¹⁹ Ежегодный отчет 2017, Вена, ОБСЕ, 2018, с. 98.

ниторингу выборов в основном в странах «к востоку от Вены», то есть в бывшем коммунистическом мире. Россия правильно утверждает, что финансирование ЕхВ обеспечило автономию некоторых институтов ОБСЕ (главным образом, БДИПЧ). Россия, в свою очередь, обвиняет Запад и, главным образом США, в том, что они «приватизировали» БДИПЧ, организацию, которая первоначально принимала все свои решения на основе консенсуса²⁰. Такие обвинения повлияли на перемены, произошедшие в организации за последнее десятилетие. Среди прочего, два постсоветских государства председательствовали в ОБСЕ (Казахстан в 2010 г., Украина в 2013 г.), граждане России, Беларуси и Украины возглавляли миссии ОБСЕ на местах в различных государствах в разные моменты времени (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), а финансирование ЕхВ чаще использовалось в целях, удовлетворяющих принимающее государство.

Если присутствие ОБСЕ на местах имеет существенное значение, то государства, принимающие такое присутствие на местах, также имеют значительный переговорный потенциал. Здесь есть примечательная тенденция: государствам-участникам не нравится присутствие ОБСЕ на их территории. Можно выделить три разные тенденции. Во-первых, некоторые государства-участники предпринимают усилия, чтобы убедить других отменить присутствие ОБСЕ на местах путем консенсуса. Эстония и Латвия закрыли представительства ОБСЕ у себя в стране в 2001 году, утверждая, что они приближаются к членству в ЕС. Хорватия сначала сократила присутствие ОБСЕ у себя в 2007 году, а затем и вовсе закрыла миссию ОБСЕ в 2011 году по тем же причинам. Во-вторых, некоторые другие страны инициировали свой выход без согласия других государств-участников или наложили вето на присутствие ОБСЕ на территории другого государства-участника. Это относится к таким государствам, как Беларусь (дважды), Азербайджан

²⁰ Должна ли Россия покинуть ОБСЕ? *Россия в мировой политике*, № 3, 2008 г., 9 августа 8, eng.globalaffairs.ru/number/n_11274

и совсем недавно — Армения. В-третьих, несколько государств-участников значительно сократили статус и охват присутствия ОБСЕ с «центров» или «миссий» до «координаторов программ» или «программных офисов». Это случилось как в Казахстане, так и в Узбекистане. Казахстан сначала закрыл офис в Алматы, сократив присутствие в Астане до Программного офиса с 2016 года. Тогда министр иностранных дел Казахстана Ерлан Идрисов даже сказал, что это был не последний шаг. Миссии ОБСЕ, отнесенные к категории «координация проектов» и «программы», могут осуществлять только те проекты, которые были одобрены министерствами иностранных дел страны пребывания. Это сводит свободу действий миссий ОБСЕ к минимуму и подвергает ее милости принимающего государства. Эта тенденция усиливается, несмотря на то, что миссии ОБСЕ действовали все более осторожно, чтобы не вызывать обеспокоенности у властей принимающих стран. Отчетная деятельность ОБСЕ также все в большей степени отражает скрупулезный дипломатический подход, поскольку принимающее государство также получает отчеты.

Примечательно, что те государства-участники, которые извлекают выгоду из торговли природными ресурсами, будь то их собственные (Казахстан и Азербайджан) или стран другого государства (Беларусь), более явно почувствовали, что имеют возможность оспаривать присутствие ОБСЕ на своей территории. При этом более слабые государства (Армения, Кыргызстан и Таджикистан) не зашли так далеко, чтобы открыто бросить вызов присутствию ОБСЕ, и каждое из них принимало крупные миссии ОБСЕ. Тем не менее, примечательно, что в 2016 году Кыргызстан и Таджикистан последовали примеру других государств и начали переговоры о превращении полноценных центров ОБСЕ в программные офисы. Переговоры завершились в 2017 году, как с Бишкеком, так и с Душанбе, и продемонстрировали, что их отношения с ОБСЕ в лучшем случае мож-

но охарактеризовать как взаимозависимые²¹. В обеих столицах полноценные миссии ОБСЕ стали программными офисами с ограниченной автономией по отношению к принимающему государству. Возможно и сравнение, и противопоставление пересекающихся межправительственных организаций, таких как ЕС и НАТО, с региональными организациями, ориентированными на Россию, в частности, Содружеством Независимых Государств (СНГ), ШОС, ОДКБ и ЕАЭС, которые стремятся уменьшить геостратегическое влияние Запада на Евразию. Организационное соперничество может быть использовано в различных целях, включая выбор выгодной юрисдикции, стратегическую несостоятельность и стратегическую неопределенность²². В последнее время эмпирические исследования на примере Казахстана показали, что ОБСЕ рассматривается в этом свете. То есть ОБСЕ использовалась для того, чтобы: 1. Казахстан остался связан с европейской системой безопасности; 2. содействовать утверждению страны о частичной европейской идентичности; и 3. помочь расширить концепцию безопасности в первые годы после независимости²³. Западные колебания, как это было видно в случае с Грузией, также способствовали этому, в дополнение к быстрому росту России в первые полтора десятилетия этого столетия.

Какие риски представляет сложившаяся ситуация, и что должна делать ОБСЕ? Действительно, существует риск того, что те постсоветские государства, в которых ОБСЕ продолжает присутствовать, будут координировать свою позицию, чтобы «сломать хребет» организации. На данный момент организация опирается на искусную дипломатию. Сотрудники на местах стремятся сотрудничать с властями принимающего государства, сохраняя сдержанность и избегая крупных столкновений.

²¹ Армения была вторым государством-участником ОБСЕ, где присутствие ОБСЕ было прекращено по воле другого государства-участника, а не самого государства. В 2008 году это произошло с Грузией из-за решения России, а в 2017 году — с Арменией из-за решения Азербайджана.

²² Russo and Gawrich, *Op. cit.* p. 336.

²³ Касенова, *Op. соч.*, стр. 63.

Присутствие ОБСЕ может решить только при наличии точных знаний об окружающей среде, о том, как найти правильное сочетание решимости и гибкости. Последнее вполне может создать впечатление, что само его присутствие представляет собой попытку успокоить власти. Ясно, что, с одной стороны, некоторые сочтут это конъюнктурным и даже — жертвенным в аспекте ценностей, принципов и норм, которые ОБСЕ должна поощрять. Другие также обеспокоены тем, что прямая, иногда жесткая позиция может нарушить сотрудничество и поставить под угрозу отношения в будущем.

Есть ли шанс преодолеть эту нестабильную ситуацию и прийти к игре с положительным счётом? Только не в ближайшее время. Усиливающееся разделение, которое возникло за последние 25 лет между государствами-участниками ОБСЕ и их союзниками, вероятно, повлечет за собой определенное ухудшение ситуации, особенно с точки зрения присутствия ОБСЕ на постсоветском пространстве. Некоторые из тех государств, которые все еще принимают миссии ОБСЕ на местах, могут, как мы уже видели в сценарии с Россией, Беларусью и Азербайджаном, прийти к выводу, что «сделка не является правильной» и что затраты перевешивают выгоды от присутствия ОБСЕ на местах в целом. Это особенно актуально в том случае, если Россия будет призывать такие страны прекратить присутствие ОБСЕ.

Деятельность миссий ОБСЕ на местах варьируется в зависимости от страны. Хотя во всех случаях деятельность на местах, в первую очередь, связана с развитием государственного потенциала, существуют значительные различия в акценте и распределении ресурсов, включая военную реформу и сотрудничество (Казахстан), выборы (Кыргызстан) и поддержку средств массовой информации (Узбекистан). Очевидно, что, когда у ОБСЕ возникают сомнения относительно ее влияния на территории государства-участника, она концентрируется: на вопросах, которые не могут быть легко опровергнуты принимающим государством, на проектах, которые не вызывают сомнений и часто ориентированы на будущее (образование, обмен студентами,

молодыми учеными), или ориентированы на быстрое расходование средств на благо государства и его чиновников. В самых сложных случаях организация избегала контактов с активистскими НПО и частными лицами, чтобы не создавать проблем для них и их ведущих представителей. Действительно, в некоторых из менее демократических государств значительная часть сектора гражданского общества находится под властью и контролем правительства. Так называемые НПО, организованные государством или правительством, время от времени доминируют на местах и не оставляют места другим. Зарубежная поддержка и финансирование часто делают НПО подозреваемыми и дают возможность государству вмешиваться в их деятельность. Это происходит с помощью механизмов, аналогичных тем, которые были приняты в Российской Федерации в соответствии с «Законом об иностранных агентах» от 2012 года, которым стремится подражать ряд других государств.

Выводы

Вряд ли ОБСЕ могла бы поступить иначе, чтобы добиться большего в отношениях с государствами Центральной Азии. Нет простого ответа на этот вопрос, поскольку он частично зависит от развития таких соответствующих государственных и геостратегических задач, важных для влиятельных государств, как продолжающаяся «глобальная война с террором» и ситуации в Афганистане и Украине. Ясно, что у ОБСЕ больше шансов сохранить свое влияние в тех государствах, которые открыто не отвергают демократию и, следовательно, поддерживают смешанную анократическую видимость (например, Казахстан); и/или в тех из них, которые в большей степени зависят от поддержки (такие страны как Кыргызстан и Таджикистан). Тем не менее, есть причина различать и последние две. Первая — это демократическая страна, которая заявляет (и многие наблюдатели сходятся во мнении, то это так), что она является самой демократичной в регионе. Вторая же намерена заработать

на своей стратегической близости к Афганистану, все меньше и меньше следуя ценностям и нормам ОБСЕ.

Двадцать лет присутствия ОБСЕ с полноценными миссиями в Центральной Азии засвидетельствовали установление сложных отношений с принимающими государствами. С одной стороны, это позволило ОБСЕ наблюдать за развитием событий в странах на более близком расстоянии, с другой — история присутствия ОБСЕ на местах в Центральной Азии продемонстрировала взаимную социализацию. В то время как большинство государств Центральной Азии лишь номинально восприняли ценности организации и более высокий «неолиберальный мировой порядок», ОБСЕ, в свою очередь, также была социализирована и воспринята большинством правительств, (рудиментарным) гражданским обществом и населением одновременно как противник, благодетель и бизнес (как небольшой, но не малозначительный донор иностранных вливаний). ОБСЕ признала свои пределы и часто создавала впечатление, что она больше вовлечена в процесс своих действий, чем в результат. Несмотря на противоречивые отношения между ОБСЕ и Центральноазиатскими государствами-участниками, и несмотря на проблемы, с которыми сталкивается организация при решении конфликтов как высокой, так и низкой интенсивности в регионе, существуют некоторые **ключевые характеристики**, общие для всех государств:

1. *Государства хотят остаться в ОБСЕ и принять принципы ОБСЕ.* Ни одно государство не разорвало связи с ОБСЕ, а, скорее, сохранило определенный уровень сотрудничества с организацией²⁴. Это стало демонстрацией того, что страны Центральной Азии ценят важность и легитимность, которую организация предоставляет. Пять стран всесторонне и открыто не оспаривали принципы и ценности организации. Это противоречило бы элементарным правилам дипломатии. Тем более они осознавали тот факт, что некоторые принципы могут быть ис-

²⁴ В отличие от Эстонии, Латвии, Хорватии, Беларуси и Азербайджана, которые прекратили присутствие ОБСЕ на своей территории в такой последовательности.

пользованы для их собственной выгоды. В частности, уважение суверенитета и международных границ являются принципами, закрепленными в Декалоге Хельсинкского заключительного акта, и, безусловно, выгодны государствам Центральной Азии. Они стремятся защищать свои собственные системы и не хотят обмениваться мнениями со своими соседями относительно государственных границ. Эти границы были распределены на основе так называемого принципа *uti possidetis* после распада Советского Союза. Будет правильным сделать вывод о том, что отсылка к праву на самоопределение и к правам человека не будет выгодна большинству государств Центральной Азии. Следовательно, регулярная ссылка на принципы Хельсинкского заключительного акта, если она применяется с отсылкой на каждый принцип так называемого Декалога, является неубедительной. Те государства, которые произвольно создают иерархию среди 10 принципов, делают попытку обвести квадрат. Однако они уже расплачиваются за это, поскольку некоторые страны обратили на это внимание и отреагировали, сославшись на право на самоопределение, чтобы узаконить свои действия.

2. *Уменьшение роли ОБСЕ.* Помимо ценностей и принципов, это является отражением тщательно взвешенных оговорок государств Центральной Азии в отношении ОБСЕ о том, что ни одно из них не прекратило присутствие ОБСЕ на своей территории полностью. Вместо этого они сократили количество полных миссий до офисов координаторов программ ОБСЕ. Ключевое различие между ними заключается в том, что координаторы программ могут осуществлять только те проекты, которые были одобрены властями принимающего государства. Следовательно, это обеспечивает частичное восстановление суверенитета при сохранении присутствия миссий на территории государств. Процесс завершен во всех государствах Центральной Азии. Однако разный размер программных офисов указывает на то, что государства-участники ОБСЕ имеют разные мнения в зависимости от страны.

3. *Потребность ОБСЕ в государствах Центральной Азии.* Принимая во внимание проблемы, с которыми сталкиваются государства Центральной Азии, и постоянную озабоченность ОБСЕ этими странами, не только ОБСЕ обеспечивает некоторую ограниченную легитимность режимам, которые правят Центральной Азией, но и последние обеспечивают легитимность организации. Именно по этой причине существует баланс между позициями сторон. ОБСЕ не хочет терять Центральную Азию, поскольку она является областью, где она может продемонстрировать некоторые важные действия, которые она осуществляет, а также где она не сталкивается с каким-либо крупным европейским/евроатлантическим конкурентом в борьбе за влияние, в отличие от так называемых стран Восточного Партнерства.

4. *Необходимость подхода, основанного на совместном участии.* ОБСЕ может предложить широкий спектр механизмов для предотвращения конфликтов и управления ими, от дипломатии на местах до содействия демократизации, посредством мониторинга выборов, поддержки свободных СМИ и уважения прав человека. Однако позиция тогдашнего министра иностранных дел Казахстана господина Идрисова в достаточной мере продемонстрировала неудовлетворенность его страны, как и других государств Центральной Азии, и была подытожена следующим образом: «Организация должна работать с правилами государств-участников, а не над ними»²⁵.

5. *ОБСЕ разворачивает свои действия слишком мягко.* Деятельность ОБСЕ, помимо определенных общих черт, вытекающих из общих ценностей, принципов и деятельности организации в целом, приспособлена для удовлетворения потребностей отдельных государств-участников. Это имеет как положитель-

²⁵ Заявление Министра иностранных дел Республики Казахстан Е.П. Идрисова на пленарном заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ, 9 декабря 2016 года. (Указание в оригинале). www.mfa.kz/index.php/en/minister-s-blog/17-minister-s-blog/7917-statement-by-minister-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-kazakhstan-h-e-erlan-a-idrissov-at-the-plenary-session-of-the-osce-council-of-foreign-ministers (дата последнего обращения по ссылке: 3 января 2017 г.)

ные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, в оптимальных условиях это приводит к удовлетворению основных потребностей государства-участника. Однако, с другой стороны, это означает, что деятельность ОБСЕ расфокусирована, что ведет к отсутствию концентрации и слабой видимости.

6. *Государства стремятся к неполитической роли ОБСЕ.* Государства Центральной Азии готовы сохранить ОБСЕ на своей территории, пока она действует скорее, как организация по оказанию помощи, а не как живое напоминание об обязательствах, которые налагаются на государства региона после вступления в организацию. Эта точка зрения была подтверждена на саммите ОБСЕ в Астане в декабре 2010 года. Государства-участники из Центральной Азии в разной степени пытаются отвлечь внимание организации от таких вопросов, как права человека, что может привести к тому, что они окажутся представлены в плохом свете. Это приводит к определенной «неприязни» в Центральной Азии к тому, что ОБСЕ занимается вопросами прав человека. Отчасти это связано с подходом, который часто использует ОБСЕ, с акцентом на отдельные случаи, казуистически и зачастую с меньшей дифференциацией, чем необходимо, будь то арест журналистов, жестокое обращение с правозащитниками или злоупотребление государственной властью с целью удаления оппозиционных личностей с политической сцены²⁶.

7. *Национальная или трансграничная направленность:* Это проблема, связанная с тем, что присутствие ОБСЕ на местах решает вопросы каждого государства-участника на национальном уровне, в то время как многие проблемы являются

²⁶ Достаточно упомянуть случай аспиранта из Университета Торонто Александра Содикова, который был обвинен в шпионаже и в государственной измене в 2014 году в своем родном Таджикистане. Этот вопрос несколько раз поднимался различными делегациями ОБСЕ под руководством Соединенных Штатов. После 36 дней ареста г-н Содиков был освобожден, хотя ему не разрешили покинуть свою страну. Наконец, еще 50 дней спустя из-за непрекращающегося международного давления со стороны других на форумах ОБСЕ и абсурдности обвинений, выдвинутых против него, г-ну Содикову было разрешено вернуться в Канаду, чтобы продолжить учебу. См. дело Александра Содикова, переданное послом США Дэниелом Баером в Постоянный совет, Вена, 24 июля 2014 года. <https://osce.usmission.gov/case-of-alexander-sodiqov/> (дата последнего обращения по ссылке 20 октября 2018 г.)

трансграничными, если не региональными. Некоторые миссии заметили эту проблему и пытались пересечь национальные границы в таких вопросах, как управление водными ресурсами, управление границами и урегулирование пограничных споров. Однако их роль должна оставаться ограниченной из-за их мандата и национальной чувствительности. Таким образом, миссии по-прежнему играют роль источника информации для системы ОБСЕ (государства-участники и институты), и мы надеемся, что правильные процессы будут установлены на другом уровне.

Из этих наблюдений можно сделать два вывода. Во-первых, ОБСЕ должна найти адекватный баланс между проектами, которые хочет реализовать принимающее государство, и проектами, которые имеют значение для демократического большинства государств-участников. Во-вторых, соответствующие государства-участники из Центральной Азии должны понимать, что присутствие ОБСЕ поддерживается сообществом этого большинства, и их нежелание сотрудничать может иметь следствием сокращение сотрудничества в более широком кругу государств и институтов, который включает в себя не только ОБСЕ. При этом ставки повышаются, так как последствия сокращения сотрудничества (отсутствия сотрудничества) будут иметь взаимное влияние.

ОБСЕ находится в ситуации, когда не существует единого решения для обеспечения уважения ее ценностей, принципов и норм. Следовательно, двусмысленность и индивидуальная оценка проблем будут продолжать характеризовать работу организации. Крайне важно, чтобы организация продолжала находить те ниши, которые будут гарантировать дополнительное влияние организации на европейскую и евразийскую безопасность. Для этого необходимо установить баланс между соблюдением интересов отдельных 57 государств-участников, в том числе государств Центральной Азии, с учетом интересов и преимуществ всего сообщества ОБСЕ в целом, с тем, чтобы продвигать основные ценности и нормы, сформулированные и официально согласованные в Хельсинкском заключительном акте более 40 лет назад.

Риски для региональной безопасности в контексте геополитического соперничества

Султан Акимбеков

В настоящий момент ситуация в регионе Центральной Азии становится менее определенной, что, собственно, неудивительно с учетом усиления общей нестабильности в мире, которая во многом связана с заметным обострением конкуренции в межгосударственных отношениях. Причем это касается не только традиционной конкуренции, к примеру, между Россией и коллективным Западом, даже с учетом того, что она заметно обострилась после истории с Крымом в 2014 году.

Сегодня трудности отмечаются даже внутри ранее стабильных альянсов, вроде НАТО, где в последнее время отмечается рост противоречий, в частности, в отношениях с Турцией, в том числе из-за ее контактов с Россией в военно-технической отрасли. Кроме того, сложности существуют и в вопросе финансирования расходов разными странами внутри самой этой организации. В связи с этим в сенате США 25 июля 2018 года рассматривалась возможность введения ограничений для президента Трампа с тем, чтобы он не смог вывести США из состава этой организации без разрешения верхней палаты²⁷. Стоит отметить также рост противоречий внутри ЕС вследствие развития миграционного кризиса, а также отношений с США после прихода администрации Трампа. Весьма значительные перемены происходят также в мировой экономике, где на фоне развития торговых войн (особенно между США и Китаем) существует вероятность роста протекционизма и связанного с этим возникновения проблем для торговых отношений.

²⁷ Demirjian, K. "Bipartisan Bill Would Prevent Trump From Exiting NATO Without Senate Consent", *The Washington Post*, 26 July 2018, https://www.washingtonpost.com/powerpost/bipartisan-bill-would-prevent-trump-from-exiting-nato-without-senate-consent/2018/07/26/4ca1b206-9106-11e8-bcd5-9d911c784c38_story.html?noredirect=on&utm_term=.967eb4ff63f4

В целом, все указанные процессы повышают уровень нестабильности в системе международных отношений. Естественно, что все они неизбежно сказываются и на развитии ситуации в регионе Центральной Азии. В связи с тем, что с момента распада СССР здесь происходило активное соперничество между различными внешними силами, то очевидно, что усиление конкуренции между ними как неизбежное следствие роста общей напряженности в международных отношениях напрямую влияет на положение дел в этом регионе.

Хотя Центральная Азия для основных соперничающих держав — Китая, России и США — является периферийной территорией, тем не менее, она имеет для них большое значение. Безусловно, взаимодействие между ними главным образом происходит на глобальном уровне. Например, для США и России важен целый комплекс вопросов: антироссийские санкции, проблемы Украины, ситуация в Сирии и многое другое. Для Китая и США — это вопрос с Северной Кореей, дисбаланс во взаимной торговле, ситуация в Южно-Китайском море и прочее.

Но для небольших стран любое масштабное обострение отношений между великими державами на глобальном уровне тем и опасно, что охватывает все возможные критически важные направления. И в этом смысле Центральная Азия, без всякого сомнения, является одним из важнейших направлений приложения их усилий для всех конкурирующих сторон.

Поэтому и те частные процессы, которые сегодня происходят в нашем регионе, тесно связаны с глобальными противоречиями между великими державами. И это, несомненно, имеет отношение к вопросам безопасности, потому что особенностью Центральной Азии является не только то, что она граничит с весьма опасными районами планеты с высоким уровнем конфликтогенности. Причем речь в данном случае идет как об Афганистане, так и Ближнем Востоке. В этом взрывоопасном регионе борьба интересов между США и Израилем, с одной стороны, и Ираном и близкими к нему шиитами Сирии,

Ирака, Ливана — с другой, уже вышла на тот уровень, когда вполне вероятна угроза вооруженного конфликта.

Такая вероятность, несомненно, повышает риски для системы безопасности Центральной Азии. Регион находится слишком близко к Центральной Азии. А если учесть, что в развитии событий вокруг Ирана активно участвуют США, и, кроме этого, высока степень вовлеченности России в процессы на Ближнем Востоке, причем в значительной степени — на стороне Ирана, то для Центральной Азии это не очень хорошая информация.

Вопрос в том, что особенностью Центральной Азии является относительная неустойчивость положения великих держав в этом регионе. Это связано с тем, что ситуация здесь может изменяться в зависимости от изменения конъюнктуры, которая может зависеть как от внешних, так и от внутренних обстоятельств.

В этом отношении показателен пример Узбекистана, который сначала входил в Организацию Договора коллективной безопасности (ОДКБ), которая объединяет постсоветские страны, затем выходил из ее состава. В начале 2000-ых годов Ташкент поддерживал тесные отношения с Вашингтоном, вследствие чего была открыта американская военная база в Ханабаде, затем, после Андижанских событий 2005 года, отношения были испорчены, база была закрыта.

Кыргызстан также длительное время находился в весьма непростом положении, балансируя между интересами России и США. Внешним проявлением российско-американских противоречий в Кыргызстане было присутствие американской военной базы в аэропорту «Манас». Против ее существования активно выступала Россия. В итоге база в аэропорту «Манас» была закрыта, что связывали с давлением со стороны Москвы.

Между прочим, характерно, что именно фейковая информация о якобы планируемом открытии американских военных баз в казахстанских портах Актау и Курык на Каспийском море находилась в основе информационной кампании, которая весной 2018 года велась со стороны российских СМИ против Ка-

захстана. Казахстанский МИД вынужден был сделать по этому поводу заявление с опровержением этой информации²⁸. Понятно, что для России очень чувствительно американское военное присутствие в Центральной Азии, независимо от того, является оно реальным или мифическим — важен принцип.

Но вопрос о военных базах США, которые часто являются предметом острых дискуссий, — это только внешняя часть того сложного узла противоречий, который существует в регионе Центральной Азии с момента распада СССР в 1991 году. Общая проблематика носит более глубокий и разносторонний характер. Но важно то, что расстановка сил в регионе между великими державами все еще может меняться в зависимости от обстоятельств, что неоднократно происходило с Узбекистаном и Кыргызстаном. И это вызывает у великих держав очевидное беспокойство относительно возможных действий их оппонентов.

В определенном смысле на беспокойство великих держав влияет также известная степень самостоятельности государств Центральной Азии. Они в основном придерживаются многовекторной политики. Хотя в упомянутых выше случаях с Кыргызстаном и Узбекистаном в 1990-ых и 2000-ых годах внешняя политика этих стран могла совершать «развороты» на 180 градусов. В другое время политика этих стран была многовекторной.

Таджикистан в разные периоды своей истории довольно активно маневрировал между внешними силами — Россией, Ираном, Китаем, а также США после 2001 года, когда последние появились в соседнем Афганистане, что открыло для Душанбе новые возможности для маневра. Туркменистан также искал новые варианты экспорта своего газа, что обуславливало и направления его внешней политики. Ашхабад был заинтересован в поиске рынков сбыта для своего газа, поэтому поддерживал те проекты, которые могли обеспечить ему доступ к новым рынкам. В этой связи одним из наиболее перспективных был

²⁸ МИД РК: Ни о каких военных базах на Каспии речь не идет // <https://informburo.kz/novosti/mid-ni-o-kakih-voennyh-bazah-ssha-na-kaspii-rech-ne-idyot.html>

проект трансафганского газопровода, который в разное время поддерживали США, Пакистан.

В отличие своих центральноазиатских соседей, многовекторная политика Казахстана была более эффективной, без резких маневров, и гораздо менее зависимой от внешних игроков. Астана была в состоянии проводить самостоятельную политику, действовать в собственных интересах и поддерживать отношения со всеми внешними для региона силами. Это было связано с экономическими возможностями и качеством внешней политики государства.

Однако инцидент с информационной кампанией в связи с якобы планируемым Казахстаном размещением военных баз США на Каспии весной 2018 года²⁹ наглядно продемонстрировал, что возможности для внешнеполитического маневрирования Астаны постепенно сокращаются.

Но стоит отметить, что данный инцидент скорее демонстрирует рост озабоченности великих держав, в данном случае это имеет отношение к России, расстановкой сил в Центральной Азии в связи с усилением противостояния между ними на глобальном уровне. Собственно, это является причиной сокращения пространства для маневра для государств Центральной Азии. Хотя они по-прежнему проводят многовекторную политику.

То есть именно многовекторная политика государств региона в определенных случаях может вызывать беспокойство великих держав, потому что это означает вероятность потери ими своих позиций в стратегически важном регионе в том случае, если один из оппонентов сделает какой-нибудь неожиданный ход. Например, в 1998 году Узбекистан и Кыргызстан сменили направление своей политики в отношении Афганистана, что в тот момент поставило Россию и Иран в сложное положение³⁰. На фоне нынешнего обострения ситуации в мире беспокойство только усиливается.

²⁹ <https://365info.kz/2018/05/informatsionnaya-ataka-na-kazahstan-novaya-realnost/>

³⁰ Акимбеков С.М. История Афганистана. Астана-Алматы. 2015. С. 586-588.

Отсюда такая чувствительность той же России к вопросу о гипотетической возможности военного присутствия американцев на Каспии и ее достаточно нервная реакция на решение Казахстана разрешить транзит американских невоенных грузов в Афганистан. Показательно, что в 2018 году стали появляться весьма характерные оценки ситуации. В частности, российский автор Геннадий Чуфрин писал, что «признавая право своих партнеров на проведение суверенной внешней политики, Москва вместе с тем не может игнорировать того, что реализация ими такой политики, основанной на принципах «многовекторности», на практике нередко не только не учитывает национальные интересы РФ, но и прямо им противоречит»³¹.

Несомненно, что беспокойство России по поводу многовекторной политики постсоветских стран обострилось после событий 2014 года вокруг Крыма. Если до этого времени Москву в целом устраивал сложившийся баланс интересов с разными внешними силами, в том числе и в районе Центральной Азии, то после 2014 года ситуация изменилась. В результате произошедших перемен Россия стремится к проведению более активной политики, частью которой является оказание давления на те государства, действия которых с точки зрения Москвы, могут задевать ее интересы.

Таким образом, конфликт вокруг Крыма в 2014 году стал основной причиной изменения геополитической ситуации в Центральной Азии. Россия становится более активной, ее уже не устраивает прежний баланс отношений в первую очередь с США, в определенной степени — с Китаем и отчасти — с государствами Центральной Азии.

В поисках равновесия

Собственно, современные тенденции развития ситуации вокруг Центральной Азии напрямую зависят не только от действий конкурирующих в регионе государств, но и от их отноше-

³¹ Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты. // Россия и новые государства Евразии. № 1. ИМЭМО РАН. М., 2018. С. 22.

ния к существующему между ними балансу интересов. В свою очередь, данный баланс является следствием частичного компромисса между великими державами, который был достигнут после начала операции США в Афганистане в 2001 году и продолжался вплоть до Крымских событий 2014 года.

Несомненно, что за указанный период произошло много событий, которые были связаны с продолжением конкуренции за влияние в регионе и на подступах к нему. К примеру, к таким событиям относится конкурентная борьба между Россией и США в связи с военной базой США в Кыргызстане. Другим заметным событием стало усиление китайского присутствия в Центральной Азии. Китай активизировал свою политику, примерно начиная с осени 2013 года, когда председатель Си Цзиньпин объявил о начале проекта «Один пояс, один путь», Пекин стал играть более заметную роль в геополитике региона.

Однако, в целом присутствовал баланс интересов. По крайней мере, в Центральной Азии и вокруг нее не применялись методы и приемы противостояния, которые мы наблюдали в 1990-ых годах, особенно во второй половине этого десятилетия.

В данном контексте стоит упомянуть о сути главных противоречий вокруг Центральной Азии. Очевидно, что для российских интересов этот регион имеет стратегически важное значение. С одной стороны, его характеризуют, как своего рода «мягкое подбрюшье» для России. Такое определение подразумевает уязвимость данного направления и необходимость защиты здесь своих интересов. С другой стороны, Центральная Азия для России является коридором в направлении Южной Азии. Сохранение влияния Москвы в Центральной Азии позволяет ей оставаться важным игроком на азиатском направлении.

Соответственно, Москва критически относится к тенденции усиления влияния в этом регионе третьих стран, по крайней мере, с середины 1990-ых годов. В первую очередь, это имеет отношение к США, которые после краткого периода в начале 1990-ых годов, снова воспринимаются в качестве основного геополитического противника России.

В свою очередь, общие стратегические цели США связаны со стремлением снизить влияние России на новые независимые государства Центральной Азии. Реальная независимость всех таких государств на территории бывшего СССР делает теоретически невозможным восстановление России в прежнем масштабе.

В этом смысле в 2000-ых в отношении ряда государств часто использовался термин «санитарный кордон» по аналогии с группой стран Восточной Европы. В 1920-ых годах Польша, Чехословакия поддерживались Францией и Англией с целью не допустить восстановления прежней мощи одновременно и Германской, и Российской империй. В определенной степени к такому «санитарному кордону» можно отнести Украину, Грузию: в некоторые периоды своей истории они занимали жесткую позицию по отношению к России.

Вместе с тем для государств Центральной Азии с их традиционной многовекторной политикой не были свойственны антироссийские настроения, какие отчасти могли себе позволить Украина, Грузия и Молдавия. Указанные страны располагались между Россией и Евросоюзом, как часть коллективного Запада, и могли рассчитывать на поддержку последнего. К тому же положение государств Центральной Азии в центре континента не оставляло другого тактического варианта, кроме как пытаться с разной степенью успеха балансировать между Китаем, Россией и США.

В то же время с тактической точки зрения основные задачи США в Центральной Азии были связаны с открытием транспортных коридоров. Они должны были обеспечить преодоление изоляции региона от мировых рынков и составить альтернативу тем путям, которые проходили через территории России, Ирана и Китая. Таким образом государства региона должны были получить транспортную альтернативу, которая позволила бы им не зависеть только от России, Ирана или Китая.

Поэтому США столько времени потратили на открытие транспортных коридоров из Центральной Азии в двух страте-

гических направлениях. Одно — через Кавказ, другое — через Афганистан в Пакистан и Индию. Развитие последнего направления нашло отражение в концепции «Нового Шелкового пути», предложенного Хиллари Клинтон в бытность государственным секретарем США.

Соответственно, Россия в рамках тактической борьбы против политики США в регионе Центральной Азии выступала против любых предлагаемых ими проектов, потому что вполне справедливо рассматривала ситуацию таким образом, что США в конечном итоге стремятся ослабить влияние Москвы в Центральной Азии. Собственно, американцы этого и не скрывали. Поэтому в Москве с большим подозрением относились к любым американским действиям.

К примеру, очень характерна оценка ситуации, данная российским автором Поповым в работе, изданной в Российском институте стратегических исследований в 2016 году. «Возникает вопрос: какие цели преследует доктрина Нового Шелкового пути и почему она принята в качестве базового ориентира для внешнеполитического ведомства США? Первое, из чего могут прагматично исходить в Вашингтоне — это необходимость обеспечения долгосрочного присутствия в Афганистане. Стимулирование афганской экономики путем расширения ее связей с близлежащими государствами Центральной и Южной Азии повысит устойчивость светского правительства в Кабуле, а значит, и перспективы сохранения здесь западных контингентов»³².

Понятно, что такая оценка построена на высоком уровне негативных ожиданий этого автора от американской политики в целом. Хотя в данном случае более логично было бы предположить, что «стимулирование афганской экономики» снизит необходимость финансирования государственных структур со стороны международного сообщества, где главную роль играют США. Это должно повысить устойчивость государства в Афганистане. Кроме того, развитие экономики, в частности,

³² Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США 1991-2016 г. М., РИСИ. 2016. С. 153-154.

межрегиональной торговли, повышает степень заинтересованности разных групп внутри Афганистана в общей стабильности ситуации. Они вполне могут быть бенефициарами этого процесса.

Но очевидно, что в России в целом существуют серьезные опасения относительно усиления американского присутствия в Афганистане с перспективой выхода на Центральную Азию. В Москве не могут не беспокоиться в связи с реализацией планов США по продвижению своего влияния в этот стратегически важный регион.

Этим была обусловлена тактика действий России вокруг региона. В связи с тем, что Москва не была заинтересована в росте американского присутствия, она выступала против всех тех проектов, которые теоретически могли бы в перспективе снизить степень ее влияния в регионе Центральной Азии и создать возможности для влияния тех же США. В том числе это имело отношение к проектам открытия новых транспортных коридоров. Отсюда такое критическое отношение к выдвинутому американцами проекту Нового Шелкового пути.

В связи с тем, что все возможные проекты открытия новых транспортных коридоров в Центральную Азию через Кавказ и Афганистан были весьма сложными по своей реализации, то и вопрос этот в 2000-ых и середины 2010-ых годов не был для России слишком актуальным. Потому что в Афганистане ситуация оставалась нестабильной, что, в частности, не способствовало реализации главного транспортного проекта в этой стране — строительству Трансафганского газопровода из Туркменистана в Пакистан и далее в Индию. Кроме того, направление через Кавказ сталкивалось с большим количеством препятствий, главным из которых был статус Каспийского моря. В частности, это препятствовало строительству газопровода из того же Туркменистана через Кавказ в Европу.

Но главное заключалось в том, что страны Центральной Азии проводили весьма осторожную политику, даже несмотря на то, что для некоторых из них присутствие США в Афгани-

стане создало новые возможности. К примеру, Узбекистан получил рынок сбыта, в частности, поставлял электроэнергию и, кроме того, построил железную дорогу в Мазари-Шариф. Аналогичным образом Таджикистан активно взаимодействовал в экономическом плане с афганскими северными провинциями.

Но в целом равновесие между Россией и США с 2001 года соблюдалось, несмотря на отдельные эксцессы и взаимные подозрения относительно действий друг друга. Можно упомянуть ситуацию в Кыргызстане, где дискуссия шла не только по поводу базы в аэропорту «Манас», но и в связи с двумя местными революциями, которые имели место в 2005 и 2010 годах. В любом случае это совсем не напоминало отношения между США, Россией, а также группой региональных держав — Ираном, Пакистаном, арабскими государствами Персидского залива, которые разворачивались главным образом на подступах к Центральной Азии в 1990-ых годах.

Стоит отметить, что определенная стабильность сложилась и в вопросе региональных объединений. Для России наиболее важной организацией является Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ). Вопрос был не только в том, что в нее входили только постсоветские государства, где Россия традиционно солировала. Вопрос был в том, что главной идеей ОДКБ были проблемы безопасности, причем, в основном безопасности именно от внешних угроз. В частности, ее институты не были задействованы при возникновении конфликтной ситуации в кыргызском Оше в 2010 году, хотя это происходило внутри территории ОДКБ.

Кроме того, вероятный конфликт из-за Карабаха между Азербайджаном и Арменией (последняя является членом ОДКБ) не будет рассматриваться ее участниками как возможность применения институтов этой организации. В первую очередь это касается государств Центральной Азии, для которых главная функция ОДКБ — это защита безопасности от угроз с южного стратегического направления.

В то же время это вполне устраивает Россию. Во-первых, потому, что существование угрозы с юга является мощнейшим фактором притяжения центральноазиатских государств. Во-вторых, потому что это легитимизирует военное присутствие России в регионе, в частности, в Таджикистане и Кыргызстане. В-третьих, потому, что позволяет России сосредоточиться на вопросах безопасности, что дает возможность уйти от дискуссии об экономическом участии России в делах региона. Последнее обстоятельство имеет значение в связи с ограниченными возможностями Москвы реализовывать экономические проекты и оказывать экономическую поддержку государствам региона.

Вопросы региональной безопасности являются важным основанием и для деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В частности, ее наиболее значительным структурным подразделением является Региональный антитеррористический центр (РАТС). Он расположен в Ташкенте, следовательно, так же как и ОДКБ, в основном ориентирован на южное стратегическое направление. Угрозы с этого направления рассматриваются в ШОС как наиболее значительные.

Здесь стоит отметить, что с момента образования этой организации ШОС для России был в определенной степени дополнительным элементом конструкции региональной безопасности в Центральной Азии. Естественно, что в основе этой конструкции, с точки зрения Москвы, находилась Россия, а Китай, с которым у России были общие интересы по отношению к американскому присутствию в регионе, мог играть только вспомогательную роль.

Китайское присутствие действительно во многом носило формальный характер. Это касалось и структур ШОС. Если главным приоритетом была безопасность, то, естественно, что Россия, у которой в регионе были военные базы, у которой также были тесные связи с политическими элитами стран региона, имела несомненное преимущество перед Китаем. До 2013 года ШОС обеспечивала присутствие Китая, но оно было

во многом символическим. «ШОС не является ни формальным альянсом, ни организацией по проблемам безопасности, а скорее дискуссионным форумом, внимание которого сконцентрировано на контртерроризме, борьбе с наркотиками и кибербезопасности»³³. Ситуация изменилась после известной речи Си Цзиньпина в Астане относительно строительства нового Шелкового пути, известного как программа «Один пояс, один путь».

Собственно, когда Китай в 2013 году предложил свой проект создания Шелкового пути, это оказалось довольно неожиданным для России. С одной стороны, Пекин предлагал странам региона финансирование на реализацию различных проектов, в основном — в области транспортной инфраструктуры. Очевидно, что у Москвы не было таких возможностей. С другой стороны, такое финансирование, которое происходило на двусторонней основе, неизбежно должно было привести к усилению влияния Китая в странах региона.

Кроме того, хотя создание транспортных коридоров через Китай и не противоречило общей идее противодействия влиянию третьих стран (в основном США) в Центральной Азии и связанных с этим проектов, но такие коридоры должны были куда-то вести. То есть теоретически они могли в определенных моментах соприкоснуться и с американскими проектами, в частности, в южном направлении на Афганистан и Пакистан и в западном, через Каспийское море на Кавказ.

И вот здесь возникали сложные вопросы. Для всех заинтересованных сторон было важно, будет ли Пекин ограничиваться только экономическим сотрудничеством, или он все же будет претендовать также и на политическое влияние, что автоматически подразумевает его усиление в региональной геополитике. Но если это так, то такое усиление возможно только за счет некоторого снижения роли России. Естественно, это не могло не

³³ Stronski P. Cooperation and competition. Russia and China in Central Asia: The Russian Far East and Arctic // <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>

беспокоить Москву, даже несмотря на в целом ровные отношения с Пекином.

Хотя сам Китай активно отказывался от существования у него каких-либо политических и геополитических планов, акцентируя внимание на экономических вопросах. Соответственно, это способствовало появлению весьма популярной идеи, что в регионе Центральной Азии возникнет своего рода распределение ответственности между Китаем и Россией, где вопросы безопасности будут приоритетом российской стороны, а вопросы экономики — китайской. Подобная мысль высказывалась даже в американских аналитических центрах. По мнению Пола Стронски Китай «воздерживается от распространения своей военной силы в регион (Центральной Азии — прим. авт.) и в большей степени предоставляет Москве заниматься вопросами безопасности».

В то же время такое распределение функций, когда одно государство финансирует проекты, а другое отвечает только за безопасность, изначально выглядело не совсем нелогичным. Тем более что задачи Китая по развитию новых транспортных коридоров в западном направлении заведомо выходили за рамки чисто экономических задач. Кроме того, они выходили и за границы региона Центральной Азии, который, собственно, и беспокоил Россию.

В частности, в Южной Азии Китай поддерживает тесные отношения с Пакистаном, который является важным получателем китайских инвестиций в рамках программы «Один пояс, один путь». Причем одновременно Пакистан является весьма серьезным игроком в Афганистане, против угрозы с территории которого в основном и направлены усилия и ОДКБ, и антитеррористических формирований ШОС, в частности — РАТС со штаб-квартирой в Ташкенте.

Характерно, что со временем Китай начал усиливать свое участие и в антитеррористических учениях, в том числе на территории Центральной Азии, при этом некоторые из них проходят уже без участия России. К примеру, 26 апреля 2018 года

пресс-секретарь китайского министерства обороны старший полковник Ву Цин заявил: «Мы будем организовывать ряд совместных учений, которые будут ориентированы на получение реального опыта и усиливать кооперацию в рамках многостороннего сотрудничества Китая, Пакистана, Афганистана и Таджикистана»³⁴.

В этом заявлении интересно, что в данных учениях будет принимать участие Таджикистан, который является членом ОДКБ. По идее, именно эта организация и должна выступать в роли основного ответственного за поддержание безопасности — по крайней мере, в Центральной Азии. Привлечение Душанбе к данным учениям, проходящим под эгидой Пекина, автоматически означает снижение значения даже не самой ОДКБ, а скорее России. Для нее эта организация является важным инструментом влияния в регионе и способом поддержания здесь своего присутствия.

По сути, Китай повышает степень своего участия в делах региона, в том числе в вопросах безопасности. Характерно, что список участников данных учений включает собственно Афганистан, а также его соседей с юга и севера — Пакистан и Таджикистан.

Налицо заявка на моделирование ситуации, при которой координация усилий указанных стран при китайской поддержке станет основным элементом не только недопущения прорывов условных террористов, но и стабилизации обстановки в самом Афганистане. Не секрет, что внутривосточное противостояние в Афганистане часто питается поддержкой со стороны. В частности, в 1990-ые годы с территории Пакистана шла поддержка талибов людьми, оружием, ресурсами. Одновременно с территории Таджикистана аналогичным образом поддерживался Северный антиталибский альянс.

³⁴ China, Pakistan, Afghanistan, Tajikistan to conduct joint counter-terrorism exercise: Chinese Defense Ministry. // <http://www.app.com.pk/china-pakistan-afghanistan-tajikistan-conduct-joint-counter-terrorism-exercise-chinese-defence-ministry/>

Если Китай сможет обеспечить координацию усилий этих стран между собой, то это заметно снизит возможность повторения ситуации 1990-ых годов. Собственно, это меняет расстановку сил в регионе.

Здесь стоит отметить еще и произошедшее в 2018 году расширение ШОС за счет включения того же Пакистана и Индии. Безусловно, что противоречия между этими странами никуда не денутся. Но главное обстоятельство в данном случае как раз и связано с тем, что с включением Пакистана страны ШОС фактически охватывают Афганистан со всех направлений, кроме иранского.

При этом у Китая есть рычаги влияния и на Пакистан, и на Таджикистан, в том числе через многочисленные инфраструктурные проекты. В данном случае экономические вопросы очевидным образом переходят на геополитический уровень.

Несомненно, что у России нет особых возможностей оказать влияние на политику Китая. Пол Стронски пишет по этому вопросу, что «Пекин весьма эффективно управляет российским беспокойством по поводу его роли в Центральной Азии, в частности потому, что Россия может сделать очень мало относительно китайского влияния в регионе»³⁵.

Самое главное здесь, что Москва не в состоянии предложить странам региона тех экономических возможностей, которые им предлагает Пекин. Соответственно, она не способна конкурировать с ним на поле экономики, что ограничивает ее возможности влияния даже на Таджикистан, где находится российская военная база.

В определенном смысле, кроме несомненно важных экономических обстоятельств, для того же Таджикистана имеют особое значение возможности Китая влиять на Пакистан. В Душанбе не могут не понимать, что если Пекин способен повлиять на Исламабад, то это заметно снижает возможный риск ро-

³⁵ Stronski P., Ng, N. "Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic", *Carnegie Endowment for International Peace*, 28 February 2018, <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.

ста напряженности и в Афганистане. В свою очередь, это может сократить для Таджикистана степень угрозы для его безопасности с южного направления. Соответственно, Китай приобретает еще большее значение для интересов Таджикистана, несмотря на его тесные отношения с Россией.

Собственно, в Душанбе наверняка рассматривают Китай как своего рода дополнение к России в тех вопросах, в которых ее возможности ограничены. Таджикское руководство не пытается противопоставить Китай России и наоборот. Но для Москвы это означает, что Китай теснит ее уже и в вопросах безопасности в регионе, который она считает своим приоритетом, причем делает это уже за теми пределами, которые были обозначены ранее. То есть делает это даже вне рамок Шанхайской организации сотрудничества.

Для России ШОС — это все же компромисс, причем компромисс с ее стороны. В Москве рассматривали ШОС как дополнительный элемент к системе безопасности Центральной Азии. Тем более что у России и Китая были общие интересы в связи с растущими американскими интересами.

Но в итоге получилось, что ШОС оказался своего рода «тройным конем» роста китайского влияния. Хотя этот процесс происходил не только в Центральной Азии, но и на многих других направлениях. В системе внешнеполитических интересов современного Китая Центральная Азия и даже Россия занимают пусть важное место, но все-таки лишь часть общей картины.

Но в этом и заключается сложность для России. Китай играет на глобальном уровне и здесь он активно взаимодействует с разными игроками, включая те же США. Соответственно, он вполне может выстраивать внешнеполитические комбинации, к примеру, с Вашингтоном, где Центральная Азия или Афганистан с Пакистаном будут частью общих договоренностей.

Показательно, что еще в 2012 году, до провозглашения председателем Си Цзиньпином программы «Один пояс, один путь», французские исследователи Марлен Ларюэль и Себастьян Пейруз указывали, что «для России организация (ШОС — прим.

авт.) обязывает Китай разыгрывать карту многосторонности и позволяет Москве сдерживать амбиции Пекина без прямой конфронтации с его растущим влиянием в Центральной Азии. Для Китая ШОС делает возможным легитимизацию его присутствия в регионе. Это позволяет играть на противоречиях между государствами-членами организации и лоббистскими группами без риска быть обвиненным в экспансионизме. Для центрально-азиатских государств организация (ШОС — прим. авт.) служит буфером, который дает возможность разрешать противоречия между двумя доминирующими политическими силами в рамках мирной конкуренции между ними в поисках наилучшего решения»³⁶.

Несмотря на происходящее в последнее время расширение ШОС (в 2018 году в организацию вступили Индия и Пакистан), сама организация от этого не становится более значительной и влиятельной. Более того, можно говорить о том, что она объективно становится слабее. Тот компромисс между Россией и Китаем, который был заложен при организации ШОС, был использован, чтобы включить в ее состав две исторически враждующие страны. Тем более что между Китаем и Индией также весьма непростые отношения. В результате ШОС все в большей степени становится диалоговой площадкой.

Можно предположить, что для Китая это даже более удобный формат. Он позволяет уйти от жесткой привязки к центральноазиатским делам и необходимости согласовывать с Россией вопросы региональной безопасности. Пекин предпочитает двустороннее партнерство, а если и многостороннее, как в случае с вышеупомянутыми учениями с Афганистаном, Пакистаном и Таджикистаном, то такое, где четко видна его определяющая роль.

В России новая ситуация вызывает не только разочарование, но и беспокойство относительно позиции Китая. Очень показательно высказанное в 2018 году мнение российского исследователя Ирины Куклиной: «В современных условиях, когда весь

³⁶ Laruelle M. Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. Domestic order, Social Change and the Chinese factor. Columbia University Press. NY. 2012. P. 33.

мир, по выражению А. Тоффлера, заражен «болезнью перемен», нельзя рассчитывать на то, что нынешние отношения России с Китаем останутся неизменными. Нельзя закрывать глаза на стагнацию внутреннего развития России, стагнацию российско-индийского сотрудничества, признаки нарастания асимметрии в китайско-российских отношениях. Россия должна продолжить поиск путей создания прочной системы обеспечения безопасности ШОС, не затрагивая уставной нормы консенсуса и не демонстрируя чрезмерных амбиций в определении своего места в мире XXI века. Использовать членство в ШОС в интересах развития, не допуская при этом нарушений собственных интересов и возгорания старых (и новых) очагов нестабильности, — это непростая задача, стоящая перед российской дипломатией»³⁷.

Несомненно, что у России не так много возможностей реагировать на изменившуюся геополитическую ситуацию в регионе. На некоторые процессы она повлиять не может, в частности на китайскую политику выстраивания двусторонних отношений, в том числе со странами Центральной Азии. Россия также не в состоянии конкурировать с Китаем в вопросах предоставления инвестиций для крупных инфраструктурных проектов. К тому же, выше отмечалось, что данные проекты расширяют транспортные возможности региона Центральной Азии, что создает для него новые основания для проведения многовекторной политики.

Тем не менее, в нынешней сложной геополитической обстановке, которая для России во многом связана с продолжающимся конфликтом с Западом, Китай имеет большое значение в качестве если не совсем стратегического союзника, то важного партнера, с которым у Москвы есть общие интересы. Другое дело, что эти интересы не всегда неизменны. Они могут меняться в зависимости от конъюнктуры, и в случае с Китаем сейчас именно такой момент.

³⁷ Куклина И.Н. ШОС и застарелые конфликты в регионе. // Запад-Восток-Россия. 2017. ИМЭМО РАН. 2018. С. 42.

Однако регион Центральной Азии остается стратегически важным для России, и Москва должна предпринимать усилия для поддержания здесь своего положения. В этом контексте именно вопросы безопасности находятся для нее в несомненном приоритете. В связи с этим весьма характерно, что в 2018 году российские представители на разных уровнях делают акцент именно на угрозах для региона Центральной Азии.

Фактор безопасности в геополитике региона

Несомненно, что вероятные угрозы для безопасности региона Центральной Азии связаны с развитием ситуации в Афганистане. Только с этого направления могут появиться угрозы извне. В этом смысле отсутствие в Афганистане эффективной центральной власти при наличии большого количества самостоятельных вооруженных группировок создают теоретическую возможность возникновения проблем для безопасности Центральной Азии.

Причем часть этих группировок лояльны афганскому государству, а другие выступают против него. Такая ситуация способствует появлению внутри Афганистана свободного пространства, где теоретически могут располагаться разные организации, в том числе создающие угрозу для Центральной Азии. К тому же, с 2014 года на Ближнем Востоке появилось движение «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), к которому присоединилось большое количество выходцев с постсоветского пространства, включая также страны Центральной Азии.

В этой ситуации вопрос о судьбе Афганистана приобрел особую актуальность. По сути, речь шла о том, сможет ли афганское государство удержаться, если коалиция западных стран прекратит поддержку его правительства. Не приведет ли прекращение военного присутствия США и, что, возможно, более важно, сокращение финансирования правительства, армии и лояльной им милиции к падению центрального государства в Афганистане? При этом с начала 2017 года президентом США

стал Дональд Трамп, который своими заявлениями давал основания думать о возможности ухода США из Афганистана.

Но в итоге США и их союзники подтвердили свои расходы на Афганистан. В частности, в ноябре 2017 года на саммите НАТО в Брюсселе было принято решение о продолжении финансирования афганской армии до 2020 года. Соответственно, для афганской ситуации был подтвержден статус-кво.

Показательно, что 25 декабря 2017 года президент России Владимир Путин отметил, что «действительно, она (ситуация с террористической угрозой в Афганистане) ухудшилась, это правда, она продолжает деградировать. Но если бы там не было США, наверное, было бы еще хуже»³⁸.

Однако уже 8 февраля 2018 года заместитель генерального секретаря ОДКБ Валерий Семериков заявил, что «после успешного завершения операции в Сирии Воздушно-космическими силами (ВКС) Российской Федерации они (боевики ИГИЛ) начинают возвращаться в страны исхода. Большая часть концентрируется на территории Афганистана. На сегодня усредненная цифра — порядка семи тысяч человек. Это довольно-таки большая цифра, которая не может не вызывать беспокойства»³⁹. 4 апреля 2018 года российский министр обороны Сергей Шойгу отметил, что «Афганистан может стать не только прибежищем боевиков ИГИЛ, но и других террористических организаций, откуда они будут перемещаться по всему евразийскому континенту»⁴⁰.

11 июня 2018 года во время встречи совета министров иностранных дел ОДКБ было заявлено о беспокойстве в связи

³⁸ «Путин: ситуация в Афганистане была бы хуже, если бы там не было войск США», ТАСС, 25 ДЕК 2017 [“Putin: The situation in Afghanistan would be worse if there were no US troops”, TASS, 25 December 2017], <http://tass.ru/politika/4842634>

³⁹ «В ОДКБ сообщили о перемещении семи тысяч боевиков из Сирии в Афганистан», INTERFAX.RU, 8 февраля 2018 [“The movement of seven thousand militants from Syria to Afghanistan reported in the CSTO”, INTERFAX.RU, 8 February 2018] <http://www.interfax.ru/world/599045>

⁴⁰ «Сергей Шойгу: Афганистан может превратиться в прибежище террористических организаций в регионе», *Afghanistan.ru*, 04.04.2018 [Sergey Shoigu: Afghanistan May Become a Refuge for Terrorist Organizations in the Region”, *Afghanistan.ru*, 4 April 2018], <http://afghanistan.ru/doc/119783.html>.

с проникновением боевиков ИГИЛ в Афганистан и создании плацдармов на севере. Министр иностранных дел России Сергей Лавров в связи с этим сказал, что «мы видим, как миссия НАТО не всегда действует прозрачно. Там было несколько случаев, когда губернаторы провинций делали заявления о неких вертолетах без опознавательных знаков, которые направлялись в район дислоцирования террористов. И учитывая, что натовская операция и США контролируют все воздушное пространство над Афганистаном, как минимум, они не могли об этом не знать. Поэтому страны-члены ОДКБ будут продолжать координацию своих действий»⁴¹.

Собственно, в течение 2018 года в риторике российских официальных лиц одним из главных становится вопрос об усилении угроз безопасности со стороны Афганистана. Причем акцент делается на том, что Запад не может контролировать ситуацию в Афганистане, где в связи с этим растет количество боевиков радикальных организаций. Среди них особенно выделяются выходцы из Центральной Азии, которые ранее воевали в Ираке и Сирии под флагом ИГИЛ. Тем самым проводится связь между событиями на Ближнем Востоке и в Афганистане.

Естественно, что в данном случае в связи с возрастанием угроз делается акцент именно на роли ОДКБ как главной организации для защиты Центральной Азии с южного стратегического направления. Собственно, речь идет о том, что террористическая угроза со стороны Афганистана, которая является своего рода проекцией аналогичных угроз со стороны Ближнего Востока, представляет настолько серьезную проблему, что требует полной концентрации именно на вопросах безопасности. Следовательно, вопросы экономического развития в южном направлении, включающие новые транспортные коридоры, с точки зрения приоритетности отходят на второй план.

⁴¹ Францев, Р. «В Алма-Ате главы МИД ОДКБ обсудили Афганистан, Сирию и Корею», *Вести.Ру*, 11 июня 2018 [Frantsev, R. "Heads of the CSTO MFAs Discuss Afghanistan, Syria and Korea in Almaty", *Vesti.ru*, 11 June 2018], <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3027132>

Но такая постановка вопроса фактически направлена не только против всех тех проектов США, которые подразумевали создание коридора через Афганистан в Центральную Азию. Сегодня это затрагивает еще и интересы Китая. С учетом того, что Китай уже довольно много инвестировал в страны Центральной Азии, в Пакистан, а также в связи с тем, что только что в ШОС были приняты Индия и Пакистан, китайской стороне в целом не выгодно определение Афганистана в качестве некоего нового Ближнего Востока, угрожающего стабильности всех его многочисленных проектов и инвестиций.

Кроме того, в самой Центральной Азии в последние годы Узбекистан демонстрирует стремление к модернизации и экономическому развитию. При этом Узбекистан не входит в ОДКБ, но входит в ШОС, и на его территории расположен региональный антитеррористический центр этой организации. Помимо этого, важно, что Узбекистан располагает сильной армией и спецслужбами. Он также является самой населенной страной Центральной Азии и наиболее очевидным направлением активности исламских радикалов, многие из которых являются выходцами их этой страны. И наконец, на севере Афганистана компактно проживает многочисленная узбекская община, лидер которой, Абдул Рашид Дустум, формально является вице-президентом страны и летом 2018 года вернулся из эмиграции для участия в политической жизни.

Очевидно, что Узбекистан де-факто является ключевым элементом всей системы безопасности вдоль афганской границы. Поэтому его отношение к любым действиям влиятельных третьих стран — Китая, России и США — имеет принципиальное значение. В связи с этим интересна точка зрения российского исследователя Дины Малышевой в статье относительно новой политики Узбекистана, опубликованной в 2018 году. «При новом руководстве Узбекистана Афганистан объявлен ресурсом для новых возможностей, несмотря на то, что исламистская угроза никуда не исчезла и, напротив — она обрела новые очертания, «обогатившись» теперь идеологией и практикой базиру-

ющего в северных районах Афганистана «Эмирата Хорасан», являющегося ничем иным как отделением запрещенного в РФ «Исламского государства». Но конъюнктурные соображения взяли, видимо, в Узбекистане верх. К тому же власти республики действуют фактически в параметрах установок, предусмотренных в различных американских стратегиях («Большая Центральная Азия», «Новый Шелковый путь» и др.), которые как раз и нацеливают постсоветскую Центральную Азию на углубление экономико-политического сотрудничества с Афганистаном взамен партнерства с Россией и ее интеграционными проектами (ЕАЭС)»⁴².

Понятно, что такая оценка отражает существующее в Москве некоторое разочарование относительно приоритетов политики Ташкента. Потому что все заявления из России об угрозе Центральной Азии со стороны Афганистана не имеют особого смысла, если этой угрозой не озабочены в самих приграничных странах региона.

Очень показательно в связи с этим еще одно мнение из России: «Просочиться из Афганистана через его северную границу в силу ее большой протяженности и сложного рельефа, по которому она проходит, особого труда не составляет. При всем уважении к пограничникам центральноазиатских стран, они не в состоянии организовать должным образом охрану границы с Афганистаном. Об этом надо говорить честно и открыто. Обстановка на центральноазиатском стратегическом направлении и интересы обеспечения безопасности России не располагают к особой политкорректности»⁴³. Главный информационный посыл здесь связан не с тем, что без России невозможно удержать границу и обеспечить безопасность стран региона. Основная идея заключается в том, чтобы предупредить

⁴² Малышева Д.Б. Обновление внешней политики Узбекистана. // Запад-Восток-Россия. 2017. ИМЭМО РАН. 2018. С.

⁴³ Плотников Н.Д. Талибы мешают вторжению ИГ в Россию. Как обстановка в Афганистане влияет на безопасность южных рубежей СНГ. // http://www.ng.ru/kartblansh/2018-07-23/3_7272_kartblansh.html

государства Центральной Азии, что в данном случае речь идет об интересах России.

Характерно, что на этом фоне с 6 по 10 августа в Ташкент совершила визит делегация движения «Талибан». Спикер политического офиса талибов Мухаммад Сохайл Шахин заявил в связи с этим, что представители движения во главе с Шир Мохаммад Аббас Станикзаяем встретились с министром иностранных дел Узбекистана Азизом Камилковым и специальным представителем по Афганистану Исмадуллою Эргашевым. По словам Шахина «стороны обсудили существующие и будущие национальные проекты, такие как безопасность железных дорог и линий электропередач»⁴⁴. Представители «Талибана» также заявили, что откроют в Ташкенте офис движения для «лучшего взаимопонимания и для демонстрации, что они не намереваются поддерживать местные повстанческие группы»⁴⁵.

Хотя официальные власти Узбекистана опровергли сообщение Рейтерс о том, что собираются открывать офис «Талибана» в Ташкенте⁴⁶, тем не менее, показателен сам факт ведения переговоров с талибами и обсуждение с ними вопросов безопасности узбекских проектов на территории Афганистана (железная дорога Хайратон – Мазари – Шариф и линии электропередач до Кабула). Кроме того, замечание представителя талибов, что они не собираются поддерживать «местных повстанцев», прямо касается выходцев из Центральной Азии (в основном из Узбекистана), под каким бы флагом они не выступали, будь то ИГИЛ или бывшее Исламское движение Узбекистана, или эмират Хорасан, о котором упоминалось в цитате Малышевой.

⁴⁴ “Afghan Taliban delegation visits Uzbekistan to talk security, power lines”, *Reuters*, 12 August 2018, <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-taliban/afghan-taliban-delegation-visits-uzbekistan-to-talk-security-power-lines-idUSKBN1KX056>.

⁴⁵ «МИД: в Ташкенте не намерены открывать офис движения “Талибан”», *Sputnik*, 13.08.2018 [“MFA: No Intention of Opening an Office of the Taliban Movement in Tashkent”, *Sputnik*, 13 August 2018] <https://ru.sputniknews-uz.com/politics/20180813/9101511/MID-v-Tashkente-ne-namereny-otkryvat-ofis-dvizheniya-Taliban.html>.

⁴⁶ «Талибан объявил о разгроме ИГИЛ на севере Афганистана», *Ислам Сегодня*, 03 августа 2018 [“Taliban Announces the Defeat of ISIL in Northern Afghanistan”, *Islam Today*, 03 August 2018], <https://islam-today.ru/novosti/2018/08/03/taliban-obavil-o-razgrome-igil-na-severe-afganistana/>.

В связи с этим показательно, что как раз накануне визита делегации «Талибана» в Узбекистан, 3 августа, офис этой организации заявил о разгроме в северном Афганистане формирований ИГИЛ⁴⁷. 6 августа талибы объявили о начале операции по вытеснению ИГИЛ из восточных провинций Афганистана. Очевидно, что ликвидация ИГИЛ в Афганистане, с одной стороны, повышает статус «Талибана» на любых переговорах о его возможном участии в политическом урегулировании. С другой стороны, если в Афганистане не будет ИГИЛ, или эта организация станет не слишком значительной, тогда сложно будет утверждать о существовании реальной угрозы региону Центральной Азии.

Таким образом, нынешняя ситуация вокруг Центральной Азии остается достаточно сложной. Она по-прежнему определяется геополитическим противостоянием внешних сил, которые имеют интерес к данному региону. В первую очередь это касается великих держав Китая, России и США. При этом их взаимоотношения в данном регионе являются проекцией тех процессов, которые развиваются на глобальном уровне. Это и российско-американские противоречия, и политика США на Ближнем Востоке, которая на подступах к Центральной Азии находит свое выражение в их противоречиях с Ираном, и стремление Китая выйти на новый уровень геополитического влияния.

Стоит отметить, что особенностью ситуации является то, что геополитические противоречия развиваются на другом уровне, нежели это было в 1990-ых годах. Главное, что стоит отметить: заметно изменилась геоэкономическая ситуация. Из периферийной территории на окраинах бывшей империи Центральная Азия постепенно превращается в транзитный центр. И если раньше идею повышения транспортной доступности региона поддерживали только США, то сегодня это является

⁴⁷ "Taliban prepare 'decisive' anti-ISIS operation in eastern Afghanistan", *The National*, 6 August 2018, <https://www.thenational.ae/world/asia/taliban-prepare-decisive-anti-isis-operation-in-eastern-afghanistan-1.757218>.

частью политики Китая на данном направлении. Данное обстоятельство затрудняет российскую политику, которая ориентирована главным образом на решение вопросов безопасности региона. Это подразумевает восприятие южного стратегического направления не как перспективного транспортного коридора, а как территории, с которой могут происходить угрозы безопасности, что требует соответствующей защиты Центральной Азии, а следовательно — и поддержания ее изоляции.

В любом случае решение и проблем безопасности государств Центральной Азии, и их экономического развития по-прежнему во многом зависит от геополитики, от конкуренции великих держав. В то же время именно данная конкуренция создает условия для продолжения маневрирования между интересами великих держав, что является основой многовекторной политики, которую де-факто проводят государства региона.

Сравнительный анализ целей и возможностей региональных организаций в сфере безопасности и вероятность их сотрудничества в противодействии угрозам афганского происхождения

Александр Князев

Сфера безопасности любого государства или группы государств, априори включающая в себя военно-политические и общие военные интересы каждого из участвующих акторов, изначально является в высокой степени подверженной текущей конъюнктуре межстрановых отношений. В силу этого, рассуждая в категориях *real politique*, необходимо констатировать: в сотрудничестве, касающемся безопасности, частные интересы этих разнообразных акторов отнюдь не всегда совпадают друг с другом, конкурируют между собой, часто вступают в противоречия, взаимно исключают доверие и возможности сотрудничества.

Применительно к периоду 1990-х гг. общее представление об угрозах афганского происхождения⁴⁸ дифференцировалось на три составляющие. Во-первых, это производство и распространение наркотиков. Во-вторых, незаконная или слабоконтролируемая миграция, афганские беженцы. И, в-третьих, конечно же, взаимодействие между оппозиционными действующим правительствам стран Центральной Азии радикальными религиозными группировками, включая и незаконные вооруженные формирования, с теми или иными военно-политическими силами в Афганистане⁴⁹.

⁴⁸ Под «афганским происхождением» в данной статье понимается использование территории Афганистана для формирования источников угроз безопасности. В статье также не рассматриваются вопросы безопасности в широком понимании этой дефиниции, рамки статьи сужены до рассмотрения проблем безопасности в их более традиционном представлении, в военной и взаимосвязанных с нею сферах, включая, прежде всего, вопросы, связанные с трансграничным распространением терроризма.

⁴⁹ Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). – Душанбе: Дониш, 2004. – С. 6, 236, 250. См. также: Князев А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов. – Бишкек: Илим, 2001. – С. 4.

К настоящему времени можно утверждать об актуальности двух компонентов из вышеназванных: это по-прежнему производство и распространение наркотиков, и это процессы, связанные с деятельностью экстремистских и террористических групп, использующих территорию Афганистана для своих целей в силу неспособности афганского правительства контролировать собственную территорию.

Отдельный фактор, содержащий и содержащий в себе определенный дестабилизационный потенциал и в значительной мере формирующий угрозы в сфере безопасности, связан с наличием в этнополитической структуре Афганистана этнических общностей и диаспор, родственных государствообразующим этносам стран Центральной Азии. В литературе нередки апелляции к этому фактору, однако рассмотрение его в динамике исторического развития пока не стало предметом актуального научного исследования⁵⁰. На протяжении всего времени после прихода к власти «Талибана» в 1996 году основной дискурс в изучении сферы безопасности сосредоточен на явлении терроризма, сопутствующего религиозного радикализма. Несомненно, важными раздражителями военно-политической ситуации в Афганистане являются внешние воздействия, в частности — военное присутствие в стране США и стран НАТО, а также активность в стране спецслужб многих стран⁵¹.

Беспрецедентный рост объемов производства наркотиков в Афганистане, спровоцированный действиями Центрального разведывательного управления США в начале 1980-х гг. является одним из главных результатов войны того периода, будучи одновременно и ее прямым следствием. В 1990-х гг. в мире окон-

⁵⁰ Басов В.В. Национальное и племенное в Афганистане. К пониманию невоенных истоков афганского кризиса. — М.: Научно-исследовательский центр ФСКН РФ, 2011. Босин Ю. В. Этнический фактор во внутриафганском конфликте (исторический анализ)// Восток. — М., 1999. — № 5. — С. 65–75. Босин Ю.В. Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте// Афганистан: проблемы войны и мира. — М.: ИИИиБВ, ИВ РАН, 2000. — С. 159-161. Князев А. Этнический фактор в военно-политической ситуации в Афганистане и проблемы безопасности Центральной Азии// Этнические процессы и современность. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2003. — С. 25-39.

⁵¹ Князев А.А. Влияние афганского кризиса на безопасность Центральной Азии (1990-е — начало 2000 гг.). Диссертация докт. истор. наук. — Душанбе, 2004. — С. 263-276.

чательно утверждается тенденция, согласно которой районы незаконного производства и транзита наркотических веществ совпадают с зонами конфликтов низкой и средней интенсивности. При этом, естественно, производители наркотических веществ становятся прямо заинтересованы в поддержании, продлении режима нестабильности в этих регионах. Нелегальное распространение наркотических веществ наряду с торговлей оружием и международной коррупцией уже устойчиво является важнейшим фактором криминализации международных отношений, а перманентно кризисная ситуация в Афганистане является едва ли не наиболее ярким примером этой тенденции⁵². Эти тенденции в настоящее время устойчиво действуют, в частности — для стран Центральной Азии, не показывая признаков к сокращению и в значительной степени снижая эффективность всех страновых, региональных и международных структур, работающих в сфере безопасности Афганистана и стран Центрально-Азиатского региона.

Среди международных организаций, так или иначе действующих в региональной сфере безопасности Центральной Азии, существуют и такие, кого традиционно относят к «военным блокам», то есть обладающие прямыми военными потенциалами, способными к непосредственному противодействию угрозам военного и террористического характера; в Центральной Азии таковых две: НАТО и ОДКБ.

Наиболее масштабной и соответствующей понятию «военно-политический блок» структурой в современном мире является, конечно, Организация Североатлантического договора, НАТО. Активность НАТО в Центрально-Азиатском регионе носит перманентно неоднозначный характер. Внедрение НАТО в регион носит последовательный и системный характер, однако к настоящему времени эта работа не достигла какого-то критически важного уровня, когда можно было бы рассматривать влияние НАТО как необратимое. В НАТО страны Центральной

⁵² Князев А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. — Бишкек: Илим, 2003. — С. 92-93.

Азии никогда не рассматривались и не рассматриваются как прямые партнеры, работа в регионе строится по сетевым принципам и подразумевает создание условий для присутствия собственно сил НАТО в случае необходимости. Неэффективность военных операций НАТО непосредственно в Афганистане, в том числе — руководство силами ISAF в период 2003-2014 гг., как и в последующий период в ходе операции *Resolute Support Mission*, действующей и в настоящее время, легко подтверждается ростом террористической активности в Афганистане и снижением уровня контроля кабульского правительства над территорией страны. Присутствие НАТО в Афганистане не стало и препятствием для появления в стране новых террористических формирований, в частности так называемого «Исламского государства» (ИГИЛ или ДАИШ).

В период, когда командование силами ISAF перешло к НАТО, ситуация в военно-политической сфере и в сфере производства и трафика наркотиков с каждым днем ухудшалась. Разные страны, участвующие в натовской миссии, придерживаются своих собственных отдельных стратегических и тактических подходов и зачастую могут даже не обмениваться разведывательной информацией. Отдельные подразделения НАТО в Афганистане начали устанавливать сепаратные связи с местными полевыми командирами для завоевания их лояльности, поставляя им продовольствие, а порой — и оружие. Все эти схемы, так или иначе, были связаны с наркотрафиком — либо при оплате, либо с долевым участием и использованием транспортных возможностей военных ISAF⁵³.

Анализ происходящего на протяжении пост-талибского периода в собственно военной сфере позволяет сделать вывод о том, что афганская проблема не имеет военного решения. Американское и натовское военное присутствие в Афганистане само по себе является фактором дестабилизации. Существует

⁵³ Интервью автора с представителями афганских силовых структур в апреле 2002 года, в августе 2003 года, в августе 2005 года, а также с представителями «Талибана» («Шура Кветты») в Пешаваре в сентябре 2007 года и ноябре 2014 года.

вполне аргументированное мнение о том, что попытки навязать в Афганистане демократическую модель функционирования общества и государства в ее западном видении, упорство в экспорте демократии во многих случаях влечет эффект обратного действия⁵⁴. Афганское общество в значительной своей части не воспринимает внедряемых новаций, а общественная контр-реакция на «демократические преобразования» дополняет общее негативное восприятие и правительства, и его иностранных союзников. Фактор прекращения иностранного военного присутствия в Афганистане вообще является главным — а иногда и единственным — из всех предварительно артикулируемых «Талибаном» условий в ответ на все переговорные инициативы уже на протяжении многих лет. Сам факт иностранного военного присутствия является с точки зрения талибов не подвергаемым сомнениям показателем нелегитимности любого политического режима в стране. Устойчивый характер требования о выводе военного контингента США и примкнувшего к ним НАТО необходимо воспринимать, вероятно, таким образом, что само по себе это присутствие не может быть предметом переговоров, и, напротив, делает их попросту неэффективными.

Отсутствие успехов НАТО в собственно антитеррористической сфере легко связывается с мнением о том, что антитеррор изначально и не являлся реальной (а не просто декларируемой) миссией НАТО. Более реальной является начавшаяся с момента распада СССР многолетняя системная работа по созданию инфраструктуры влияния в странах региона, выполняемая посредством целого ряда партнерских программ. Постоянное присутствие военных специалистов НАТО на военных объектах Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана и реже — Туркменистана, создает возможности для мониторинга военной сферы этих стран. Формирование сети мониторинга осуществляется также через создание соответствующей

⁵⁴ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение «Талибан» и перспективы Афганистана и Пакистана. – Москва, Институт востоковедения Российской академии наук, 2014. – С. 186-205.

международно-правовой базы, предусматривающей использование структурами НАТО военных объектов стран-участниц программ НАТО, например, узлов связи, аэродромов, учебных центров, национальных систем пограничной охраны.

Такая же системная работа ведется по формированию устойчивых связей между военными структурами НАТО и стран Центральной Азии. Вероятно, прежде всего, здесь нужно отметить работу с «человеческим фактором»: подготовку офицерских кадров в различных учебных и других центрах стран-участниц НАТО, которая в процессе смены возрастных поколений создает в офицерской среде стран региона постепенный перевес в сторону преобладания западноориентированного в политическом отношении личного состава силовых структур в странах Центральной Азии. Это не единственная в данном контексте активность, сюда же можно отнести вовлечение стран региона в разнообразные программы взаимодействия с НАТО, способствующие установлению устойчивых связей различного уровня и содержания. Среди таких программ наиболее известно «Партнерство во имя мира» (Partnership for Peace), в котором участвуют все пять постсоветских республик региона; все пять стран участвуют и в Совете Евро-Атлантического Партнерства (СЕАП). Кроме того, Казахстан и Узбекистан являются участниками Индивидуального партнерского плана НАТО. В программе «Процесс планирования и анализа» (ПАРП) Казахстан участвует с 2002 года. ПАРП направлен на создание основы для определения состава и оценки сил и средств, которые могут быть представлены для проведения тренировок, учений и операций на многонациональном уровне во взаимодействии с силами НАТО, включая операции по поддержанию мира. Пакет Целей партнерства включает вопросы оборонного планирования и трансформации ВС РК, подготовку и оснащение миротворческого контингента по стандартам НАТО, языковую подготовку, обучение штабных офицеров, вопросы пограничной безопасности, вопросы реагирования на кризисные ситуации. Казахстан также присоединился к программе «Концепция

оперативного потенциала» (КОП). Программа представляет собой механизм оценки степени готовности миротворческих подразделений стран-партнеров к взаимодействию с вооруженными силами стран НАТО. На базе Учебного центра «Партнерство во имя мира» Военного института Сухопутных войск Казахстана (КАЗЦЕНТ) проводятся такие учебные мероприятия, как семинары «Юридические аспекты миротворческих операций», «Процесс планирования операций», курсы «Военная терминология английского языка в многонациональных операциях» и «Штабные процедуры НАТО» с участием военнослужащих Казахстана и представителей стран НАТО и партнеров⁵⁵.

В рамках этого же направления необходимо рассматривать и пока эпизодическое внедрение в военно-техническое оснащение вооруженных сил и других силовых структур в странах Центральной Азии многих стандартов НАТО, а также регулярное проведение разнообразных совместных учений.

Деятельность, прямо связанная с военным присутствием НАТО и в первую очередь — США в Афганистане, в странах региона имеет двойственный характер. С одной стороны, это использование стран региона в режиме практического содействия. Наиболее известными примерами этого направления активности НАТО в регионе является существование в странах Центральной Азии военных баз НАТО (или стран-участниц НАТО) в рамках операции «Несокрушимая свобода», среди которых наиболее известны военные базы в Ханабаде и Термезе (Узбекистан), и авиабаза «Манас» в Киргизии, к настоящему времени прекратившие существование, но создавшие устойчивые прецеденты прямого военного присутствия НАТО в регионе. Вторым аспектом можно считать работу по вовлечению стран региона в участие в операциях НАТО в Афганистане, из наиболее современных эпизодов по этому направлению можно упомянуть работу по воссозданию обновленного «Северного распределительного пути».

⁵⁵ На сайте Министерства иностранных дел Казахстана подробнее: <http://www.mfa.kz/ru/brussels/content-view/kazakhstan-nato>

Строго по формальным признакам, определяющим понятие «военно-политический блок», Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) таковым является. Созданная под названием ДКБ в 1992 году эта организация, перефразируя определение, которое президент РФ В. Путин дал в свое время СНГ⁵⁶, была создана для «цивилизованного развода» бывших советских республик в военной сфере. В ДКБ СНГ, подписанном в мае 1992 года в Ташкенте, отразилась вся сложность того периода. Эйфория от распада СССР заставляла руководство новых государств негативно реагировать на любые попытки сохранения единства каких-либо структур, любые объединяющие инициативы в большинстве столиц воспринимались как стремление (прежде всего, России) сохранить свое «имперское» влияние. Тем не менее, начиная свое государственное строительство, бывшие союзные республики не были в состоянии сразу решить вопросы обеспечения собственной безопасности, и Россия воспринималась многими из новых государств как гарант их безопасности. ДКБ СНГ был формой упорядочения этих отношений. По большому счету, уже тогда можно было предположить возникновение ситуации, когда пойдет речь о формировании военно-политического блока стран бывшего СССР в более узком, но и в более действенном формате. Характерно, что инициатором этого договора был президент Узбекистана Ислам Каримов, и Узбекистан же в 1999 году стал первой страной, этот договор покинувшей. ДКБ СНГ оказался востребован в чрезвычайно малой степени, никак не проявив себя организацией, способной на проведение миротворческих операций, осуществление превентивной политики, ликвидацию конфликтов. Единственным прецедентом использования механизмов ДКБ в осуществлении миротворческой деятельности стали Коллективные миротворческие силы СНГ в Таджикистане⁵⁷.

⁵⁶ «Если в Европе страны ЕС совместно работали для объединения, то СНГ создавалось для цивилизованного развода», – заявил Путин в 2005 году. http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_4382000/4382389.stm

⁵⁷ А. Князев: «ДКБ – это форма цивилизованного развода СНГ в военной области». – ИА Росбалт, 10.02.2008. Центразия, 11.02.2008. Проверено 13.08.2018. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1202715300>

В 2002 году было принято решение о преобразовании ДКБ СНГ в полноценную международную организацию — Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Его участниками в тот момент были Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Армения. В 2009 году было принято решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). С этого решения начинаются и внутренние противоречия: решение об участии в КСОР не было подписано Узбекистаном и Беларусью. В июне 2010 года из-за ситуации в Киргизии, связанной с межэтническим киргизско-узбекским конфликтом, был экстренно созван Комитет секретарей советов безопасности для решения вопроса о введении в Киргизии подразделений КСОР. Подобное решение не поддержали большинство участников организации. Отказ ОДКБ от содействия урегулированию ситуации в государстве-участнике ОДКБ продемонстрировал отсутствие механизмов, и, соответственно, недейственность организации в подобных случаях. 12 декабря 2012 года Узбекистан официально приостановил свое участие в ОДКБ. ОДКБ не сумела показать свою эффективность ни в одном из конфликтов на пространстве своей ответственности: в приграничных конфликтах между Киргизией и Таджикистаном, между Киргизией и Узбекистаном, прежде всего в силу разнонаправленности интересов стран-участниц и, как следствие, недостаточности нормативно-правовой базы для реального применения КСОР.

Таким образом, объединяющий политический компонент в деятельности ОДКБ отсутствует даже на собственном пространстве.

Еще хуже ситуация с единством в ОДКБ, если рассматривать ее в более широком международном ключе. Ни одна из стран ОДКБ не поддержала Россию в российско-грузинском военном конфликте 2008 года (включая признание Абхазии и Южной Осетии), в российско-украинском конфликте на всем его протяжении, начиная с зимы 2014 года (включая вопросы, связанные с принадлежностью Крыма и ситуацией в Донбассе).

Политическая поддержка действий России в Сирии происходит исключительно в рамках антитеррористической риторики, категорически исключая более широкие проблемы сирийской войны, связанные с политическим противостоянием между РФ, САР и ИРИ, с одной стороны, США и Западом в целом, Израилем и арабскими монархиями — с другой. Единственным прецедентом взаимной поддержки инициатив и/или действий во внешнеполитической сфере между странами-участницами ОДКБ можно, вероятно, считать действия Казахстана по проведению в Астане меж-сирийских переговоров с участием России, Ирана и Турции.

Подобная политика стран-участниц ОДКБ никак не соответствует их статусу военно-политических союзников России и, соответственно, позиционированию ОДКБ как военного блока. Главным доктринальным недостатком ОДКБ, если оценивать ее как военно-политический блок, является отсутствие скоординированной внешней политики, имеющей общие цели и задачи в интересах всех стран-участниц.

ОДКБ можно оценивать как сумму (набор) двусторонних отношений: между Россией, с одной стороны, и каждой из стран-участниц по отдельности — с другой. В рамках ОДКБ каждая страна-участница получает в разнообразных формах военно-техническую помощь, содействие в обучении военнослужащих, а по ряду направлений — прямую помощь в сфере безопасности, характер которой для каждой страны различен. Отсутствуют общие сформулированные интересы в сфере глобальной безопасности. Подобная форма взаимоотношений в среднесрочной перспективе взаимовыгодна; например, для российской стороны она позволяет сохранять свое влияние в военной сфере, сфере взаимодействия спецслужб и правоохранительных органов в каждой стране. Для партнеров России участие в ОДКБ создает гарантированные преимущества в получении определенных индивидуальных преференций от России. Естественно, что участие той или иной страны в ОДКБ в политическом поле расценивается в Москве как критерий ло-

альности, хотя говорить в этом контексте о союзничестве (что должно быть вполне логично для стран, входящих в один военный союз) абсолютно неправомерно.

В собственно военной сфере деятельность ОДКБ носит преимущественно упреждающий характер, а также (в частности, в Таджикистане) выполняет функцию сдерживания. Необходимо отметить, что, в отличие от НАТО, ОДКБ не имеет никаких прямых и как-либо институционализированных каналов воздействия на сферу безопасности самого Афганистана.

Помимо организаций военного характера, в регионе Центральной Азии действует немало международных структур, в большей или меньшей степени демонстрирующих (или декларирующих) свою приверженность многосторонней деятельности в сфере безопасности.

В рамках СНГ действует Антитеррористический центр СНГ (АТЦ), имеющий и региональный филиал в Бишкеке. АТЦ СНГ предназначен для обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств-участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. Его деятельность носит в основном информационно-координирующий характер, хотя известно и о проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений стран-участниц. Кроме того, АТЦ СНГ занимается подготовкой модельных законодательных актов, нормативных документов, а также международных договоров, затрагивающих вопросы борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

Главный российский интеграционный проект в регионе — Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — изначально не содержит и не содержит к настоящему времени в себе никакого военного компонента; более того, для Беларуси, Казахстана и Киргизии он не содержит в себе и политического компонента. Хотя содержательная сторона экономической интеграции включает в себя таможенный (а следовательно, и пограничный) компонент. Вопросы, связанные с незаконной миграцией, ре-

шаются в ЕАЭС на двусторонней основе, включая в себя и те элементы, которые связаны со сферой безопасности.

Определенные перспективы превращения в субрегиональную политическую организацию в сфере безопасности были до определенного времени у Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В рамках ШОС никогда не актуализировался вопрос о превращении в военный союз, но в активе ШОС остаются определенные успехи в решении вопросов безопасности, например, погранично-территориальных между странами — первыми участницами «шанхайской пятерки» (РФ, КНР, РК, КР, РТ). С учетом этого потенциала, ШОС имела все шансы стать аналогом ОБСЕ (в лучших проявлениях этой организации) для евразийского пространства⁵⁸.

Однако, судя по эволюции этой организации, она остается политическим альянсом, на протяжении уже многих лет не способным определиться со своей миссией, со своим мандатом. Начиная примерно с 2009-2010 года, растет многофункциональность ШОС, распыление планов и намерений, эффективно декларируемых в информационном пространстве, но редко реализуемых на практике. Вся эта многофункциональность несет угрозу главному, что пока отличает ШОС от других международных структур. Хотя еще более важным недостатком является неоднозначное понимание приоритетов в деятельности организации на двух основных направлениях: обеспечении безопасности и обеспечении экономического взаимодействия. Эта неоднозначность еще более усиливается с расширением ШОС, включением в состав участников стран с полярно направленными интересами. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС — еще менее эффективный аналог рассмотренного выше АТЦ СНГ.

В итоге можно констатировать, что к настоящему времени ШОС уверенно не имеет никаких перспектив к превращению

⁵⁸ Князев А.А. Новая мировая реальность и ШОС как геополитический и геоэкономический феномен: проблемы, функциональность и исторический шанс // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. — Бишкек, 2009. — с. 16-38.

ни в некий военно-политический блок, ни в структуру, способную взять на себя ответственность за сферу безопасности на пространстве стран-участниц. Более того, вступление в ШОС Индии и Пакистана усилит и общеполитическую дисфункцию организации, отводя при этом страны Центральной Азии на периферию актуальной повестки ШОС.

Однако потребность хотя бы в частичном, локальном обеспечении безопасности, включая и безопасность своих трансграничных проектов, заставляет КНР проявлять инициативы за пределами ШОС или двусторонних отношений. Принято считать, что приоритетом Китая в регионе Центральной Азии является распространение экономического влияния, в основном исключаящего партнерские отношения в военной сфере. Однако, если до последних лет эти отношения ограничивались эпизодической помощью со стороны КНР странам региона в области ВТС, то к настоящему времени можно отметить как активизацию ВТС (поставки китайских систем ПВО Узбекистану и Туркменистану), так и первые признаки блоковой активности. Это создание четырехстороннего соглашения по безопасности (так называемая «Организация Урумчийского договора») между Китаем, Таджикистаном, Пакистаном и Афганистаном в 2016 году. Целью организации является формирование четырехстороннего механизма координации и сотрудничества в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом, как основными региональными угрозами⁵⁹. В рамках этого альянса, имеющего пока скорее контурные, черновые очертания, четыре государства-участника имеют не только различные военные, экономические и политические возможности, но и серьезные расхождения в интересах, что в прошлом нередко приводило к периодам напряженности и двухсторонних разногласий, в первую очередь — между Пакистаном и Афганистаном. Главным бенефициаром новой коалиции выступает Китай, который преследует,

⁵⁹ Организация Урумчийского договора: Китай становится лидером нового регионального военного альянса. China-INC.ru — информационно-аналитический портал о Китае. 02.09.2016. http://china-inc.ru/news/organizacija_urumchijского_dogovora_kitaj_stanovitsja_liderom_novogo_regionalnogo_voennogo_aljansa/2016-09-02-792

прежде всего, цели обеспечения безопасности своих экономических проектов (китайско-пакистанского экономического коридора в первую очередь) и противодействия росту влияния Индии в Афганистане. Скорее косвенно, в рамках этого альянса со стороны КНР преследуется и задача обеспечения своих инвестиций в Таджикистане путем влияния на силовые структуры самой РТ. Представители всех четырех сторон в своей публичной риторике делают акцент на том, что этот региональный антитеррористический «квартет» не направлен против какой-либо другой страны или международной структуры. Слабым звеном данного протоблока является позиция Афганистана, особенно с началом запуска «плана Трампа» для Афганистана, предусматривающего, в том числе, наращивание индийского влияния в противовес китайской активности. Впрочем, пока говорить о реалистичности и дееспособности этого формирования преждевременно: пока его реальная активность ограничивается буквально несколькими эпизодами локального характера. Это кратковременное китайское патрулирование Ваханского улусволи в афганском Бадахшане и проект финансирования военной базы афганских национальных сил безопасности в провинции Бадахшан ИРА. В любом случае, в Пекине присутствует достаточно высокий уровень раздражения тем, что происходящее в Афганистане препятствует реализации масштабных китайских трансграничных проектов экономического освоения Азии, для КНР принципиально важна стабилизация обстановки в Афганистане, и Пекин будет вынужден искать инструменты для оказания влияния на сферу безопасности в этой стране.

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) — диалоговая площадка, основанная на понимании существования непосредственной связи между миром, безопасностью и стабильностью в Азии и во всем мире. Как и любая диалоговая площадка, не обладающая институтами практического действия, СВМДА по определению не может быть эффективным инструментом с точки зрения практического обеспечения мира, безопасности и стабильности даже в отдельно взятой

стране. Актуальные же задачи сферы безопасности в странах Центральной Азии в настоящее время фокусируются на потребности во вполне конкретной инструментарии противодействия терроризму, радикализации, религиозному экстремизму и другим трансграничным деструктивным проявлениям. Деятельность СВМДА, позитивная и благородная по заявленным целям, может быть отнесена к явлениям некоего политического идеализма, не способного являться фактором противодействия насильственным методам, используемым в современных международных отношениях.

ОБСЕ не является для стран Центральной Азии критически важной международной структурой в сфере безопасности в силу ряда причин. Проекты ОБСЕ имеют, чаще всего, долгосрочный характер, в то время как в странах региона существует запрос на содействие в этой сфере в текущем времени. В текущем же времени существует и запрос на активизацию деятельности в сфере снижения конфликтности, выработку мер доверия и объединение усилий в сфере региональной безопасности, состоящей в данное время из хаотически соседствующих фрагментов. На этом фоне серьезное отторжение вызывает во всех без исключения странах региона приоритетное внимание ОБСЕ к так называемой «третьей корзине», воспринимаемое как вмешательство во внутренние дела и посягательство на суверенитет.

В основе современной несостоятельности практически всех военных (или околовоеенных) проектов в Центральной Азии лежат несколько факторов, имеющих как объективный, так и субъективный характер. Сами доктрины внешнеполитической ориентации стран Центральной Азии (здесь речь не о декларируемых, а о реально осуществляемых доктринах) в условиях глобальной трансформации мировой системы международных отношений остаются либо не до конца утвердившимися и имеющими тенденцию к изменямости (Таджикистан, Киргизия, Туркмения), либо опирающимися на кратко и среднесрочные факторы (Узбекистан и Казахстан), оставаясь несформулированными в стратегическом измерении. В основе всех без ис-

ключения внешнеполитических доктрин стран региона лежит возведенная в абсолютную величину концепция «многовекторности». Именно она лежит в основе уязвимости ОДКБ, в неспособности других внешних центров силы или держав стать ядром военно-политической интеграции в форме союза, альянса или договора. Эта концепция во многих случаях оказывается эффективной по отдельным конкретным эпизодам внешней политики стран региона. Однако «государства с неустоявшимися институтами, с неустойчивым вектором развития — неисчерпаемый ресурс геополитического проектирования»⁶⁰. По большому счету, к такой категории государств пока могут быть отнесены все страны Центральной Азии. Поэтому все они могут быть ситуативно используемы в политике внешних держав. Это состояние мало отвечает национальным интересам любой из стран региона, оно во многом зиждется на несоответствии национальным интересам существующих в этих странах политических элит, ставящих перед собой цели краткосрочного характера и неспособных сформировать программы развития стратегического уровня.

Обострение глобальных противоречий между США и Россией, между США и Китаем оставляет немного надежд на то, что для России и КНР продуктивный диалог по афганской тематике с США и НАТО может состояться. Возвращаясь же к вопросу, касающемуся присутствия сил НАТО в Афганистане, можно признать как неоспоримый тот факт, что текущая власть в стране существует благодаря наличию военных контингентов США и НАТО в Кабуле и других провинциях, где западные военные играют немалую роль стабилизирующего фактора. Но эта функция западного военного присутствия носит исключительно тактический характер.

Афганистан, непрерывно воспроизводя на протяжении последних почти двухсот лет свой конфликтный потенциал, кото-

⁶⁰ Александр Князев: «Балканизация» на Кавказе и Востоке – или возвращение империи. ИА Regnum, 9 ноября 2009 г. Проверено 13.08.2018. <https://regnum.ru/news/1223235.html>

рый подпитывается извне уже по отработанным каналам, этот потенциал неизменно проецируется на весь субрегион Среднего Востока и Центральной Азии, а потому и остается фактором воздействия на любые региональные проекты. Поведение внешних сил свидетельствует о том, что практически никто из них не заинтересован в окончательном мирном урегулировании в Афганистане. При этом у большинства внешних акторов существуют разнообразные инструменты влияния на события в Афганистане, с помощью которых уровень конфликта может регулироваться. Противоречия друг другу, эти действия больше способны повышать интенсивность конфликта, нежели ее снижать.

Для США и их союзников поддержание конфликта в Афганистане до уровня средней интенсивности (с возможностью повышать или снижать уровень конфликтности) является обоснованием их военного присутствия и распространения военно-политического влияния на соседние страны. Это очень важный элемент общей мировой геополитической стратегии США, не зависящий от той или иной администрации США, активность и формы реализации этого направления могут меняться, но само по себе оно является для внешней политики США фундаментальным. Для КНР стабилизация в Афганистане в целом выгодна с точки зрения безопасности уже действующего китайско-пакистанского экономического коридора и для реализации китайских экономических (в том числе транспортно-коммуникационных) проектов. Однако активность других стран в реализации конкурентных для КНР проектов (например, ТАПИ) и военное присутствие США и НАТО в Афганистане создают локальный интерес китайской стороны к сохранению нестабильности (по крайней мере, в ряде регионов Афганистана). Для России главным интересом было бы мирное урегулирование в Афганистане, но при условии полного вывода войск США и НАТО и при российском участии с серьезной долей своего влияния во всех проектах кооперации Афганистана с постсоветской Центральной Азией и соблюдения российских

интересов в регионе. Поскольку подобный сценарий является даже в отдаленной перспективе скорее теоретическим, главный российский интерес (мирное урегулирование) пока является малоактуальным. Для Пакистана один из главных интересов в афганской ситуации (в высокой степени актуальный, и эта актуальность растет) в настоящее время состоит в недопущении усиления влияния Индии в Афганистане. Учитывая, что активность Индии, поощряемая США, Саудовской Аравией и Израилем, будет, скорее всего, нарастать, Пакистан будет оставаться заинтересованным в сохранении конфликтности, тем более что пакистанская сторона в наибольшей степени, чем кто либо, обладает инструментами контроля и управления над «Галибаном» и другими террористическими группами и движениями. Понятно, что любые действия Пакистана, направленные против индийской активности, будут априори поддержаны и Китаем. Интересы всех других важных внешних акторов — в частности, арабских монархий, Турции, отдельных европейских стран — также в высокой степени конфликтогенны. В ряде случаев расхождение интересов по Афганистану происходит даже не между странами, а между различными бизнес-группами в отдельных странах или транснациональных корпорациях.

В ситуации этой динамично растущей глобальной конкуренции и очевидного кризиса всей архитектуры международных отношений сотрудничество по тематике афганского кризиса и сферы безопасности Центральной Азии между США и РФ, США и КНР в среднесрочной перспективе представляется нереальным. Существующие же позиции основных внешних акторов самым прямым образом проецируются на такие международные структуры как НАТО, ОДКБ, в некоторой степени ШОС. Более того, и афганский кризис, и сфера безопасности региона уже сами по себе превратились в пространство и инструментарий этой конкуренции. Другие же международные организации — такие как ОБСЕ, СВМДА, структуры СНГ или локальные многосторонние альянсы («Урумчийский договор»), находясь в пространстве конкурентного противоборства акто-

ров более высокого уровня, просто оказываются неспособны на что-то большее, нежели решение частных, малоформатных проблем, связанных с безопасностью.

Эта ситуация создает и будет создавать в последующем рост уровня угроз и рисков для каждой страны в отдельности и для региона в целом, будет оставаться фактором торможения развития с растущей динамикой противоречий и конфликтогенности. Что, в свою очередь, еще больше актуализирует необходимость создания реально отвечающих потребностям позитивного развития эффективных институтов региональной безопасности, каковые в настоящее время просто отсутствуют.

СЕССИЯ II

РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: КАК ЕЕ ОСТАНОВИТЬ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Радикализация молодежи: причины радикализации и способы борьбы с ней

Мохеб Спингар

Радикализация молодежи является на сегодняшний день одной из самых опасных проблем современного общества. Особенно остро данная ситуация складывается в исламских странах с нестабильной военно-политической обстановкой, где существует целый комплекс нерешенных социальных, культурных, ментальных и нравственных вопросов.

В Афганистане вопрос радикализации молодежи стоит особенно остро. Уже на протяжении последних тридцати лет идет кровопролитная война внутри страны. Основными участниками в этой ожесточенной борьбе являются совсем молодые люди и причем не только коренные афганцы, но и выходцы из других стран (в основном выходцы из стран ЦА), на которых неоднократно ссылалось руководство ИРА⁶¹.

Радикализм мусульман, как известно, проявляется на нескольких уровнях:

- в идейной сфере он проявляется как приверженность жестким трактовкам такфира — концепции ортодоксального Ислама, служащей для обвинения тех или иных групп или отдельных личностей в отходе от Ислама и полном неверии;
- в семейно-бытовой сфере он проявляется в виде излишних претензий, придиорок, жесткости, понуждения членов семьи и близких к чрезмерно строгому следованию необязательным предписаниям ислама, ограничения свободы и возможностей

⁶¹ روزنامه اطلاعات روز، ۲۶ سنبله، ۱۳۹۶. عوامل افراط گرایی و راهکارهای مبارزه با آن، (Причины экстремизма и механизмы борьбы, Информационная газета «Этлаат», 2017 г.)

самореализации женской половины, а иногда и в семейном насилии;

- в общественной сфере — в нетерпимости к инакомыслящим, либерально настроенным мусульманам, иноверцам, в разрыве отношений и бойкотировании определенных социальных групп;

- в политической сфере — в непризнании легитимности либерально настроенных, умеренных, ориентированных на Запад правительств, партий, движений и организаций, не разделяющих жестких и крайних трактовок Ислама;

- в военной сфере — в создании вооруженных группировок, не подконтрольных никому, кроме собственных амиров, в проведении вооруженных акций устрашения, диверсий, террористических актов в отношении противника (трактовка которого может быть весьма широкой — от коалиции войск западных стран до жителей Израиля, стран Запада и населения мусульманских государств, поддерживающего правительство).

Каждый из этих уровней требует разработки своих подходов к осознанию истинных причин, тенденций и сценариев дальнейшего развития ситуации, оценки реальных, а не надуманных угроз общественной и государственной безопасности, разработки отдельных программ и стратегий противодействия.

Кто на самом деле стоит за радикальными и экстремистскими движениями?

Чего они хотят? Каким образом можно их остановить?

В основном радикальные движения состоят из религиозной молодежи, которая находится под сильным влиянием экстремистской проповеди и идеологии, а во всем исламском мире они хотят свергнуть существующие правительства и, в свою очередь, восстановить свой миропорядок и халифат. Эти экстремистские движения, с одной стороны, борются с диктаторскими и деспотическими режимами своих стран, с нищетой, несправедливостью и конфронтацией между традициями и модернизмом, а с другой стороны, геополитические игры на уровне великого среднего Востока превращают их в хорошо

организованные и грозные течения на всех исламских землях. Следует отметить, что Афганистан тоже входит в данный регион и десятилетиями находится под натиском фундаментализма и терроризма.

Экстремистские и террористические движения, находящиеся в нашем регионе, не имеют какого-либо эпистемологического различия с другими крупномасштабными основополагающими радикальными движениями во всем мире. По официальным данным, сегодня в Афганистане осуществляют свою деятельность свыше 20 террористических группировок из различных стран мира, которые пользуются нестабильной ситуацией, высоким уровнем безработицы и бедности в стране и пытаются использовать Исламскую Республику Афганистан как некий плацдарм, с которого можно влиять на дестабилизацию в других странах региона Азии⁶².

Радикально настроенная молодежь использует элементы экстремизма, начиная с Индонезии и Филиппин и кончая радикально настроенной молодежью из Китая, Чечни и других среднеазиатских республик. Они выступают против всех существующих режимов исламского мира и требуют возрождения халифата и объявления глобального Джихада против так называемого «Дарал Алкуфра» (всех немусульман). Существующие экстремистские движения выступают против политической, гражданской и религиозной свободы, отрицают образование, трудовую деятельность, торговлю и присутствие женщин в общественной жизни. Руководствуясь ортодоксальной концепцией прошлых веков, они хотят навязать современному обществу установки многовековой давности.

Экстремисты в Афганистане и остальном мире выступают против господства цивилизованного порядка в мире и требуют свертывания всех современных сил и установления теологического верховенства на основе исламского права (Шариата). Одной из наиболее популярных причин радикализации афган-

⁶² Quarterly Journal, Strategic Study, Center for Strategic Studies (CSS), Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Afghanistan, winter 2018, Issues No. 38.

ской молодежи является: присутствие иностранных вооруженных сил на этой земле. Поскольку картина мира у большинства молодых людей еще не сформирована в достаточной степени, то они, естественно, прислушиваются к мнению мулл (муфтиев) и фундаментально настроенного слоя бывших моджахедов, которые и без того имеют опыт вооруженной борьбы против присутствия иностранных военных. Кроме того, в непосредственной близости, а именно — в одной из соседних с Афганистаном стран находятся десятки тысячи религиозных школ (медресе) — своего рода фабрик по производству смертников и прочих экстремистских элементов. Отсутствие конкретных и ощутимых мер по их закрытию или ликвидации дает формальный повод молодежи нашей страны не доверять действующей в Афганистане коалиции, а наоборот — сотрудничать с ее противниками.

Солдаты этих смертоносных движений — в основном молодые люди, которых данные течения привлекают по следующим причинам.

1. Чрезвычайная актуальность для мусульман исторической памяти, в особенности событий, связанных с крестовыми походами, западной колонизацией исламских стран, а также освободительным джихадом мусульман, который на протяжении столетий породил целую плеяду героев, шахидов и мучеников за веру. Их жизненный путь, подвиги, модели поведения, военно-политические тактики и стратегии воспринимаются сегодняшним поколением мусульман в качестве неоспоримого образца для подражания.

2. Кризис идентичности/идентификации мусульманской молодежи в исламских странах, который проявляется в виде сопротивления так называемому вмешательству и нажиму со стороны западных стран.

3. Социально-экономические причины — бедность, нищета, неустроенность, безработица среди молодежи, отсутствие перспектив для молодого поколения.

4. Неспособность или нежелание мировых держав решить исторический палестино-израильский конфликт, который после открытия посольства США в Иерусалиме приобрел новый взрывоопасный характер.

5. Односторонняя поддержка Израиля со стороны США и отказ от признания широкомасштабных нарушений прав человека в отношении палестинского народа.

6. Свободное осуществление деятельности экстремистских и фундаменталистских центров и школ (медресе) в некоторых странах мира.

7. Отсутствие консенсуса между мировыми державами по отношению к терроризму и террористическим группировкам, которые стараются делить террористов на умеренных и радикальных, то есть «хороших» и «нехороших».

8. Существование двойных стандартов в понимании демократии и прав человека.

9. Дискриминация в распределении рабочих мест среди коренных жителей и мигрантов из стран Востока в некоторых западноевропейских странах.

10. Обнищание мира в духовном плане («дефицит человечности») и подавляющее влияние материальных ценностей на весь спектр человеческой жизни, иными словами — превращение современного человека в «роботообразное» существо.

11. Арrogантность и пренебрежительное отношение некоторых сверхдержав к традициям и культуре малоразвитых стран.

12. Деспотизм, угнетение и коррупция со стороны некоторых правителей мусульманского мира, а также наличие монопольной и коррумпированной системы в этих странах.

13. Отсутствие значимого баланса в международных отношениях и мировом порядке и принуждение великих держав к узурпации глобальных ресурсов, особенно ресурсов исламских стран.

14. Причины морально-психологического характера, когда уход Советского Союза из Афганистана, России — из Чечни, США — из Сомали, а также неспособность западного

альянса добиться победы в Ираке и Афганистане расцениваются мусульманами как признак слабости западных государств, их неспособности победить моджахедов. В результате чего популярность в среде мусульманской молодежи радикальных идей и позиций, лидеров с огромными военно-политическими амбициями резко возрастает.

15. Появление Интернета как неподконтрольного информационного пространства, в котором радикалы и джихадисты развернули бурную успешную деятельность по пропаганде своих убеждений и рекрутированию новых сторонников.

16. Демографические причины, которые заключаются в очень высоких показателях рождаемости в исламских странах, в очень высоких темпах прироста населения, что накладывается на низкие темпы роста экономики, которая не успевает поглощать избытки рабочей силы;

17. Идейное противоборство внутри самого исламского мира между фундаменталистами, салафитами, «ваххабитами», «джихадистами» с одной стороны и «умеренными», «традиционными» мусульманами, суфиями, «мадхалитами» и иными прогосударственными общинами — с другой.

18. Застой исламской религиозной и правовой мысли, их несоответствие масштабам и многообразию современных цивилизационных вызовов исламу. Это приводит к тому, что современная исламская мысль не может дать приемлемые, обоснованные и востребованные молодым поколением ответы на возникающие проблемы, угрозы и вызовы. В результате эти ответы начинает искать сама мусульманская молодежь, чья недостаточная образованность, просвещенность, компетентность, опытность и широта кругозора приводят к увлечению радикальными идеями.

19. Вытекающие из предыдущего пункта застой и несоответствие духу времени мусульманской системы образования, которая в новом, глобализирующемся мире оказывается неспособной обеспечить наделение учащихся и студентов долж-

ным уровнем понимания мира, провести их через адекватную современной реальности социализацию и последующую интеграцию в меняющееся общество, а также привить им эффективные, работающие и, главное, позволяющие сохранить исламскую идентичность и самоуважение модели конструктивной и созидательной активности и ориентировать их на такие модели.

20. Бурное возрождение ислама и исламской общественно-политической активности по всему миру, которым становится слишком тесно в тех рамках и границах, куда их загнало в предыдущие годы западное колониальное правление и последующие светские национальные, авторитарные режимы стран Исламского Востока.

21. Антиисламская, зачастую — исламофобская, а иногда и откровенно провокационная политика некоторых СМИ, агрессивная пропаганда и искажение имиджа ислама, изображение его как отсталой и темной религии, а мусульман и их лидеров — как варваров и дикарей⁶³.

Причин, из-за которых молодежь вступает в экстремистские группировки бесконечное множество. По моему мнению, главным является психологический фактор, когда происходит перекладывание ответственности за свою жизнь, нереализованная потребность в значимости, социальная изолированность и т.д.

Даже этот развернутый список не включает в себя все возможные мотивы радикализации молодежи в наше время. Каждая из этих причин описывает только узкий сегмент проблемы, дает упрощенную, одностороннюю картину действительности и не отражает целиком глубины и широты проблемы. Даже если все перечисленные выше причины, взятые вместе, создают более-менее объемное и глубокое видение ситуации с радикализацией мусульман, нам все же представляется, что они не дают главного ответа на вопрос «почему».

⁶³ Курбанов Р.В. (кандидат политических наук, научный сотрудник RAND Corporation, Вашингтон) Ислам и радикализм. «Узловая» причина радикализации мусульман в современном мире, 07.06.2007.

Почему одни и те же проблемы, такие как, например, неустроенность или бедность, одних заставляют хвататься за оружие, а других — усердно трудиться и добиваться успеха на пользу себе и исламской общине?

Отчего боль и обида за современное положение исламской уммы одних заставляет кропотливо учиться, овладевать знаниями, добиваться высокого социального статуса с тем, чтобы помогать собратьям, а других загоняет в афганские ущелья и ичкерийские леса?

В чем причина роста числа радикалов и террористов в среде обеспеченных и состоявшихся в жизни мусульман? Ведь, как показывают результаты исследований Gallup World Poll, проведенные в исламских странах, таких как Ирак, Ливия, Алжир и других странах, радикалы в среднем не беднее своих умеренных соотечественников; они несколько чаще обладают средним или высшим образованием и несколько чаще ожидают в ближайшие пять лет улучшений в своей жизни⁶⁴.

Почему обеспеченные, состоятельные мусульмане, да и бедные тоже, мечтают умереть ради ислама больше, чем продолжать жить и развиваться? Мы смеем утверждать, что на самом деле радикалы тоже хотят жить, создавать семьи и растить детей. Но почему-то в их представлении жизнь в силу тех или иных обстоятельств является худшим и более позорным вариантом, нежели мученическая смерть. Они просто не видят того, как можно жить, сохраняя уважение к самим себе как к мусульманам, не видят того, как их жизнь может приносить тот эффект, который им хотелось бы, не видят того, как, живя и созидая, они могут менять ситуацию в желаемую сторону.

Радикализация молодежи несет в себе еще один корневой, узловый момент в этом процессе, который, как сквозь линзу, собирает пучки разнообразных причин и, после их фокусировки и преломления, порождает радикализацию.

⁶⁴ Война ценностей. Природа исламского экстремизма остается для Запада загадкой // Коммерсантъ, 21.12.2006

Таким узловым моментом, который в результате и определяет, склонится ли под грузом проблем и вызовов тот или иной мусульманин к радикальным идеям и сценариям или нет, является тот факт, видит ли он иные, приемлемые для себя как для мусульманина пути и способы сохранения, укрепления и развития своей религии, кроме вооруженных.

Учет этой мощной внутренней энергетики возрождающегося ислама, в невероятной степени электризирующей сознание верующего мусульманина и требующей от него, несмотря ни на какие проблемы и жизненные обстоятельства, делать все от него зависящее для защиты и продвижения интересов ислама, позволяет нам понять ту безысходность, в которой он пребывает, если после всего этого не видит для себя приемлемых и совместимых с его убеждениями путей реализации своей миссии.

И, скорее всего, именно эти два фактора — необъятный груз перечисленных выше проблем и вызовов личности, семье, нации верующего и всей исламской общественности, который он принимает на себя как «наместник Аллаха на земле», а также невероятно мощное в энергетическом плане воздействие на верующего осознания масштабности своей миссии в этом мире — подводят его к пороговой черте, к обозначенной нами выше узловой причине.

Если у этой черты верующий способен усмотреть для себя альтернативные варианты реализации своей миссии, защиты своей чести, достоинства, защиты своих убеждений, религии и образа жизни, то он, пусть и с трудом, ценой болезненного пересмотра некоторых своих убеждений, ломки привычных стандартов поведения, приспосабливается к правилам игры стремительно меняющегося мира. Он делает все от себя зависящее, чтобы «ухватиться» за борт современной цивилизации, получить доступ к ее ресурсам и возможностям, чтобы затем, став успешным предпринимателем, ученым, политиком или общественным деятелем, использовать освоенные им ресурсы на благо своей семьи, нации и религии.

Если же у этой черты верующий не способен усмотреть для себя никаких иных путей реализации своей миссии, защиты своего достоинства, религиозных убеждений и образа жизни, кроме резкого озлобления, обвинения во всех бедах иноверцев, лицемеров и врагов ислама, то именно это и является узловой причиной его падения в пропасть радикализма и экстремизма.

От этого момента до взятия в руки оружия остается один шаг. Тем более что законность подобного шага мусульманин усматривает в аятах Корана и хадисах пророка Мухаммада, примеры самоотверженного и героического джихада — в примерах жизни и смерти первых мусульман, героев освободительного джихада из истории ислама; навыки диверсионной войны — в Интернете и по телевидению, а награду и вдохновение — у Аллаха.

Безусловно, молодому поколению тяжело самостоятельно решить и преодолеть все эти препятствия и преграды, и своевременно свернуть с ложного, неправильного пути, на который его подталкивают остальные члены различных радикальных движений.

В геополитике многих стран мира чрезвычайно важное место занимает именно Афганистан. Страна является «сердцем» Центральной Азии, и благодаря этому контролировать и влиять на политику региональных стран становится гораздо проще. Кроме того, страна является звеном сухопутных торговых отношений. Афганистан обладает относительно большой территорией, площадь которой приблизительно равна площади Франции, Бельгии, Нидерландов и Дании вместе взятых, и имеет запасы природного газа, нефти, драгоценных металлов и золота, но, несмотря на это, Афганистан — одна из экономически отсталых и политически нестабильных стран мира.

Совершенно ясно, что любому радикальному движению для поддержания и распространения своей деятельности необходимы финансовые средства. И в случае с Афганистаном казна экстремистских группировок пополняется, в частности, за счет

продажи наркотиков. При этом основными дилерами выступают граждане стран СНГ и России.

В условиях обострения отношений между США и Россией по сирийскому вопросу, Центральная Азия неуклонно превращается в площадку для противостояния, где одновременно присутствуют интересы России, КНР, Турции, Индии и ряда других стран. Разделение региональных и глобальных сил на так называемые противостоящие коалиции по сирийскому конфликту отражается на региональной безопасности ЦА региона.

При этом часть экспертов из стран ЦА и России опасаются, что переход отношений между США и Россией в стадию холодной войны по Сирии и Украине может привести к активизации разных сепаратистских, террористических групп из ЦА и с Северного Кавказа и к последующему созданию широкого террористического подполья, направленного против стран ЦА региона, КНР и России.

События в Сирии, Ираке, Афганистане и связь глобального террористического подполья в этих странах с Центральной Азией создает условия для активизации борьбы США с терроризмом, с учетом интересов России и КНР в ЦА регионе. При этом особое место в обеспечении устойчивой системы безопасности ЦА региона занимает Афганистан и, соответственно, уровень сотрудничества и готовность к нему со стороны стран НАТО во главе с США и стран ОДКБ во главе с РФ по вопросам терроризма и наркотрафика.

Учитывая различные цели террористических организаций, действующих в Афганистане, тезис о «непосредственной угрозе» можно трактовать по-разному. Даже в случае прихода проталибского правительства к власти в Афганистане (что маловероятно), вряд ли следует ожидать наступления движения «Талибан» на территорию соседних государств ЦА. Талибы сконцентрированы на внутренних афганских проблемах контроля и удержания власти, а также расширения зоны своего влияния на всей территории.

Тем не менее «Талибан» оказывал в свое время поддержку джихадистским группировкам, ориентированных на страны ЦА, таким как ИДУ (Исламское движение Узбекистана — группировка, созданная эмигрировавшими джихадистами из Узбекистана и обосновавшимися в Пакистане и Афганистане), Джамаат Ансаруллах (экстремистская группировка, запрещена в Таджикистане), основной целью которых является свержение правящих светских режимов в Центральной Азии. Кроме того, основная часть джихадистов в 2014 г. принесла баят (клятву) верности и признания ИГИЛ (Исламское государство в Сирии и Ираке).

То есть плацдармы террористических групп на севере Афганистана заполнены боевиками из вышеназванных группировок — гражданами государств Центральной Азии, покинувшими ранее Ферганскую долину и готовыми вернуться туда с оружием в руках.

В этой связи более уязвимой точкой внутри ЦА региона остается Ферганская долина, где соприкасаются Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. В Ферганской долине еще со времен СССР существует ряд сложных проблем: проблемы, связанные с делимитацией границ, а также с доступом к поливной и питьевой воде, проблема наркотрафика из Афганистана и наркобизнес, перенаселение и социальные проблемы, безработица среди молодежи, радикализация, межэтнические проблемы и т.д.

Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан — это страны с абсолютным преобладанием мусульманского населения, образующие на стыке своих границ Ферганскую долину; при этом и Кыргызстан, и Таджикистан имеют общие границы с КНР. В то же время Казахстан является страной с доминирующим мусульманским большинством и имеет общие границы с Россией (также с выходом на Северный Кавказ), КНР, Узбекистаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. Но, как и во многих постсоветских странах, ислам во всех этих странах больше представлен на уровне идентичности и традиций, и меньше — в виде религиозных практик. Согласно опросам общественного мнения,

только 1/10 часть мусульман в данных странах регулярно читает намаз, т. е. является практикующими верующими. Согласно отчету по результатам проведенного социопроса, представленному Pew Research Center, “The World’s Muslims: Religion, Politics and Society”, 2% мусульман в Казахстане допускают, что нападения на граждан в целях защиты ислама часто/иногда могут быть оправданными, в Кыргызстане – 10%, в Афганистане – 39%. Другой показатель: 10% мусульман в Казахстане хотели бы, чтобы шариат стал официальным законом в государстве, в Кыргызстане – 35%, в Афганистане – 99%)⁶⁵.

Набирающую темп радикализацию в этих странах ЦА региона можно рассматривать по основным временным этапам.

- Миграция русскоязычного населения. Отток русскоязычного населения в связи с началом распада СССР (с 1989 г.) и последовавшими за этим гражданской войной в Таджикистане (1992-1997 гг.) и двумя революциями в Кыргызстане (2005 г. и 2010 г.) привел к тому, что более 85 % населения этих стран в основном представлено гражданами, исповедующими ислам. Кроме того, за годы независимости в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане происходил процесс внутренней миграции из села в город по причине безработицы, бедности. Это повлияло на изменение городской культуры в некоторых странах региона в сторону сельской.

- Приобретение национального суверенитета республиками ЦА после распада СССР сопровождалось возрождением национальной идентичности, культуры, возвращением к религиозным ценностям после 70 лет атеизма. Одновременно с процессом поиска национальной идентичности начался параллельный процесс реисламизации, который проходил вне государственного регулирования и контроля.

- Демократизация и предоставление полной свободы религии после распада СССР привели к тому, что в кутане, Кы-

⁶⁵ “The World’s Muslims: Religion, Politics and Society”, *Pew Research Center*, 30 April 2013, <https://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview/>.

ргызстане и в меньшей степени — в Таджикистане активизировалась миссионерская деятельность исламских организаций из некоторых стран региона (Саудовской Аравии, Турции, Пакистана, Кувейта). Открылись различные, центры и идет постройка мечетей, медресе. Идет процесс экспорта религиозных взглядов из вышеперечисленных стран в страны ЦА. Идеологический вакуум после распада идеологии коммунизма СССР стал быстро заполняться религией.

- Молодежь, бесконтрольно выезжающая на учебу в мусульманские страны, привозит идеи нетрадиционного ислама. Как результат, мусульманские общины суннитского ислама Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана сегодня представлены разнообразными религиозными идейными течениями, джамаатами (группами), противостоящими или конкурирующими друг с другом, внешние центры управления которыми в основном располагаются за рубежом⁶⁶.

В итоге мусульманские общины сейчас переживают не только конфликт поколений, но и рост религиозной нетерпимости и радикализации по отношению к другим группам, а также к государственной политике, светским институтам власти. Отчасти это проявляется на межличностном уровне, при навешивании ярлыков — «саляфит», «суфий», «таблигавец», «нуржи» — или на пятничных молитвах. Быстрое распространение такфиритских и джихадистских идеологий среди молодежи имеет самые опасные последствия:

— Две войны в Чечне (Россия) 1994-2000 гг. и, как следствие, расползание террористического подполья по Северному Кавказу (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия). Распространение в западном Казахстане такфирито-джихадистских идей салафизма с Северного Кавказа РФ.

— Ферганская долина. Активизация террористического движения Исламского движения Узбекистан и вылазки его представителей с территории Афганистана в 1998 и 2000 годах

⁶⁶ Др. Кадыр Маликов, Директор аналитического центра «Религия, право и политика», «Безопасность ЦА: современная динамика радикализации среди молодежи в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане», 2018 г

на территорию Кыргызстана и Таджикистана, андижанские события 2005 года с участием движения «Акромия».

— С 2000-х годов усилилась внешняя трудовая миграция таджиков из Таджикистана, кыргызов из Кыргызстана и узбеков из Узбекистана в Россию. Образование больших диаспор из бывших граждан стран ЦА, исповедующих ислам, влияет на вопросы безопасности, внутреннюю социально-культурную сферу российских городов. Фактор миграции трудовых мигрантов из ЦА приобретает особую важность для российского общества. Нахождение вне пределов своей культуры, трудности языкового барьера, сложности адаптации — все это влияет на то, что трудовые мигранты из ЦА видят в исламе гарантию сохранения своей идентичности. По этой причине мечети в России являются главным центром встреч и социального контакта среди мигрантов из ЦА. Таким образом, процесс исламизации наблюдается именно среди трудовых мигрантов ЦА в России.

— Гражданская война в Сирии в 2011 г. и появление ИГИЛ в 2014 г. создали основу для пропаганды джихада и выезда молодых граждан стран ЦА в Сирию. При этом ислам в лице традиционных имамов переживает нехватку профессиональных кадров и пока не может ничего противопоставить тенденции радикализации верующих.

За последние пять лет (с 2011 г. до конца 2016 г.) можно сделать вывод о том, что идентификация общества в странах ЦА заметно смещается в сторону радикализации и исламизации всех сторон жизни сообществ. В Казахстане, Таджикистане и Узбекистане, даже несмотря на режим контроля религиозной сферы, изменяется идейно-ценностная и культурная мозаика общества в сторону преобладания исламского фактора, особенно среди молодежи. Быстрый и зачастую спонтанный рост религиозности среди населения, появление новых вызовов и угроз глобального терроризма — все это вынуждает правительства контролировать процессы в религиозной сфере.

Однако правительства столкнулись со сложностью определения модели границ светскости и места религии в обществе

и государстве, установления нужной траектории развития процесса радикализации ислама и контроля с учетом новых вызовов в духовно-нравственной сфере, а также привлечения религиозного ресурса в противодействии идеям терроризма.

Концептуальным вопросом является то, что в национальных конституциях стран ЦА не раскрывается модель светскости, государственно-конфессиональных отношений и правила «игры». Во конституциях всех стран ЦА государства названы унитарными, светскими, демократическими, правовыми, социальными и т. д. При этом в большинстве стран постсоветского пространства за основу светскости взята (как советское наследие) французская модель, которая предполагает тотальное отделение государства от религии. Между тем, процесс исламизации все больше заявляет о себе и, по сути, является необратимым.

Учитывая тот факт, что большинство населения Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана является мусульманами, то государства проводят политику поддержки традиционного ислама (суннитского направления, ханафитской правовой школы, матуридического вероучения) в своих странах в противовес «импортированным» извне религиозным течениям.

Об усилении за последнее десятилетие исламизации в регионе ЦА и росте радикализации среди молодежи говорят несколько факторов.

- Увеличилось число религиозных объектов (мечетей, центров) разных исламских джамаатов (групп). Динамика роста религиозности с учетом низкого уровня образования, роста безработицы и наличия социальных проблем, тесно связана с динамикой радикализации за счет широкой сети вербовки среди протестной части молодежи.

- В зоны боевых действий в Сирию и Афганистан выезжают молодые граждане Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. При этом число боевиков из

ЦА региона на конец 2016 г. приблизительно составляет от 3 до 4,5 тысяч человек⁶⁷.

- Внутри стран ЦА региона наблюдается процесс сращивания криминальных и террористических групп; при этом постоянно растет число осужденных за экстремизм и терроризм внутри стран ЦА, и, как следствие, радикализация распространяется в тюрьмах среди заключенных. Тюрьмы становятся рассадником радикальных идей.

- За последние 2 года (с 2014 г. по 2016 г.) постоянно растет динамика выявления подпольных ячеек террористических групп и предотвращения терактов в Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане и России. ОДКБ в последние несколько лет наращивает силы и укрепляет военно-технический потенциал в части противодействия возможным угрозам терроризма как со стороны Афганистана, так и внутри стран-участниц ОДКБ в ЦА. Европа и США по нарастающей увеличивают размеры финансовой помощи в борьбе с экстремизмом для стран региона.

Внешние факторы, влияющие на динамику радикализации в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, с каждым годом приобретают все более сложный характер, так как процессы в ЦА необходимо связывать с внешним идеологическим влиянием зон боевых действий на Ближнем и Среднем Востоке, через призму противостояния по вопросу Сирии — США, ЕС и России, а также регионального соперничества Ирана и Саудовской Аравии, Турции, Катара и их влияния на различные группировки в Сирии, в том числе ориентированные на ЦА, Россию и КНР.

Внешний фактор влияния — деструктивное внешнее вмешательство в дела региона, вследствие которого повышается уровень террористической активности, милитаризации и снижается степень политического доверия и экономического взаимодействия между странами. «Арабская весна», при внешнем вмешательстве, по сути, спровоцировала хаос и повлияла на ре-

⁶⁷ Институт стратегических исследований Афганистана, 2017 г.

гиональную систему безопасности. Появление на территории Ирака и Сирии ИГИЛ, «Исламского государства Ирака и Леванта», несет угрозу как для стран региона, так и для всего мирового сообщества. Происходит распространение опасной такфиритской террористической идеологии, основанной на джихаде. Это влияет на трансформацию джихадистских местных групп, выводя их, по сути, на транснациональный уровень через включение в глобальную сеть терроризма.

Проблема быстрой радикализации мусульманской молодежи является актуальной проблемой, касающейся всех республик Центральной Азии, СНГ, Российской Федерации (Поволжье и Северный Кавказ) и, безусловно, Афганистана.

Чаще всего молодые граждане стран СНГ в возрасте от 18 до 30 лет, которые выезжали на территорию Сирии и Афганистана для вступления в группировку ИГИЛ, сделали это в основном по идеологическим причинам.

Ранее среди аналитиков и экспертов высказывалось мнение, что молодежь выезжает в основном для того, чтобы заработать на войне. Предполагалось, что эти люди являются выходцами из неблагополучных семей. Отток молодежи из страны в зону конфликта обуславливали социальными проблемами, бедностью и прочими подобными факторами. Однако исследования последних лет показали другую картину. Почти все выехавшие в Сирию и Афганистан были из семей среднего достатка или бизнес-среды. Есть даже примеры людей, которые продавали бизнес, дома, машины и вывозили деньги в Сирию для помощи в покупке оружия, на нужды радикальных группировок.

Проведенный анализ, результаты множества интервью с задержанными боевиками показывают, что основная причина радикализации заключается в глубоком кризисе в сознании определенных «групп риска» среди молодежи. Самый главный вопрос для молодых людей — это вопрос социальной справедливости. Отсутствие же социальных лифтов, отсутствие перспективы самореализации, возможности найти работу приводят к протестной позиции в отношении всей системы.

Кроме того, в ЦА наблюдается кризис либеральных и демократических реформ и разочарование населения в проводимых реформах. Западные либеральные ценности теряют свою значимость. Идеологический вакуум заполняется религиозными ценностями, и некоторые из них имеют импортированный извне (через Интернет, экстремистскую литературу, подпольное обучение, контакты) радикальный характер.

На сегодняшний день молодежь ищет духовные, идеологические ориентиры. Даже ответы на вопросы, связанные с международной политикой, молодые люди начинают искать в политическом исламе. Здесь большую актуальность приобретает вопрос о ценностных ориентирах.

Совсем недавно на стороне ИГИЛ воевали тысячи иностранцев, приехавших из более чем 80 стран мира. Как сообщают аналитики, такие как Акрам Андешманд, Вахид Мужда и другие, тогда как в 2014 году численность иностранных боевиков в рядах ИГИЛ доходила до 12 тысяч, на сегодня там воюют от 27 до 31 тысячи иностранцев, приехавших из 86 стран мира. Количество граждан России и Центральной Азии среди них утроилось. По данным из официальных источников, в рядах ИГИЛ на начало 2016 г. воевали 2 400 россиян, 400 казахстанцев и 386 таджикистанцев, 500 граждан Узбекистана, 500 граждан Кыргызстана и 360 граждан Туркменистана⁶⁸.

Однако реальные цифры не может сказать никто, а официальные показатели занижены. Люди выезжали семьями, с детьми. Данный процесс продолжался до начала 2016 г. и идет на спад в связи с действиями РФ в Сирии. В настоящее время все правоохранительные органы республик ЦА фиксируют снижение выезда своих граждан в Сирию.

Но это не говорит о снижении радикализации; скорее всего, особую опасность теперь будут представлять возвращающиеся боевики и «спящие» ячейки внутри стран ЦА, а также те организации, которые симпатизируют ИГИЛ или «Аль-Каиде». Так,

⁶⁸ Byman, Daniel L.: What happens when ISIS goes underground? Brookings, January 18, 2018

о готовности к совместным с ИГИЛ действиям уже заявили отдельные полевые командиры Исламского движения Узбекистана и Союза исламского джихада, дислоцированные в Афганистане, часть «Хизб-ут-Тахрир» в ЦА.

Быстро растет и количество тех, кто познакомился с идеями радикальной интерпретации Ислама в тюрьмах. Идет процесс сращивания бывших представителей криминалитета с террористической идеологией ИГИЛ, ИДУ и т. д.

Другими факторами радикализации могут выступать самые различные явления и процессы. Узловым фактором выступает низкий уровень образования и информированности об исламе и его различных течениях. Тут необходимо отметить, например, низкий уровень религиозного образования среди верующей молодежи.

Согласно проведенному исследованию, среди задержанных боевиков никто не учился в медресе (религиозном учреждении), у всех отсутствовали базовые религиозные знания об исламе, а вся информация была получена через пропагандистские книжки, видеообращения джихадисткой пропаганды в интернете.

Первичная информация, которую они получили через сайты в Интернете, YouTube, Facebook, «Одноклассники» и Whatsapp, была радикальной и направленной на введение джихада, объявление светского государства враждебным. То есть владение современными технологиями позволяют международному терроризму (ИГИЛ, «Аль-Каида») вести вербовку молодежи через социальные сети.

Например, в структуре ИГИЛ успешно функционирует созданное медийное специальное подразделение «Аль-Фуркан», которое, на зависть «Аль-Каиде» и «Фронту ан-Нусра», эффективно использует все инструменты Всемирной паутины: публикуя свои идеи и призывы; размещая сцены истребления колонн военной техники правительственных войск, нападения на семьи военных и казни гражданского населения.

Так, в мае 2014 года «Аль-Фуркан» разместила в интернете документальный фильм «Звон мечей». По оценке кинематографистов из CNN, по качеству съемки и монтажу фильм сравним

с продуктами американского кинематографа — как по зрелищности, так и по реалистичности. Пропагандистский фильм «Звон мечей» и последовавший за ним фильм «Пламя войны» вышли в Интернете и набрали рекордное количество просмотров. Видеозапись ИГИЛ с казнью целой группы офицеров сирийских ВВС, как и другие ролики, были удалены практически сразу во всех странах мира, с формулировкой «за пропаганду экстремизма».

Ввиду огромных потерь ИГИЛ в Сирии и Ираке, физическое присутствие данной группировки в реальном мире сокращается, но возрастает значение ее виртуального присутствия в Интернете, социальных сетях и различных мессенджерах. Именно в это цифровое подполье все глубже уходит разваливающееся «Исламское государство». И, как ранее различные группировки влияния Халифата боролись за иракские и сирийские города и территории, так теперь они соперничают за право контролировать виртуальное, сетевое пространство.

Таким образом, информационно-пропагандистская сфера теперь становится главной формой существования и позиционирования «Исламского государства». На сегодняшний день медийный блок ИГИЛ трансформируется в еще одну спецслужбу халифата. Амниат, то есть спецслужба ИГИЛ, делает все, чтобы увеличить свою популярность среди экстремистов и радикальных элементов в нашем регионе. Причем речь идет именно о русскоязычном сегменте джихадитского дискурса, который направлен на молодых мусульман России, Казахстана и других постсоветских государств. Вполне возможно, что оперативники Амниата рассчитывают не только контролировать механизмы «мягкой вербовки» сторонников, но и хотят раскинуть новую агентурную и диверсионную сеть в республиках бывшего СССР.

Можно говорить о том, что современная идеология экстремистских групп выходит на новый уровень, используя современные технологии и методы пропаганды, нацеленные на все

мировое сообщество, с целью реализовать террор — вызвать страх⁶⁹.

При этом афганское правительство, как и правительства государств ЦА, в профилактике идей экстремизма опираются на традиционное духовенство. Однако в некоторых странах нашего региона традиционное духовенство не может противостоять пропаганде террористических групп, так как современные технологии позволили террористическим организациям вербовать молодых граждан в свои ряды посредством Интернета. То есть пропаганда и вербовка в террористические организации происходят вне контроля официальной мечети и за ее пределами. Кроме того, проблема кадров в духовной сфере не позволяет давать ответы на современные политические вопросы. Традиционное духовенство ограничено исключительно исполнением обрядов. На вопросы, связанные с политикой, джихадом, они не могут отвечать: в этих областях они некомпетентны.

Анализ причин радикализации среди молодежи в Афганистане, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане демонстрирует наличие ряда внутренних и внешних факторов для радикализации. При этом внутренние факторы, определяющие динамику радикализации внутри стран, — это социальная и экономическая стабильность, уровень образованности среди молодежи, ее вовлеченность в социальные процессы в обществе, своевременная политика государства в области противодействия экстремизму и его профилактики. Поэтому в ближайшие годы актуальными вопросами будут дискуссии в области политизации верующих, процесса салафизации и угроз такфиризма, контроля религиозных организаций со стороны государства, а также понимания и толкования концепции светского государства, границ между правами верующих и светской части населения, роли и места религии, народных обычаев и традиций, духовных основ национальной идеологии⁷⁰.

⁶⁹ Независимая (газета), Интернет-версия, 28.05.2018.

⁷⁰ Никитин, Тимур: О радикализации ислама в Казахстане, 15.07.2016.

К сожалению, в целом в нашем регионе складываются опасные внутренние условия для вербовки с перспективой постоянного восполнения новых рекрутов среди молодежи.

По мнению аналитиков, прочность режима и сила репрессивного аппарата могут гарантировать стабильность внутри государства на определенный период. С этой точки зрения из всех центральноазиатских стран на сегодняшний день прочность своих политических режимов демонстрируют Узбекистан, Казахстан и в меньшей степени — Туркменистан, а затем Таджикистан, имея вертикаль власти, довольно мощный аппарат, а также слабую или отсутствующую политическую оппозицию.

При этом дестабилизация в одной из этих стран по политическим, социальным, экономическим, этническим или религиозным причинам может привести к инфильтрации извне разных экстремистских групп или активизации «спящих» ячеек.

Страны ЦА сталкиваются с угрозами возвращения своих граждан из зон конфликта и проникновения радикально настроенных лиц или малых террористических групп с целью проведения террористических акций, участия в дестабилизации обстановки в любой месте на территории ЦА. Кроме того, на безопасность в регионе продолжают влиять события в Сирии и Афганистане, а также прочность отношений между США и Россией в борьбе с экстремизмом и терроризмом⁷¹.

Для решения проблемы радикализации молодежи необходимо применять комплексный и всесторонний подход. На наш взгляд, существуют следующие пути решения и методы борьбы с радикальными и экстремистскими группировками в нашем регионе:

- обширная, реальная и значимая экономическая поддержка развитыми странами региона и Запада менее развитых стран, включая создание рабочих мест;

71 (Насаб). محقق، نسب علی: عوامل افراطگرایی دینی و شیوه های مقابله با آن، پاریس، ۸ مارس سال ۲۰۱۵ میلادی. Али: «Причины религиозного экстремизма и методы борьбы с ним», 08.03.2015)

- обширная, реальная и недвусмысленная борьба с терроризмом, без разделения террористов на «хороших» и «нехороших» / «наших» и «не наших» во всем мире;
- поддержка умеренной религиозной интеллигенции и расширение модели умеренного толка и интерпретации религиозного понимания, основанных на принципах мирного сосуществования, мира и добра;
- разрешение многолетнего палестино-израильского конфликта;
- отработка методов и путей всестороннего и обширного давления на организации, силы и государства, которые поддерживают и спонсируют экстремизм и терроризм;
- поддержка процесса демократизации в закрытых странах и предоставление условий для выражения чувств, разъяснения убеждений и политической деятельности в рамках закона с целью предотвращения сплочения молодежи этих стран в подпольных организациях;
- возрождение умеренного ислама и поддержка философии суфизма в целях расширения религиозного понимания и повышения толерантности и взаимозависимости в исламских странах;
- создание общемировых механизмов для предотвращения насилия, а также предотвращение чрезмерного вмешательства некоторых держав в дела других стран. Данный аспект является одним из главных факторов, который способствует пополнению рядов молодежи в экстремистских группировках;
- увеличение количества школ, университетов, культурных центров в странах с нестабильной обстановкой, а также развитие культурного туризма между странами, которые смогли пережить терроризм;
- развитие торговли, обмен товарами и капиталом, а также изменение парадигмы отрицательной конкуренции на позитивную, развитие сотрудничества между странами Центральной и Южной Азии и Афганистаном.

После разрушительных событий 90-х годов, особенно после мрачного опыта правления «Талибана» ожидалось, что экстремизм и радикализм ни в коем случае не смогут найти почву для распространения в Афганистане. Однако бесчисленные ошибки западных партнеров нашей страны и разгул коррупции поставили население, в первую очередь — большую часть афганской молодежи в такое парадоксальное положение, что им пришлось искать поддержку в рядах весьма радикальных группировок, которые еще совсем недавно ущемляли их гражданские и политические права. Отсутствие равноправия, а по мнению радикального духовенства — и дискриминация при обеспечении рабочими местами и предоставлении возможностей занятости выпускникам религиозных и гражданских вузов также создает дополнительную предпосылку для вступления молодежи в ряды экстремистских движений.

Опасность радикализации и экстремизма заключается в том, что данная тенденция во многих странах региона приобретает форму религиозной практики. Многие молодые люди действительно верят в правдивость такого образа мыслей и проповедуют его как истинную веру. Политизация религии и использование религиозных трактовок с целью осуществления региональной конкуренции между определенными мусульманскими странами превращает Ближний Восток, а возможно — и Афганистан, и страны ЦА в рычаг потенциального конфликта. Поэтому нашим странам следует консолидировать свои усилия и искать общие механизмы по предотвращению неблагоприятных сценариев, предусматривающих увеличение масштабов терроризма и экстремизма. Основная причина высокого потенциала радикализма — наличие молодежи, энергичной, но без какого-либо места в жизни, без карьерных перспектив, без выхода. Эти факторы могут вызвать у молодежи непримиримую ненависть к обществу. В повседневной жизни радикализм молодежи существует преимущественно в форме настроений, представляя собой систему взглядов и эмоциональных состояний экстремистской направленности. Неудовлетворенность

жизнью у части молодежи вымещается в форме неприязни к иммигрантам, этнической вражды, правого радикализма. Одним из главных факторов является искаженное понятие ислама. Многие из тех, кто поражен этой «болезнью», не имеют правильных знаний об исламе. Ведь если мусульманин будет знать, что его религия — это религия умеренности и справедливости, что религия учит быть милостивым и нести добро людям, это, вне сомнений, удержит его от проявлений экстремизма в любых формах. Незнание и невежество — вот причина всех «болезней» и отклонений. Ислам побуждает обретать полезные знания и не быть буквалистом, как это было свойственно хариджитах, понимать священные тексты так, как их понимали общепризнанные имамы и ученые мусульмане. По причине незнания невежественный мусульманин берет на себя храбрость говорить о религии без знаний и выносить суждения и религиозные постановления. По причине незнания невежественный мусульманин перенимает знания о религии от кого попало, не делая различий между компетентным человеком и дилетантом. По причине незнания он с легкостью, слепо принимает взгляды, которые ему подходят, и слепо спешит применять их на практике. Такие люди представляют собой опасность не только для общества в целом, но и для самих мусульман, поскольку своим фанатизмом искажают истинный образ мусульманина, в результате чего у немусульман создается ложное представление об исламе⁷².

Молодежь — это зеркало, в котором отражается социальная действительность общества. К сожалению, на данный момент в Афганистане эта действительность является не очень радужной, и, что самое трагичное, пока не видны границы и горизонты того, когда реальность и состояние молодежи примет абсолютно новый положительный поворот. В Афганистане существует острая нехватка профильных мусульманских высших учебных заведений для качественной подготовки квалифици-

اندیشمند، محمد اکرام: نویسنده و پژوهشگر: ریشه های افزایش افراط گرایی در افغانستان، دی ۲۸، ۱۳۹۴، 72
(Андешманд М.А.: «Источники увеличения экстремизма в Афганистане», 2015 г.)

рованных кадров. Поэтому каждый интерпретирует священные учения по-своему. Кроме того, тенденция к радикализации молодежи не уменьшается, а даже наоборот: существуют предпосылки к тому, что число молодежи, вступившей в экстремистские группировки, будет увеличиваться, так как с каждым разом европейские страны депортируют и высылают из своих стран все больше и больше молодых людей и девушек, а экономика страны развивается слишком слабыми темпами.

В связи с этим очевиден итог: молодой человек приходит в террористическую организацию, где ему обещают «рай», предоставляют приют и помогают реализовать себя. И как только юноша/девушка перестают приносить пользу и выгоду определенной группировке, то от них избавляются физически.

Такова ситуация на сегодняшний день, и если не будут приняты срочные эффективные меры в сфере занятости молодежи и ее развития в различных областях, то процесс радикализации молодого поколения будет нарастать большими темпами, и соответственно, будут погибать ни в чем неповинные люди.

Информационная грамотность и новая медиакультура как раннее предупреждение радикализации молодежи

Инга Сикорская

Введение

Сегодня информация и ее качество влияют на человека и его действия. Стремительное распространение Интернета, телекоммуникационных и мобильных технологий создало новую эру публичных отношений, изменило медийное пространство, разрушило границы и обозначило правила новой медиакультуры. Сегодня каждый может говорить и каждый может быть услышан, и сегодня, как никогда ранее, может реализовываться право, закрепленное в статье 19 Всеобщей декларации прав человека, гласящее, что каждый «имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»⁷³. Эти достижения широко используют и запрещенные в странах Центральной Азии экстремистские и террористические группировки, создавая веб-сайты, платформы социальных сетей и мессенджеры для распространения пропаганды, ведения информационных кампаний, организации сообществ сторонников и вербовки молодых людей. Большинство запрещенных групп имеют свои собственные веб-ресурсы и профили в социальных сетях. К примеру, запрещенная в Кыргызстане⁷⁴ и других странах террористическая организация «Исламское государство»

⁷³ Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, веб-сайт ООН, URL http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

⁷⁴ «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) было признано террористической и экстремистской организацией. Деятельность на территории Кыргызстана запрещена решением Октябрьского суда Бишкека от 13 февраля 2015 года. http://religion.gov.kg/KY/religioznost_rastet.html

(ИГИЛ), в период своей активности в 2014-2015 годах создала глобальную медиасеть под руководством «Центрального медиа-департамента ИГИЛ», который, в свою очередь организовал шесть медийных подразделений с отдельными направлениями (видео, текст, фото, аудио, визуальные графики и переводческие отделы) и собирает информацию из тридцати восьми «медиаофисов» по всему миру⁷⁵. В 2016 году расширение медиастратегий террористических и экстремистских групп было направлено на создание мультязычного контента для тиражирования в Центральной Азии, России и на Кавказе. Достаточный уровень проникновения Интернета, его доступность и практически полное покрытие региона Центральной Азии мобильной связью стали благоприятными факторами для террористических групп.

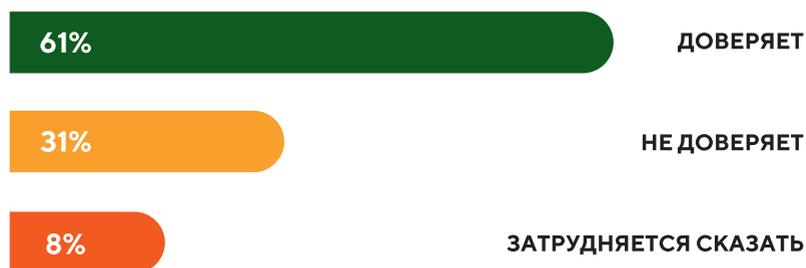

Рисунок 1. Уровень доверия молодых людей к потребляемым в медиа радикальным нарративам.

Наиболее уязвимым потребителем этой информации оказалась молодежь, которой трудно ориентироваться в громадном потоке информации, распознавать экстремистскую пропаганду и язык ненависти, который может способствовать этой пропаганде, отличать правду от фейков. Проявилась нехватка знаний по информационной грамотности, отсутствие критического мышления и навыков искать, понимать, проверять информацию.

Эти факты демонстрируют результаты полевого исследования «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие ради-

⁷⁵ Исследование "Jihad Against Journalists", Reporter Without Borders, 2015, URL <https://rsf.org/en/news/one-year-charlie-rsf-publishes-jihad-against-journalists>

кализации молодежи Кыргызстана»⁷⁶, которое показывает, что более 60 % молодых людей, опрошенных в районах, подверженных вербовкам, доверяют всей информации, тиражируемой в медийном пространстве. Степень этого доверия связана с утвердившимся мнением о том, что в СМИ и социальных медиа показывают только правду, то, что происходит в реальности.

Одним из методов дерадикализации молодежи может и должно стать образование и просвещение подрастающего поколения, обучение его навыкам информационной грамотности, развитие критического мышления и формирование новой медийной культуры, чтобы молодой человек мог самостоятельно разбираться в легитимности экстремистских убеждений и их нарративах, быть устойчивым к пропаганде. Роль образования в предотвращении насильственного экстремизма и дерадикализации также была признана Советом безопасности ООН в специальных резолюциях⁷⁷ и в Плане действий⁷⁸.

Основные элементы новой медиакультуры и информационной грамотности, их взаимодействие и влияние на дерадикализацию

Медиакультура является особым типом культуры информационного общества и обеспечивает его социально значимой информацией, накапливаемой через различные медиаканалы⁷⁹. Медиакультура включает в себя культуру передачи информации и культуру ее потребления; она может выступать системой

⁷⁶ Аналитический отчет «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана», SFCG, автор и главный исследователь И. Сикорская, 2017 год, URL <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazy-i-mediakanaly-sposobstvuyuschie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.html> https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf, стр. 22-23, диаграммы 9-10.

⁷⁷ Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 2178, принятая в сентябре 2014 года, http://www.un.org/en/sc/ctc/documents/2015/SCR%202178_2014_EN.pdf; Резолюция Совета Безопасности ООН 2250, принятая в декабре 2015 года, <http://un.org/wp-content/uploads/SCR-2250.pdf>

⁷⁸ План действий по предотвращению насильственного экстремизма, Доклад Генерального секретаря (A / 70/674) http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/SCR%202178_2014_EN.pdf

⁷⁹ Лизунова И.В. «Медиакультура как диалог культур современного общества// Библиосфера. 2017. № 4. С.30-34.

уровней развития личности, способной воспринимать, анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания в области медиа⁸⁰. Мировой академический дискурс о роли медиа в дерадикализации в основном сконцентрирован на обсуждении того, как традиционные СМИ в погоне за сенсациями транслируют радикальные нарративы и идеологию насильственного экстремизма, рассказывая подробности об актах терроризма, террористических группировках и их последователях. Таким образом, террористические группировки используют традиционные медиа как инструмент распространения информации, а СМИ невольно играют роль промоутеров запрещенных групп⁸¹. Большое внимание ученые уделяют изучению медиа стратегий террористических групп и их методов воздействия на аудиторию.

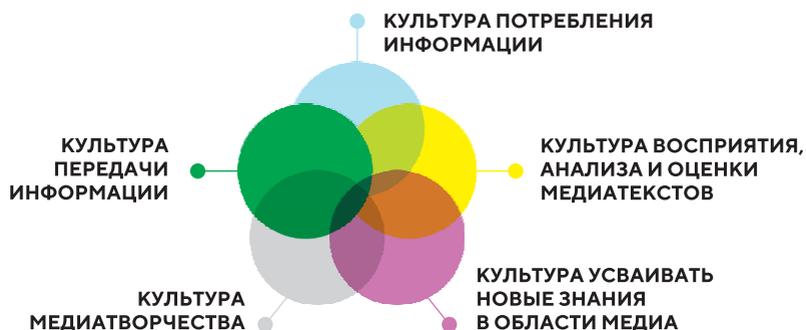

Рисунок 2. Элементы новой медиакультуры.

Например, авторы отчета «Джихад против журналистов»⁸² описывают, какую роль медиа играют в запрещенной террористической группировке ИГИЛ, которая предпочитала держать в заложниках репортеров для того, чтобы посредством их профессионального участия взаимодействовать

⁸⁰ Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну, 2е изд.; перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2006. – 448 с. – («Технологии»),

⁸¹ Anita Perešin, M.S., assistant on Croatian studies University of Zagreb, Mass Media and Terrorism, UDK: 316.77:323.28, 2007

⁸² Исследование "Jihad Against Journalists", Reporter Without Borders, 2015, URL <https://rsf.org/en/news/one-year-charlie-rsf-publishes-jihad-against-journalists>

с глобальными СМИ, разрабатывать новые стратегии и выпускать пропагандистскую медиапродукцию. Akil.N. Avan, Andrew Hoskins and Ben O'Loughlin, авторы другого исследования, «Радикализация и медиа»⁸³, поднимают вопрос о коммуникациях медиа и терроризма в условиях новой медиаэкологии. Этим термином ученые именуют быстро меняющиеся носители информации, через которых места, события, люди и их действия и бездействия кажутся все более связанными.

Suzanne Waldman в своей работе указывает на существующее понимание роли социальных медиа и их влияния на радикализацию, однако говорит о том, что недостаток детального и контекстуального понимания процессов, через которые проводится радикализация, и нехватка методов реального противостояния ей в медиасреде, затрудняет для правительств оценку успешности политик дерадикализации⁸⁴. Анализируя существующие исследования в сфере традиционных, социальных медиа и радикализации, использование новых медиаинструментов и типов коммуникаций, можно сказать, что основную роль здесь играет такое явление как новая медиакультура. Этот термин мы стали использовать недавно в рамках своих учебных курсов по преодолению пропаганды экстремизма через медиа и созданию социальных медиакампаний по дерадикализации⁸⁵.

Новая медиакультура — это особый тип культуры цифровой эпохи, когда восторжествовала дезинтермедиация⁸⁶, произошло «стирание» границ получения и передачи информации традиционными и социальными медиа, что породило новый тип мышления, который характеризуется владением информацией, навыками по

⁸³ Akil.N. Avan, Andrew Hoskins and Ben O'Loughlin, *Radicalisation and Media*, Taylor & Francis or Routledge's British Library Cataloguing in Publication Data A catalogue record for this book is available from the British Library, ISBN13: 978-0-415-55035-2 (hbk) ISBN13: 978-0-203-82967-7 (ebk), 2011

⁸⁴ Suzanne Waldman, *Countering violent extremism on social media*, DRDC – Centre for Security Science, Defence Research and Development Canada Scientific Report DRDC-RDDC-2016-R229, 2016

⁸⁵ Новая медиакультура и компетенции в публичном пространстве, Школа митроворчества и медиатехнологий в ЦА, 2018 года, URL <http://www.ca-mediators.net/ru/vebinary/5239-novaya-mediakultura-i-kompetencii-v-publicnom-prostranstve.html>

⁸⁶ Дезинтермедиация (англ. disintermediation) — освобождение от посредников, потребитель информации не ждет сообщения их традиционных медиа, он сам находит информацию в социальных или других типах медиа.

ее созданию и распространению. Новая медиакультура отличается интенсивностью аудиовизуальных информационных потоков посредством телевидения, кино, Интернета, компьютера, которые насыщают графики, жизнь человека и без которых его существование невозможно. Эти средства помогают людям в комплексном освоении окружающего мира в его социальных, нравственных, интеллектуальных и психологических аспектах, делают возможным диалог через глобальную сеть коммуникаций. С другой стороны, интенсивный информационный поток не дает аудитории времени ориентироваться и анализировать достоверность получаемых сведений. В большей степени это относится к молодым людям, являющимся активными пользователями Интернета. Сегодня человек является не только *потребителем информации, но и создателем контента и его распространителем*. Именно эти два последних аспекта заставляют по-новому относиться к медиакультуре и использовать ее как инструмент дерадикализации.

Основные пять элементов новой медиакультуры показаны на рисунке 2. Это культура потребления информации, ее передача, восприятие, анализ и медиаторчество. Овладение культурой потребления информации является важным фактором, который показывает, как индивидум воспринимает тиражируемую информацию, в том числе и радикальные нарративы, каков его уровень критического восприятия и уровень доверия к получаемой информации, навыки проверки достоверности информации и ее дальнейшего использования. Культура потребления информации дает возможность легко развивать последующие навыки медиаторчества и легко ориентироваться в насыщенной информационной среде. Например, молодой пользователь, владеющий всеми вышеперечисленными навыками, при получении информации, несущей экстремистскую пропаганду, может самостоятельно деконструировать радикальные нарративы и помогать это делать своим сверстникам.

Важной ступенью в новой медиакультуре являются навыки *культурной грамотности*, которая означает знание и понимание того, как традиции страны, религии, этнической, социальной группы, убеждения, символы и существующие средства коммуникаций влияют на создание, распространение и по-

ребление информации, используя современные технологии. В этом контексте необходимо учитывать и некоторые аспекты *религиозной грамотности*, которыми должен владеть молодой пользователь. Это связано с тем, что в современной медиасреде часто встречаются материалы, в которых проводятся параллели между исламом и терроризмом, посредством различных визуальных образов и аудио сопровождения (например, таких как использование нашидов)⁸⁷ в запрещенных видеороликах; через включение искаженных аятов и хадисов из Корана в контексты экстремисткой пропаганды; запрещенные экстремистские и террористические группы легитимизируются; интерпретируются некоторые понятия из главной священной книги мусульман, такие как джихад, халифат, такфир⁸⁸.

Передача и потребление информации в современной медийной сфере обязывает молодых людей быть вооруженными критическим пониманием медиа, которые они используют.

Рисунок 3. Элементы информационной грамотности.

⁸⁷ Нашид — вид пения на мусульманские религиозные мотивы, имеющий свою богатую традицию и широкое распространение в исламской культуре современности. Исполняются они либо сольно, либо же группой мужчин. Тексты нашидов касаются вопросов служения Богу, а также жизни пророка Мухаммеда в соответствии с традициями исламского шариата. URL <https://islam-today.ru/obsestvo/kultura/n>

⁸⁸ Аналитический отчет «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана», SFCG, автор и главный исследователь И. Сикорская, 2017 год, URL <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazy-i-mediakanaly-sposobstvuyuschie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.html> https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf, раздел «Основная тематика, месседжи и запоминающиеся образы», стр. 19 настоящего исследования.

Информационная грамотность — это осознание того, как воздействуют культурные факторы (положительно или отрицательно) через эффективное использование современных коммуникационных технологий.

Сейчас много говорится о *медийной грамотности*, которая на глубоком уровне имеет схожие корни с информационной грамотностью. Однако медиаграмотность — это больше понимание целевой аудитории и того, как медиа работают с точки зрения маркетинга и обмена сообщениями⁸⁹. А *информационная грамотность* — это средство ясного и объективного мышления, понимание репрезентативности медиа, способность молодого человека определить свои информационные потребности, получить доступ к информации, оценить ее, критически анализировать, использовать и передавать ее, учитывая этические нормы.

На **рисунке 3** представлено пять основных элементов информационной грамотности в контексте борьбы с радикализацией молодежи. Эти пять элементов сложились на основе выводов и наблюдений в период проведения семинаров с молодежью, подверженной вербовкам, и во время опросов этой целевой группы об их доступе к информации, их собственного определения каналов получения информации, их восприятия и оценки потребляемого контента, понимания этических правил в сетевом пространстве и дальнейшего использования медиа-контента. Эти пять элементов дополняют друг друга и показывают, что каждый из них в отдельности не может существовать без связи с другим.

Например, молодой человек не сможет научиться критически оценивать и анализировать информацию если у него будет ограничен доступ к информации; он не сможет использовать и передавать информацию без определения информационной

⁸⁹ Media literacy and information literacy: Similarities and differences, Lee, A. Y. L. So, C. Y. K., 2014. URL: http://mediataitokoulu.fi/index.php?option=com_content&view=article&id=272:media-literacy-and-information-literacy-similarities-and-differences&catid=12:medialiteracy&Itemid=405&lang=fi

потребности (т.е. осознания нехватки имеющихся у него знаний) и понимания медиаэтики.

В борьбе с радикализацией современная молодежь должна иметь навыки восприятия конфликточувствительных контентов и правила реагирования на них, уметь различать в потребляемой информации язык вражды, являющийся негативнооценочным контентом, но не противоправным, экстремистскую пропаганду и медиаксенофобию, ведущую к насилию⁹⁰.

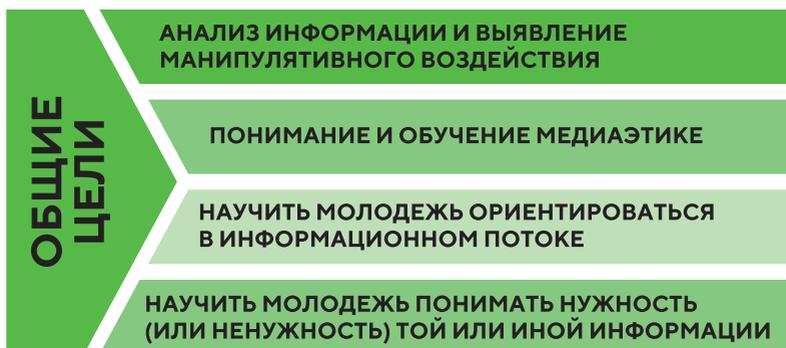

Рисунок 4. Общие цели медиакультуры и информационной грамотности в дерадикализации молодежи.

Общие цели информационной грамотности и новой медиакультуры органично сочетаются друг с другом. Они сконцентрированы на том, чтобы научить молодежь понимать необходимость информации и выявлять манипулятивные воздействия, ориентироваться в информационном потоке. Однако важным здесь является развитие особых качеств личности, которые позволяют молодому человеку гармонично «влиться» в медиaproстранство, используя свои компетенции.

⁹⁰ Учебное пособие «Как избежать пропаганды экстремизма в медиа», Школа миротворчества и медиатехнологий в ЦА, 2018 год, под редакцией И. Сикорской, URL <http://ca-mediators.net/ru/novye-instrumenty/3448-prezentaciya-uchebnyh-posobiy-kak-izbehat-propagandy-ekstremizma-v-media.html> и учебный модуль «Противодействие пропаганде экстремизма и нетерпимости», Школа миротворчества и медиатехнологий в ЦА, 2018 года, URL <http://ca-mediators.net/press-relizy/3441-zhurnalisty-obuchilis-protivodeystviyu-propagande-ekstremizma-i-neterpimosti.html>

Навыки информационной и культурной грамотности играют большую роль в дерадикализации молодежи. Качественное образование и хорошие компетенции помогут создать условия, которые будут тормозить идеологию насильственного экстремизма, деятельность по его распространению и повысят устойчивость учащихся к восприятию радикальных нарративов. Это может быть достигнуто через содержательный аспект образования и методику преподавания. В систему обучения должны быть внедрены такие методы и инструменты, которые сформируют у учеников интеллектуальный барьер против насильственного экстремизма и укрепят их приверженность делу недопущения насилия и мира. Образование должно включать также и уважение преподавателями прав человека и многообразия, поощрение критического мышления, продвижение средств массовой информации и цифровых технологий, грамотность и развитие поведенческих и социально-эмоциональных навыков, которые могут способствовать мирному сосуществованию и терпимости.

Факторы, способствующие радикализации в сфере медиакommunikаций

Согласно исследованию, проведенному в Кыргызстане⁹¹, главным типом коммуникации, через который молодые люди получают информацию, несущую пропаганду экстремизма, является массовая коммуникация. Это первое уникальное исследование, которое в дальнейшем послужило планом действий для реализации в Кыргызстане проекта «Социальные медиа для дерадикализации: модель для Центральной Азии». Исследование показало роль социальных медиа, являющихся средством распространения и потребления радикальных идеологий

⁹¹ Аналитический отчет «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана», SFCCG, автор и главный исследователь И. Сикорская, 2017 год, URL <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazy-i-mediakanaly-sposobstvuyushchie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.html> https://www.sfccg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf,

и нарративов в Кыргызской Республике. Термин «социальные медиа» в данной работе относится не только к Интернету, но и к технологиям мобильных телефонов, где активно используются различные мобильные приложения (или мессенджеры) для обмена контентом и распространения информации.

Исследование было качественным в своем подходе и использовало следующие методы:

а) анализ наиболее популярных социальных медиа среди местной молодежи, виды и типы получаемой и распространяемой информации по этим каналам;

б) исследование типа и языка коммуникаций в выбранной молодежной среде;

в) определение популярных месседжей (или посланий) и смыслов, тиражируемых посредством этих каналов и вкладываемых в сознание молодежи, что приводит к радикализации;

г) сто восемь структурированных интервью с активными пользователями и потребителями информации в социальных медиа в восьми районах Кыргызстана, наиболее подверженных насильственному экстремизму. Эти районы были выбраны для проведения полевых исследований как наиболее подверженные вербовке и насильственному экстремизму, откуда на момент исследования, согласно статистике МВД КР, в район боевых действий выехало более 500 человек⁹². Кроме того, некоторые районы южного Кыргызстана наиболее подвержены радикализации молодежи после событий этнического насилия между кыргызами и узбеками в июне 2010 года. В Жети-Огузском районе северной Иссык-Кульской области в 2014-2015 годы наблюдались вспышки протестных волнений в разной интенсивности в связи с работой золоторудного комбината Кумтор, и главной движущей силой была молодежь. По данным правоохранитель-

⁹² Алина Кожекова, «число воюющих растет». ИА 24.kg, март 2016. URL: http://24.kg/obschestvo/28522_golos_ameriki_chislo_radikalno_nastroennyih_jenschin_v_kyrgyzystane_mojet_byit_gorazdo_bolshe/

ных органов, имеется ряд случаев с жителями этого района, выехавшими на боевые действия в Сирию⁹³.

Респонденты в целевых районах были выбраны методом выборки с учетом их возрастной категории примерно от 16 до 32 лет и рекомендаций членов рабочей группы проекта, куда входили ключевые партнеры, включая представителей органов власти, местных и религиозных лидеров, НПО, медиа. Они были главными «проводниками» по определению целевой группы, так как через свои источники хорошо знали молодых людей; некоторые из них были отнесены в группы т.н. сомневающихся, которые потребляли радикальные нарративы и раздумывали о своем будущем: оставаться в Кыргызстане или отправиться на насильственный джихад.

Интервью в этих группах проводили шесть специально обученных местных полевых исследователей, располагающих доверием этих респондентов и имеющих доступ к ним. Использовался неформализованный метод, а результаты оценивались с помощью 15 индикаторов⁹⁴. Эти интервью послужили базой для анализа потребляемой пользователями информации, ее содержания, формата, степени доверия к ней и последующих каналов коммуникаций. Затем эксперты изучили весь обозначенный контент, сравнили радикальные нарративы, степень их влияния, достигаемость и воздействие на данную аудиторию. Данные, которые были получены на основе интервью, помогли извлечь четкие описания смыслов, посланий и образов, которые привлекательны для молодежи и могут способствовать их радикализации. Термин «радикализация» в этом исследовании обозначает идеологические и поведенческие тенденции, которые характеризуются сдвигом в сторону нетерпимости к текущему образу жизни, государственному устройству и различ-

⁹³ Семья из Иссык-Куля, выехавшая в Сирию в составе 25 человек. Turmush, 2016, URL: http://isfanat.turmush.kg/ru/news:1341213/?from=ru_turmush&place=newstoplast

⁹⁴ И. Сикорская, М. Каримова, Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана, 2017 год, приложение № 1, Методология исследования, стр. 25, URL: <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazy-i-mediakanaly-sposobstvuyuschie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.htm>

ными уровнями предрасположенности к насилию посредством коммуникаций и присоединения к воюющим экстремистским и террористическим группировкам.

Полученная информация, ее анализ и отношение к ней целевой группы подчеркнули, что в данном случае широко применяется многоканальность, одна из привычных моделей общения в цифровую эпоху. Главным показателем этого является возможность выбора коммуникативных средств массового воздействия в Интернете, а именно — социальных медиа, видеохостингов, тематических онлайн-платформ. Эти средства получения и распространения информации назвали все опрошенные респонденты в Кыргызстане, когда исследовались медиаканалы, смыслы и образы, ведущие к радикализации молодежи.

Рисунок 5. Факторы, способствующие распространению и потреблению пропаганды экстремизма

В настоящее время можно выделить три главных фактора, влияющих на распространение и потребление молодежью информации, содержащих пропаганду насильственного экстремизма.

1. Медиасреда, в которой распространяются радикальные нарративы. Медиасреда — это условия, в которых функционирует медиакультура, связывающая через средства массовых коммуникаций человека с окружающим миром, информирует, оказывает идеологическое, экономическое и другое воздействие на его поведение, мнения и оценки.

2. Медиаканалы распространения информации — это средства дистрибуции контента, однотипные с точки зрения способа передачи информации, которые отличаются одинаковым типом их восприятия потребителями. Результаты исследований⁹⁵ говорят о том, что наиболее популярной онлайн-платформой в Кыргызстане, откуда молодежь получает информацию, в том числе и радикальный контент, является видеохостинг **YouTube**⁹⁶. Анализ распространения видеоконтента показывает разнообразие методов, которые используют такие медиаподразделения как Al-Furqan (продюсерский центр запрещенной в КР группировки ИГИЛ) и ему подобные. В ходе исследования большинство опрошенных назвали видеоклипы, публикующиеся на хостинге под общим названием *Tavhid va Jihod Katibasi* (с араб. «Книга единобожия и священной войны») и выходящие в основном на узбекском языке. Все материалы публикуются от имени создателя **tavhidvajihod.com**, который в настоящее время недоступен также и через VPN (Virtual Private Network) соединение. По словам респондентов, они находят подобную информацию с помощью ключевых слов в строке поиска. Другие респонденты сказали, что получают видеоролики этой категории в виде репостов от друзей в социальных сетях. Молодой человек из Нооката, районного центра на юге Кыргызстана, вернувшийся на родину из трудовой миграции, отметил, что ему запомнился ролик на YouTube, *«который призывал бороться с неверующими и лицемерами везде, даже у себя на родине. [Там] приводились аяты, что лицемер должен понести наказание в виде смерти»*⁹⁷. Данный ресурс также является главным кана-

⁹⁵ И. Сикорская, М. Каримова, Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана, 2017 год, приложение № 1, Методология исследования, стр. 25, URL: <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazyi-mediakanaly-sposobstvuyuschie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.html>; Школа миротворчества и медиатехнологий, Исламофобия и пропаганда в онлайн медиа и соцсетях Кыргызстана, 2018 год, <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/3453-islamofobiya-i-propaganda-v-onlayn-media-i-socsetyah-kyrgyzstana.html>

⁹⁶ То же

⁹⁷ Там же, стр. 17

лом распространения информации у других террористических и экстремистских групп.

Второй популярный медиаканал — это **Facebook**. Отсюда пользователи получают основной массив различной пропаганды. Экстремистские группировки используют Facebook для обмена оперативной и тактической информацией, а также в качестве шлюза для своих сайтов, связывая группы на Facebook с «нужными» страницами и форумами.

По официальным данным администрации Facebook, средний возраст пользователей этого популярного медиа составляет 30 лет. На сегодняшний день в Кыргызстане на нем зарегистрировано более 650 000 пользователей⁹⁸, половина из которых заходят на свои аккаунты ежедневно. Так как на этой медиаплатформе распространяется информация на любых языках и для любых групп населения, практически каждый молодой человек является членом какого-то сообщества на Facebook. Опросы респондентов показали, что информация, содержащая экстремистскую пропаганду, появляется в их ленте, на стене, либо в виде репостов от друзей. Опрошенные не назвали группы, в которых они, возможно, состоят, или сослались на, что они «не помнят», являются ли участниками каких-то групп или сообществ. Российские социальные сети **«Одноклассники»** и **«ВКонтакте»** являются следующими, не менее популярными медиаканалами. Анализ ответов также показал, что молодежь привлекают в таких видео образы «чеченских моджахедов», которые давно «успешно сражаются» с российским режимом и сейчас принимают участие в боевых действиях в Сирии. Информация распространяется как в открытом формате — между участниками сети, так и в таких закрытых группах, как «Войны Аллаха», «Шахиды». Более 80 % опрошенных молодых людей в период полевого исследования⁹⁹ указали, что имеют там акка-

⁹⁸ Internet World Stats, Url: <https://www.internetworldstats.com/stats3.htm>

⁹⁹ И. Сикорская, М. Каримова, Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана, 2017 год, приложение № 1, Методология исследования, стр. 25, URL: <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazy-i-mediakanaly-sposobstvuyuschie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.html>

унты. Многие сообщили, что просматривали видео на русском языке с призывами принять участие в насильственном джихаде. Далее в рейтингах популярности у молодых людей, потребляющих экстремистскую пропаганду, идут *Instagram* и *Twitter*. Их упомянуло небольшое количество респондентов, которые в основном видели фотографии или слайд-шоу, показывающие районы боевых действий в Сирии с участием граждан Кыргызстана или Центральной Азии. Респондентам запомнились надписи под фотографиями в этих социальных сетях: «*Оллох жангчилари*» (с узб. «Войны Аллаха»), «*Шахиды*», «*Джихад*». Некоторые упомянули страницу *Tavhid va Jihod Katibasi*, где также можно получить последнюю информацию о присоединившихся к джихаду. Последняя группа медиаканалов состоит из трех мессенджеров, мобильных приложений — *WhatsApp*, *Telegram* и *Imo*, которые служат для мгновенной передачи неограниченного количества любого контента. Все опрошенные назвали эти приложения в качестве поставщика информации. Заметную роль в использовании тех или иных медиаканалов играет отправитель сообщений и его авторитет у потребителя информации. Согласно анализу, чаще всего молодые люди начинают использовать тот медиаканал, где отправителем сообщений является друг, родственник или член сообщества/онлайн-группы получателя информации. Из-за отсутствия навыков тестирования коммуникаций, проверки подлинности страниц сетевых сообществ и анализа сообщений многие молодые ребята с легкостью попадают в сети онлайн-вербовщиков.

3. Медиаконтент (медиатекст, аудиовизуальный продукт, инфографика и пр.), содержащий пропаганду насильственного экстремизма. Медиаконтент — это сообщение, пост, статья, репортаж, фото, видео, инфографика, демотиватор, т.е. информация, изложенная в любом жанре с помощью определенных технологий. Изучение медиаканалов, смыслов и образов, являющихся радикальными нарративами, которые потребляла молодежь, подверженная вербовкам в Кыргызстане, показало, что молодые люди чаще всего запоминали «героев сюжета»,

визуальный образ, который что-то сообщает потребителю информации через речи, фото и видеоряд. Например, среди зрительных образов, которые им запомнились они назвали «молодых бойцов» в камуфляжной форме на БМП, на поле боя или с автоматом, чаще говорящих на их родных языках; мужчин в кадре, призывающих к насильственному джихаду — часто среди них потребители информации видели знакомые лица, что зарождало у них сомнения, типа «а может быть там действительно идет джихад?». Другие респонденты указали, что их до глубины души трогает медиаконтент с участием смертников, совершающих, по мнению опрошенных, «героический акт во имя Аллаха», а также религиозных активистов, «говорящих от имени Аллаха» и цитирующих при этом (в кадре или за кадром) хадисы и аяты из Корана со ссылками на джихад.

Анализируя вышеизложенные факторы, способствующие радикализации, необходимо отметить, что, войдя в новую эру публичных отношений, которые в основном формируются в цифровой среде, мы должны внедрять и конструировать новые форматы в образовании, обучении и повышении квалификации преподавателей, журналистов, специалистов по коммуникациям, Интернет-активистов, правоведов.

Сильное влияние социальных медиа породило дезинтермедиацию¹⁰⁰. Этот феномен предоставляет пользователю прямой доступ к информации, которая раньше требовала бы мостика в виде СМИ или других источников¹⁰¹. Сейчас один пост в Facebook или Twitter может установить общественную повестку дня на данный момент или на неделю вперед. Социальные сети формируют новостные поводы, а СМИ и журналисты их используют. В такой ситуации, многие молодые интернет-пользователи оказались беззащитны перед угрозой радика-

¹⁰⁰ Disintermediation (англ.) — освобождение от посредников.

¹⁰¹ «Как не кормить троллей и избежать уголовного дела за высказывание в Интернете», интервью И. Сикорской, директора программ Школы миротворчества и медиатехнологий в ЦА, 2017, URL http://www.ca-mediators.net/ru/ru_news/292-vyskazyvaniya-v-internete-kak-ne-kormit-trolley-i-izbezhat-ugolovnogo-dela.html

лизации в сети. Обобщив несколько исследований¹⁰², в том числе и те, которые проводились по Кыргызстану, можно увидеть, что четверть пользователей являются или являлись виртуальными мишенями нетерпимости либо были вовлечены в антиисламскую риторику, высокий уровень которой квалифицируется в медиа уже третий год подряд¹⁰³. Парадоксально, но существующую в медиа исламофобию (язык вражды, уничижительные клише и стереотипы по отношению к мусульманской группе) в своей пропаганде стали использовать медиастратеги из запрещенных экстремистских и террористических групп, чтобы убеждать молодых людей в необходимости борьбы с исламофобами во имя веры¹⁰⁴. В период полевого исследования опрошенные молодые люди назвали ряд посланий, которые наиболее часто вызывают дискуссии в их сообществах, затрагивают до глубины души и могут оказывать влияние на их дальнейшее поведение в социуме¹⁰⁵. Почти три четверти респондентов, которых можно отнести к «радикализирующейся молодежи»¹⁰⁶, отвечая на вопросы об используемых ими медиаканалах и получаемом радикальном контенте, демонстрировали низкий уровень медиакультуры и информационной грамотности, отсутствие понимания разницы между экстремистской пропаган-

¹⁰² Исследования и медиамониторинги СМИ, Интернета и публичного дискурса Школы миротворчества и медиатехнологий в ЦА, URL <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/media-monitoring/>

¹⁰³ Исламофобия и пропаганда в онлайн медиа и социальных сетях Кыргызстана, результаты тестового исследования, 2018 год, Школа миротворчества и медиатехнологий в ЦА, URL <http://ca-mediators.net/ru/issledovaniya/3453-islamofobiya-i-propaganda-v-onlayn-media-i-socsetyah-kyrgyzstana.html>

¹⁰⁴ «Исламофобия является мостиком к религиозной пропаганде и дальнейшему рекрутированию», видеоинтервью И. Сикорской, 2017 г., URL <https://cabar.asia/ru/inga-sikorskaya-islamofobiya-yavlyatsya-mostikom-k-religioznoj-propagande-i-dalnejshemu-rekrutirovaniyu/>

¹⁰⁵ Аналитический отчет «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана», SFCG, автор и главный исследователь И. Сикорская, 2017 год, URL <http://www.ca-mediators.net/ru/issledovaniya/295-smyslyobrazy-i-mediakanaly-sposobstvuyuschie-radikalizacii-molodezhi-kyrgyzstana.html> https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf, стр. 19

¹⁰⁶ «Радикализирующаяся» молодежь — прослойка молодых людей, не обладающая критическим мышлением, подверженная влиянию, но еще не являющаяся частью групп, продвигающих идеи насильственного экстремизма., Социальные медиа для дерадикализации: практическое руководство, автор И. Сикорская, Ш. Бактыгулов, под общей редакцией И. Сикорской, URL https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2018/01/KGZ-TOOLKIT_Final.pdf

дой и языком ненависти, который может способствовать этой пропаганде, незнание о необходимости проверять полученную информацию в разных источниках, а также неумение давать обоснованное суждение при оценке медиаконтента.

Методы дерадикализации через обучение в новом формате

Успех процесса дерадикализации среди молодежи в первую очередь зависит от продвижения идей плюрализма и многообразия, обеспечения возможностей молодым людям свободно развиваться и реализовывать свои идеи. Чаще всего жертвам насильственного экстремизма из числа молодых людей Центральной Азии не хватает веры в «светлое будущее», которое они не могут найти в своей стране и поэтому они обращаются к экстремистским идеологиям. К определенному успеху может привести вовлеченность в процесс дерадикализации самих молодых людей из уязвимых групп, подверженных вербовкам. Реализация проекта по социальным медиакампаниям в Кыргызстане с участием такой молодежи имела хорошие результаты¹⁰⁷.

Несомненно, работа по дерадикализации требует крупномасштабных подходов во всех социально-общественных сферах; необходимы инвестиции в инновационные методы, и медиаобразование в новом формате.

Такие стратегии должны включать следующие шаги:

- совершенствование образовательной системы, разделение педагогики и переподготовки преподавательских кадров по стандартам и техниками применениями навыков информационной грамотности и новой медиакультуры;
- пять главных элементов информационной грамотности и пять элементов новой медиакультуры должны содержаться в основных учебных модулях как для педагогов, так и для учащихся;

¹⁰⁷ Социальные медиа для дерадикализации: практическое руководство, автор И. Сикорская, Ш. Бактыгулов, под общей редакцией И.Сикорской, URL https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2018/01/KGZ-TOOLKIT_Final.pdf

- необходимо создать программы для обучения школьных учителей выявлению факторов, способствующих радикализации молодежи в сфере медиакоммуникаций;

- открыть доступ к медиаобразованию для уязвимых групп, подверженных вербовке, через гибкие модули, нацеленные на развитие мотивации и вовлеченности молодежи в создание проектов для реализации в своих сообществах через их непосредственное участие;

- организовать отдельные предметы и элективные курсы по обучению молодежи критическому и аналитическому мышлению, которое является защитой против идеологии насильственного экстремизма;

- расширить доступ к медиаобразованию через организацию летних школ, обучающих семинаров для родителей, местных активистов, религиозных лидеров.

Поскольку сейчас идеология находится в центре внимания вербовщиков, а их оружие вербовки — это новые медиа и Интернет, знания о создании, получении, распространении, критическом анализе, проверке информации и коммуникациях в цифровой сфере должны стать обязательными. С другой стороны, Интернет-сфера должна стать инструментом для расширения возможностей молодежи, ее вовлеченности в качестве активных граждан, которые способны решать проблемы радикализации за счет своих компетенций.

СЕССИЯ III: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНТЕРНЕТА В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Угрозы киберпространства: вызовы и меры противодействия

Шавкат Сабиров

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы угроз киберпространства Республики Казахстан, Европы, причины и предпосылки появления террористических угроз, деятельность международных организаций ООН, ОБСЕ, ШОС и участие Казахстана. К 2018 году терроризм и религиозный экстремизм уже затронули все континенты мира; формы и методы проведения террористических актов стали неожиданными для всего мирового сообщества, ущерб от которых невозможно оценить. Вследствие этого, существенно изменилась общая картина ставших уже традиционных угроз киберпространства в виде преступности, мошенничества или троллинга. Новая среда и средства коммуникаций предоставили террористам возможность формировать и обеспечивать приток новых боевиков. Автор дает краткий анализ усилий международных организаций в области противодействия терроризму и экстремизму, оценку угроз для стран Центральной Азии и, в частности — для Республики Казахстан, приводит факторы, которые влияют на негативное развитие ситуации в стране.

Угрозы террористической направленности затрагивают Казахстан и в сфере высоких технологий, поскольку развитость информационного общества в стране — одна из самых высоких в регионе.

Ключевые слова: киберпространство, кибербезопасность, угрозы терроризма и экстремизма, информатизация, информационная безопасность, информационно-коммуникационные технологии, Центральная Азия, Республика Казахстан, Казахстан, электронное правительство, борьба с противоправным контентом, Интернет, интернет-пользователи, горячая линия по борьбе с противоправным контентом.

Угрозы кибербезопасности: вызовы и контрмеры

В 2018 год мировое информационное общество вошло развитым и обновленным. Развитость общества оценивается общемировым прогрессом в области использования ИКТ и цифровых технологий, а обновление определяется реальной ситуацией, сложившейся в мире. Ситуация в мире изменяется кардинальным образом не просто за два-три месяца, а в течение нескольких дней или после одного-двух сообщений в социальной сети. Мир стал «цифровым» и мобильным и в один миг превратил всех пользователей в источники информации и ее потребителей.

Информация обладает неизмеримым потенциалом воздействия, как позитивного, так и негативного характера. Производители контента стоят в одном ряду с передовыми «войсками», способными влиять на умы и сознание миллионов людей. Информация в глобальной сети является ключевым стратегическим ресурсом любого государства, а масштабы и методы использования информации активно применяются в политических процессах многих стран наравне с использованием традиционных ресурсов. Мир новых коммуникаций наполнился не только возможностью мгновенного обмена информацией и словарным запасом иностранных слов, но и привнес обратную сторону «медали» виртуальной среды — угрозы, исходящие из киберпространства.

Киберугрозы сравниваются с угрозами ядерного оружия, оружия массового поражения. Еще несколько лет назад кибер-

угрозы оценивались в финансовых убытках, материальном и моральном ущербах, то сегодня они (киберугрозы) могут изменить жизнедеятельность городов. Кроме этого, возможности киберпространства настолько велики, что способны организовать митинги в десятки тысяч людей и создать реальные проблемы для существования государственной системы как таковой. Проблемы отражаются на политическом устройстве стран, экономическом преобразовании, влиянии информационной среды на сообщество и экономику.

Мировое сообщество озаботилось борьбой с организованной преступностью и предотвращением дальнейшего развития угроз, исходящих из киберпространства. Однако существовавшие ранее союзы или договоренности между странами носили больше характер разведывательной деятельности и не предполагали совместную борьбу вне зависимости от их блоковой принадлежности. Поэтому в 2001 году Совет Европы принял Будапештскую «Конвенцию о киберпреступности», где впервые даются определения и классификация преступлений в киберпространстве, определены механизмы сотрудничества стран, порядок взаимодействия правоохранительных органов, а также определяются условия хранения информации Интернет-провайдерами¹⁰⁸. Безусловно, ряд правозащитных организаций сразу высказали свое негативное отношение к Конвенции, поскольку хранение и передача личной информации о пользователях нарушает права пользователей, неоправданно ограничивает пользователей и дает государствам излишние полномочия. Конвенция вступила в силу с 1 июля 2004 года, а в 2005 году ее уже подписали и ратифицировали 30 стран, включая европейские страны, США, Канаду, Японию и ЮАР. Подписали и не ратифицировали Конвенцию 17 стран. Казахстан не подписывал Конвенцию и не рассматривал себя в качестве ее участника.

¹⁰⁸ Convention on Cybercrime. Будапешт, 23.11.2001, Treaty No185. https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185?_coeconventions_WAR_coeconventions-portlet_languageId=ru_RU

Основными предпосылками появления Конвенции стали киберугрозы, которые существовали в конце 90-х годов. Конвенция базировалась на добровольных принципах предоставления информации друг другу и обеспечении технического доступа странами-подписантами. Следует учитывать тот факт, что все страны, подписавшие Конвенцию, имеют прочные экономические связи, большинство объединены в военном блоке НАТО. В то же время страны, не имеющие блоковых военно-политических связей, отказались подписывать договор из-за возможного вмешательства во внутренние дела страны или потенциального ущерба суверенитету и национальной безопасности участников. Именно по этой причине Российская Федерация отказалась подписывать Конвенцию в марте 2008 г.¹⁰⁹

Нормы Конвенции охватывают различные отрасли международного права и предусматривают создание совместной правовой и уголовной оценки киберпреступлений, формирование взаимных мер при расследовании преступлений. Авторы Конвенции постарались детально описать варианты международного сотрудничества. Предусматриваются различные меры хранения информации, взаимодействия правоохранительных органов, оказания взаимной помощи друг другу.

Однако, к середине 2000-х годов сложилась ситуация, при которой мир разделился на два лагеря в подходах к угрозам киберпространства. Одни страны — в лице США и Европы — настаивали на принятии совместных мер противодействия киберугрозам на основе добровольного доступа к техническим средствам стран, а Россия, КНР и другие страны настаивали на принятии мер по предотвращению угроз на основе координированных действий без добровольного доступа к системам стран. После неоднократных политических баталий и конфликтов в международных организациях ООН и ОБСЕ стороны стали развивать эту борьбу самостоятельно. Одна сторона действовала в рамках военно-политического союза, другая — в рамках

¹⁰⁹ Распоряжение Президента Российской Федерации от 22.03.2008 г. № 144-рп <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27059>

двусторонних отношений и ШОС. Сотрудничество двух сторон в области киберпространства оказалось парализованным. Процесс продвижения общего сотрудничества в ООН остановился, попытки сторон приводили к блокированию решений на уровне Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. И только в 2008 году Генеральная Ассамблея ООН приняла без голосования (консенсусом) Резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»¹¹⁰. Резолюция должна была обеспечить работу экспертных групп ООН «на основе справедливого географического распределения правительственных экспертов» в области киберугроз, однако в реальности ничего не было реализовано.

Небольшая разрядка в отношениях США и России наступила в середине 2010 года, и появилась надежда, что будет найдено общее решение в области киберпространства для общего снижения политической напряженности. Исходя из этого возникла необходимость принятия мер доверия между странами, чтобы все страны имели общую платформу для совместной работы, призванной обеспечить надежную и гарантированную безопасность в киберпространстве. Поэтому через два года, в декабре 2013 года государства-участники ОБСЕ приняли документ «Первоначальный перечень мер укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий»¹¹¹.

Перечень мер доверия (МД) ОБСЕ предусматривает обмен данными и сотрудничество, консультации и координацию государств-участников в области безопасности использования ИКТ и Интернета. Основопологающим моментом всего документа является добровольный обмен информацией и аспектами

¹¹⁰ «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», Резолюция A/RES/58/32/, Генеральная Ассамблея ООН, 58 сессия, 8 декабря 2003 г. www.un.org/ru/ga/first/58/first_res.shtml

¹¹¹ «Меры укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий», ОБСЕ, 1092-е пленарное заседание, Решение №1202 PC.DEC/1202, 10 марта 2016 г.

в сфере ИКТ. На усмотрение самих участников оставляется степень детализации «представляющими ее сторонами». Документом предусматривается проведение консультаций «с целью снизить вероятность ошибочного восприятия и возможного возникновения политической или военной напряженности либо конфликта в результате использования ИКТ». Отдельно оговаривается пункт о функциональной совместимости безопасности и надежности Интернета. Рекомендуются внести соответствующие изменения в правовое поле каждой страны с целью гармонизации законодательства и исключения дублирования существующих каналов обмена информацией. Важным является пункт о добровольном обмене информацией относительно оргструктуры, стратегий и политических программ, государственно-частном партнерстве в сфере безопасности ИКТ. В качестве платформы для диалога между странами определяется структура ОБСЕ и, в частности, Центр по предотвращению конфликтов Секретариата ОБСЕ. Такая беспрецедентная открытость в обмене информацией, безусловно, не могла не отразиться на участии России, КНР и стран Азиатского континента в подписании документа. Все-таки 2013 год уже был наполнен противоречиями и конфликтами в мире, поэтому некоторые положения МД вызвали отрицательную реакцию ряда стран. Более того, не было гарантий взаимной открытости в предоставлении данных, и существовала большая вероятность того, что некоторые страны сделают «открытость» частичной.

Несмотря на это, в марте 2016 года ОБСЕ принимает дополнительные меры доверия к уже известному документу, среди которых — расширение межгосударственных обменов в различных форматах на региональном и/или субрегиональном уровнях. Дополнительные меры доверия должны «активизировать самостоятельные и коллективные усилия по обеспечению безопасности при всеобъемлющем и межизмеренческом использовании информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в соответствии с обязательствами в рамках ОБСЕ». Отдельно упоминается участие частного сектора, научных кру-

гов, центров передового опыта и гражданского общества. В отдельный пункт вынесены мероприятия для должностных лиц и экспертов, где предусматривается создание, наравне с существующими, дополнительных каналов связи. В заключении говорится о порядке проведения встреч, мероприятий совместно с группой правительственных экспертов ООН. Следует помнить, что дополнительные меры были приняты уже после конфликта в Украине, принятия санкций Запада в отношении России и обострения политической ситуации в мире¹¹².

Терроризм и религиозный экстремизм существенно изменили общую картину ставших уже традиционными угроз киберпространства в виде преступности, мошенничества или троллинга. Новая среда и средства коммуникаций предоставили террористам возможность формировать и обеспечивать приток новых боевиков. Угрозы, которые раньше были далекими, непонятными и виртуальными, воплотились в реальность. Терроризм с начала 2000-х годов и до настоящего времени претерпел значительные изменения. Террористические образования претендуют на государственное устройство и объединяют в себе десятки тысяч квалифицированных бойцов вооруженной армии. Изменилась не только идеология террористов, но и принципиальные подходы к организации и вербовке боевиков. Подразделения ДАИШ (ИГИЛ) могут начать процесс сближения с филиалами «Аль-Каиды», отметил Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш в своем докладе на Совете Безопасности ООН¹¹³. Таким образом, происходит своеобразная «реинтеграция» террористических групп и кардинальное изменение политики в деятельности вербовщиков.

¹¹² «Первоначальный перечень мер укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий», ОБСЕ, 975-е пленарное заседание, Решение №1106, 3 декабря 2013 г.

¹¹³ «Четвертый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой», Совет Безопасности ООН, S/2017/97, 2 февраля 2017 г.

Бурное развитие и широкое распространение новых социальных и медийных интернет-технологий значительно изменили общий ландшафт информационного пространства для терроризма и экстремизма. Основным упор при вербовке боевиков стал делаться на информационное пространство, при этом сокращаются объемы «экспедиционного терроризма» и распространяются практики реализации «доморощенного терроризма». Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан выделяет несколько основных трендов развития террористических угроз¹¹⁴.

Террористические организации «Аль-Каида» и ДАИШ строят свою политику, задачи и роли, исходя из разного понимания образа врага. Например, «Аль-Каида» своей главной задачей традиционно видит «защиту мусульман и позиционирует себя в качестве международного террористического интернационала». В то же время ДАИШ заявляет своей миссией защиту ислама во всем мире.

Организации используют различные методы и способы работы на информационном пространстве.¹¹⁵ Если «Аль-Каида» использует стратегию, которая «сводится к увеличению количества слабопрогнозируемых терактов, противодействие которым заставит правительства ужесточить меры контроля, сократить декларируемые демократические свободы и, таким образом, дискредитировать себя в глазах граждан», то ДАИШ поставила своей целью привлечение боевиков на подконтрольные территории (foreign terrorist fighters). Как следствие новой стратегии, ДАИШ создает агрессивную политику вербовки боевиков через сайты, форумы, разветвленную сеть в социальных сетях.¹¹⁶

¹¹⁴ «Терроризм и внутривнутриполитические процессы в Афганистане. Переход от войны к политическим решениям в контексте региональной активности», Каратаева Л.Р., доклад, Москва, 11.04.2018

¹¹⁵ Karatayeva, L. R. "Terrorism and Domestic Policy Processes in Afghanistan. The Transition from War to Political Decisions Within the Context of Regional Activity", report, Moscow, 11-04-2018.

¹¹⁶ Karatayeva, L. R. "Terrorism and Domestic Policy Processes in Afghanistan. The Transition from War to Political Decisions Within the Context of Regional Activity", report, Moscow, 11-04-2018.

Информационная политика постоянно изменяется и представляет собой гибкую систему смены задач. Поражение ДАИШ в Сирии привело к развороту политики привлечения боевиков и предложению «осуществлять террористические акты на территории проживания, которые будут приравнены к «джихаду» на территории Сирии». Уже с 2016 года выдвигается новая «инициатива» с призывом перейти к тактике «одинокого волка», и формируется новая парадигма террористической активности, не требующая специальных навыков, крупных финансовых затрат и сложных технических приспособлений.

Безусловно, для террористических образований особый интерес вызывают страны Центральной Азии. Как отмечают авторы аналитического отчета «Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве» Центра изучения перспектив интеграции (г. Москва), наиболее высокий уровень угрозы сосредоточен в регионе в связи с высокой степенью исламской радикализации среди населения. Сильные и агрессивные группировки сосредоточены в Узбекистане, а Кыргызстан подвержен сильному влиянию религиозно-политических тенденций и процессу слияния экстремистских и криминальных кругов, подчеркивают авторы отчета. Несмотря на отсутствие официальной статистики по Туркменистану, эксперты оценивают процент джихадистов в стране как очень высокий¹¹⁷.

Республика Казахстан за 25 лет независимости значительно опередила все остальные страны региона в своем экономическом развитии. Социально-экономические мотивы при вербовке в террористические организации в Казахстане играют меньшую роль, чем в других странах региона. Вербовщики используют информационное пространство Казахстана, социальные сети и различные новые средства коммуникаций для работы с потенциальной аудиторией.

Вызовы и угрозы информационной безопасности, построение эффективной модели противодействия пропаганде идей

¹¹⁷ «Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве», Казанцев А.А., Гусев Л.Ю., Центр изучения перспектив интеграции, г. Москва, 2017 г.

терроризма и насильственного экстремизма определяют ряд существенных факторов, которые отличают Республику Казахстан от других стран региона Центральной Азии.

Информатизация Казахстана и информационное общество

С начала 2000-х годов Казахстан начал активное построение системы «электронного» правительства. Уже к 2008 году завершился очередной этап построения информационной системы, и оказание государственных услуг через нее стало широкомасштабным. Количество счетов физических и юридических лиц в банках второго уровня значительно увеличивалось, население страны активно использует электронные платежные карточки в качестве основного инструмента платежа. В 2011 году был подготовлен и принят закон о работе с электронными деньгами.

Казахстан сделал значительные шаги в области построения информационного общества, «электронного правительства» и начал предоставлять госуслуги в электронном формате. Были созданы и заработали государственные базы данных, шлюз «электронного» правительства приобрел формат настоящего связующего звена между государственными органами, велась работа по созданию шлюза правоохранительных органов. Государственная система Казахстана приобретала цифровой формат, население училось пользоваться благами информационного общества. Казахстан уже не мог оставаться в стороне от происходящих в виртуальном мире событий.

На заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в июне 2011 года Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев отметил, что «настало время вводить в международное право новые понятия — «электронная граница», «электронный суверенитет». Можно было бы подумать о создании специального органа ШОС, выполняющего функции «киберпола». Сепаратизм, терроризм, экстремизм и наркобизнес используют мировую интернет для внедрения

в наших странах, распространения во всем мире. Этот сетевой деструктив является еще одной, пятой по счету, общей угрозой. Поэтому страны ШОС должны безотлагательно выставить перед ним мощный заслон. Опыт подобной самозащиты уже имеют США: там принята жесткая доктрина кибербезопасности, комплекс мер противодействия киберугрозам и кибертерроризму», — сказал Назарбаев¹¹⁸.

Предложение Президента Казахстана о создании специального органа ШОС было актуальным и своевременным, поскольку ситуация в области киберпространства снова изменилась: ведущие страны мира стали принимать специальные программы и меры не только по защите собственных государств, но и предусматривать активные действия по борьбе с распространением терроризма и экстремизма. Для Шанхайской организации сотрудничества отправной точкой стала разработка совместных мер по противодействию угрозам терроризма и экстремизма в области информационной безопасности. С 2007 года группа экспертов государств-членов ШОС начали работу по подготовке первого Соглашения о сотрудничестве в области информационной безопасности, и 16 июня 2009 года было подписано межправительственное соглашение¹¹⁹.

Казахстан ратифицировал соглашение 6 мая 2010 года на пленарном заседании Сената Парламента РК. Межправительственное соглашение государств-членов ШОС предусматривает сотрудничество и деятельность в международном информационном пространстве таким образом, чтобы «такая деятельность способствовала социальному и экономическому развитию и была совместимой с задачами поддержания международной безопасности и стабильности, соответствовала общепризнанным принципам и нормам международного права, включая

¹¹⁸ Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, 10-й Саммит ШОС, Астана, 1 июня 2011 г. www.akorda.kz/ru/events/segodnya-v-astane-glavagosudarstva-nursultan-nazarbaev-prinyal-uchastie-v-yubileinom-sammite-shanhaiskoi-organizacii-sotrudnichestva

¹¹⁹ Соглашение стран ШОС о сотрудничестве в области информационной безопасности, 2009 г. rus.sectesco.org/documents/

принципы мирного урегулирования споров и конфликтов, неприменения силы, невмешательства во внутренние дела, уважения прав и основных свобод человека, а также принципам регионального сотрудничества и невмешательства». Документ четко обозначил области сотрудничества в сфере противодействия терроризму, экстремизму и преступности. Соглашение ратифицировали Россия, КНР, Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан, а 2 июня 2011 года оно вступило в силу.

С целью снижения уровня информационного неравенства населения и пользователей сети Интернет 13 октября 2006 года было принято постановление Правительства Республики Казахстан о Программе на 2007-2009 годы, которое ставило перед собой следующие задачи¹²⁰:

- создать благоприятные условия для эффективного использования в повседневной жизни сети Интернет не менее 20% населения Казахстана;

- повысить социальную и экономическую значимость информационных ресурсов в жизни населения Казахстана.

Программа снижения информационного неравенства предусматривала создание нормативного правового поля, развитие системы обучения населения компьютерной грамотности, снижение тарифов на доступ в Интернет, обеспечение населения компьютерной техникой по доступным ценам, подготовку ИТ-специалистов, формирование заинтересованности граждан в освоении компьютерной техникой. В результате этого, по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК, доля пользователей сети Интернет выросла с 4% в 2005 году до 31,6% в 2010 году, а в 2011 году, с учетом пользователей мобильного Интернета, составила уже 55,8%¹²¹.

¹²⁰ «Об утверждении Программы снижения информационного неравенства в Республике Казахстан на 2007-2009 годы», Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 октября 2006 года N 995. zakon.uchet.kz/rus/docs/P060000995_

¹²¹ Официальная статистическая информация по отраслям. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/homeNumbersInformationSociety?_afzLoop=1956611104720539#%40%3F_afzLoop%3D1956611104720539%26_adf.ctrl-state%3D18o4wms9rt_34

Государственные меры поддержки населения в области построения информационного сообщества и активное развитие «электронного правительства» обеспечили переход страны на цифровой уклад и информатизацию уже к 2011 году. Основную долю прироста пользователей Интернета составила молодежь в возрасте 15-25 лет. С точки зрения распространения терроризма и радикального экстремизма Республика Казахстан в эти годы была благополучной страной. Этому способствовало стабильное развитие экономики, высокое развитие информационных технологий и многонациональный характер страны.

К 2011 году Республика Казахстан приобрела формат информационного сообщества второго этапа с действующими государственными информационными системами и предоставлением услуг онлайн. Количество интернет-пользователей страны превысило 50 %. Население страны активно пользовалось преимуществами Интернета и стало больше внимания уделять новым медиа и социальным сетям.

Экономическая политика и социальное развитие общества.

Республика Казахстан за годы своей независимости всегда отличалась от соседних стран Центральной Азии уровнем развития экономики и социального положения общества. В Казахстане был сформирован средний класс общества, развивался малый и средний бизнес, а отсутствие криминала и простота налогового законодательства привели к тому, что весь бизнес, за редким исключением, работал легально и исправно платил налоги в государственный бюджет.

Население страны стало использовать банковские счета и кредитные карточки в своей повседневной жизни. Интернет-пользователи покупали в интернет-магазинах товары и услуги, оплачивали коммунальные услуги, участвовали в различных акциях и вели активную «жизнь» онлайн. Существенным фактором отличия казахстанской аудитории от стран региона

стало исключительная законопослушность и платежеспособность.

До 2011 года проявления терроризма и экстремизма в Казахстане носили незначительный характер и быстро нейтрализовывались правоохранительными органами. В октябре 2006 года ряд организаций были признаны Верховным Судом РК террористическими по заявлению Генерального прокурора РК, и их деятельность на территории Казахстана была запрещена. Число осужденных за террористическую деятельность росло каждый год, причем среди террористов появились граждане Казахстана, которые оказались вовлеченными в террористическую деятельность через глобальную сеть Интернет.

Республика Казахстан представляет интерес для террористических организаций не с точки зрения социально-экономических мотивов. Уникальность казахстанской ситуации, по мнению авторов доклада «Терроризм в Казахстане — 2011-2012 годы», определяется тем, что террористические акты, происходившие в стране, были между государством и террористическим подпольем. По сути, таким образом, террористические акты не были направлены против гражданского населения¹²².

«Горячая линия» по борьбе с противоправным контентом в Казахстане

Объединение юридических лиц «Интернет Ассоциация Казахстана» в 2011 году создает общественную виртуальную приемную, веб-сайт, «горячую линию» по борьбе с противоправным контентом, пропагандирующим экстремизм, терроризм, наркоманию, порнографию, культ жестокости и насилия. На веб-сайте safekaznet.kz каждый пользователь может оставить свое сообщение с жалобами на противоправный контент с указанием полной ссылки. При этом фамилия, имя и адрес элек-

¹²² «Терроризм в Казахстане — 2011-2012 годы», Шибуттов М., Абрамов В., 27.11.2012, доклад из материалов круглого стола «Security 2013: тренды, риски, сценарии». www.counter-terror.kz/ru/article/view?id=118

тронной почты пользователя важны только с точки зрения отправки ответа на поставленный вопрос или жалобу, а IP-адрес и идентификация личности не имеют значения. Для общественной организации не имеет значения идентификация пользователя, поскольку важнейшим является наличие самого противоправного контента. Статус общественной некоммерческой организации не предусматривает никаких ограничений или ответственности для пользователей. После получения сообщений аналитик организации просматривает и проверяет сообщение, после чего используются механизмы медиации для разрешения конфликта или отправляются сообщение в правоохранительные органы в случае криминального характера контента.

Противоправный контент включает в себя пропаганду идей терроризма и религиозного экстремизма, насилия над несовершеннолетними, детскую порнографию, наркоманию, культ жестокости и насилия в казахстанском сегменте сети Интернет. Правом ограничения доступа к противоправному контенту обладает только уполномоченный государственный орган или правоохранительные органы в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

Создание «горячей линии» послужило катализатором для активного сотрудничества с государственными органами по вопросам борьбы с противоправным контентом. Противодействие правонарушениям в виртуальной среде должно быть совместным делом государственных органов и общественных организаций. В рамках реализации проекта «Безопасный Интернет» были налажены связи с международными организациями, в том числе с Международной ассоциацией «горячих линий» в Интернете (INHOPE), представителями Internet Watch Foundation Великобритании, «Центром Интернет-Технологий» (РОЦИТ) и другими аналогичными «горячими линиями» в мире. Виртуальная среда не ограничивается рамками одной страны и требует координации усилий разных стран и организаций. Казахская «горячая линия» стала членом международной организации INHOPE Foundation и с 2013 года подключена к

международной системе «горячих линий» по всему миру. В настоящее время на июнь 2018 года международная организация ИННОРЕ объединяет в своих рядах 45 участников из 40 стран мира.

В связи с тем, что обязательным требованием в работе ИННОРЕ является наличие официального соглашения с правоохранительными органами страны, 18 февраля 2014 года между Генеральной прокуратурой Республики Казахстан и ОЮЛ «ИАК» был заключен меморандум о взаимном сотрудничестве и регламент взаимодействия для организации деятельности «горячей линии» по противодействию противоправному контенту в Интернете. Соответствующие меморандумы и договора заключены с аналогичными «горячими линиями» в странах ЕАЭС. Финансирование «горячей линии» происходит за счет средств общественной организации, спонсорских поступлений и пожертвований от интернет-сообщества страны.

Деятельность «горячей линии» оказалась востребованной среди интернет-пользователей не только Казахстана, но и других стран. Количество обращений на веб-сайт в 2017 году составило 3250 (рисунок 1). Как видно на рисунке, первые три года существования линии были отмечены ростом с 258 сообщений в 2011 году до 612 в 2013 году. Примечательно, что в первый год работы «горячая линия» принимала исключительно сообщения по фактам детской порнографии в Казахстане, и уже в течение 2-х лет пользователи стали присылать сообщения и жалобы, связанные с кибермошенничеством, контентом, пропагандирующим терроризм и экстремизм, культом жестокости, троллингом и оскорблениями в сети Интернет в стране. Для этого было принято решение изменить первоначальное название «горячей линии» по борьбе с детской порнографией на «горячую линию» по борьбе с противоправным контентом в Интернете.

Значительный рост сообщений на «горячую линию» в конце 2014 года связан со вступлением общественной организации в ряды международной организации и широкой рекламной кампанией среди интернет-пользователей Казахстана. Следует ска-

зять, что в эти годы государственные органы оказывали большую поддержку деятельности «горячей линии». Так, например, штат работников был увеличен до 6 человек. Аналитическая группа из 2-х человек рассматривала обращения пользователей и, соответственно, перераспределяла по уровням компетенции принятия решений. Если сообщения содержали факты детской порнографии или факты противоправной деятельности, то в соответствии с регламентом взаимодействия с Генеральной прокуратурой РК сообщения такого характера отправлялись в правоохранительный орган. Все другие сообщения рассматривались в рамках работы группы и передавались для разрешения руководству организации на уровне урегулирования конфликтов в формате медиатора.

Увеличение количества сообщений в 2017 г. до 3250 связано с известными террористическими актами в Казахстане в г. Актобе и г. Алматы. Пользователи стали сообщать о найденных ссылках и информации намного чаще, чем раньше.

Рисунок 1. Общее количество обращений на «горячую линию» в 2011-2017 годы

«Горячая линия» принимает сообщения пользователей по следующим категориям:

1. оскорбления и травля в сети;
2. мошенничество в Интернете;
3. расизм, национализм, ксенофобия;

4. насилие над несовершеннолетними (Child Sex Abuse Materials-CSAM);
5. пропаганда терроризма и экстремизма;
6. авторское право;
7. клевета, нарушение тайны частной жизни;
8. суицид.

Категории сообщений создаются по мере необходимости и не имеют обязательного статуса для регистрации сообщений. Опыт работы аналогичных «горячих линий» в мире показывает, что категории сообщений создаются по мере появления специфических сообщений и роста их числа. В ином случае единичные сообщения относятся к категории «Другие».

Обращения на «горячую линию» показывают, что за последние 5 лет произошло кардинальное изменение ситуации в Интернете. Интернет-пользователи стали обращать внимание на контент, который каким-либо образом относится к противоправному. До 2014 года на «горячую линию» сообщений о пропаганде идей терроризма и экстремизма было настолько мало (единицы), что они были в одной категории «Расизм, национализм, ксенофобия». Начиная с 2014 года, появилась отдельная категория «Пропаганда терроризма и экстремизма», которая уже в первый год составила 17,9 %, а в 2017 году — уже 24,6 %. Таким образом, можно видеть, как информационное пространство стало заполняться контентом террористической направленности. В таблице 1 приводятся данные о долях различных обращений в общем количестве с разбивкой по категориям.

Для категорий «Авторское право» и «Суицид» сообщения выделяются с 2014 года и 2015 года, соответственно. Жалобы пользователей в категории «Суицид» показали резкий скачок из-за ситуации с так называемым «синим китом».

Таблица 1. Доля обращений в общем количестве с 2011 года по 2017 год

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1 Оскорбления и травля в сети	32,56 %	42,47 %	51,63 %	42,19 %	40,07 %	30,41 %	27,93 %
2 Мошеничество в Интернете	21,71 %	13,97 %	24,35 %	4,41 %	5,84 %	6,84 %	7,47 %
3 Расизм, национализм, ксенофобия	16,28 %	29,32 %	15,03 %	32,18 %	29,27 %	28,935	26,55 %
4 CSAM	22,87 %	6,30 %	6,05 %	0,48 %	0,28 %	0,35 %	0,25 %
5 Пропаганда терроризма и экстремизма	0,00	0,00	0,00	17,91 %	21,34 %	23,01 %	24,64 %
6 Клевета, нарушение тайны частной жизни	6,59 %	7,95 %	2,94 %	2,16 %	1,72 %	8,10 %	12,09 %
7 Авторское право	0,00	0,00	0,00	0,67 %	0,56 %	1,13 %	0,95 %
8 Суицид	0,00	0,00	0,00	0,00	0,93 %	1,22 %	0,12 %
	258	365	612	2088	2156	2295	3251

В графическом виде структура обращения по категориям показана на рисунке 2 и который демонстрирует изменения в структуре по годам. Отчетливо прослеживается безусловный рост обращений в категории «Пропаганда терроризма и экстремизма» с долей 24,64 % в 2017 году. В разы снизилась доля обращений в категории «CSAM» и сводится к единицам обращений в год. Следует отметить, что сообщения в категории «CSAM» приходят из международной организации INHOPE. Это еще раз показывает, что интернет-пользователи Казахстана и население страны не способны на производство и распространение контента с насилием над несовершеннолетними. Все сообщения о наличии фактов распространения детской порнографии оказываются загруженными из-за пределов Казахстана для пользователей других стран.

Общая статистика сообщений в мире приводится на сайте международной организации INHOPE (www.inhope.org) и публикуются национальными общественными организациями по мере необходимости.

СТРУКТУРА ОБРАЩЕНИЙ ПО КАТЕГОРИЯМ В 2011-2017 ГОДЫ

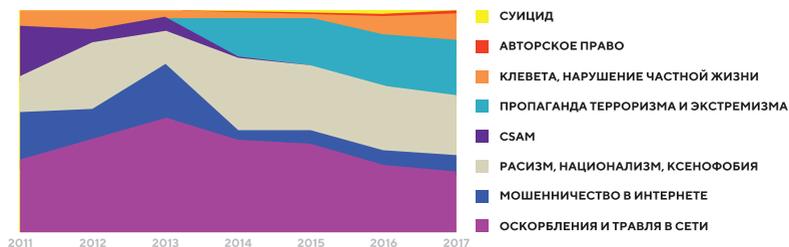

Рисунок 2. Структура обращений на «горячую линию» по категориям в 2011-2017 годы

Деятельность «горячей линии» показывает важность и актуальность работы общественной организации для своевременной поддержки и информирования общественности о вызовах и угрозах, исходящих из Интернета. Общественные методы информирования населения, оказание консультативной помощи интернет-пользователям и участие в публичных мероприятиях демонстрируют эффективность работы «горячей линии». Веб-сайт помогает интернет-пользователям сообщать о противоправных действиях в Интернете. Следует признать, что «горячая линия» является единственной в Казахстане общественной линией, оперативно реагирующей на обращения пользователей.

Характер обращений на «горячую линию» дает оценку текущей ситуации и предоставляет возможность прогнозировать дальнейшее развитие обстановки на информационном поле Казахстана. Анализ обращений демонстрирует активизацию вербовщиков террористических организаций в социальных сетях. Преимущественно используются российские сетевые ресурсы для формирования системы связей как между участниками группы, так и среди активных вербовщиков.

Основными факторами в вербовке потенциальной аудитории в ряды террористических организаций являются наличие исламизации в стране, состав и количество населения, социально-экономическая ситуация и возможность морального воздействия на аудиторию.

Текущая ситуация на информационном поле Казахстана складывается таким образом, что основная потенциальная аудитория для террористических образований оказывается «готовой» для проведения пропагандистских действий по следующим причинам.

1) Огромное количество интернет-пользователей, владеющих только одним языком — казахским. Активное продвижение казахского языка в Интернете за последние 6-7 лет привело к тому, что сегодня таких интернет-пользователей насчитывается по разным оценкам более 2,5 миллионов человек.

2) Миллионы молодых людей в сети с относительно благополучным достатком являются мусульманами. Очевидно, что для вербовщиков террористических образований это значительно облегчает работу среди молодежи. Как было сказано ранее, мотивы экономического характера в Казахстане не имеют такого значения, как в других республиках региона.

3) Незаполненное или пустое информационное пространство Казахстана способствует активизации работы представителей террористов. Так, например, популярность шоу-бизнеса в Интернете среди казахской молодежи — показатель не реальной востребованности, а отсутствия контента другой направленности. Молодежь нуждается в достаточном количестве разнообразного контента, чтобы занять свое время и умы. Недостаток контента на государственном языке в Интернете сегодня очевиден. По сути, аудитория, владеющая только одним государственным языком, осталась «один на один» с вызовами настоящего времени.

4) За прошедшие годы развития казахстанской экономики рождаемость в стране росла большими темпами, без дополнительных мер государственной поддержки повышения рождае-

мости населения. Уже сегодня в стране не хватает мест в средних школах; в 2017 году по данным Комитета по статистике МНЭ РК количество выпускников высших учебных заведений составило более 80 тысяч человек. Экономическая ситуация в Казахстане складывается таким образом, что количество рабочих мест сокращается значительными темпами, а меры стимулирующего характера для предприятий малого и среднего бизнеса с целью создания дополнительных рабочих мест для настоящих и будущих выпускников ВУЗов не принимаются.

Указанные факторы (большая аудитория, религия, отсутствие контента и рабочих мест) способствуют деятельности террористических организаций. Поэтому для Казахстана, активно «шагающего» в цифровой мир, вызовы настоящего времени являются первоочередными. Государственные органы Казахстана в последние года значительно усилили законодательное поле в борьбе с угрозами терроризма. Введены новые определения, введена уголовная ответственность, повышен уровень безопасности в общественных местах и на общественных объектах, началась борьба с пропагандой в исправительных учреждениях, изменились и стали гибкими тактика и структура борьбы — это далеко не полный перечень изменений в казахстанском пространстве.

К сожалению, реальность пока такова, что блоковый (НАТО, ШОС, ОДКБ и т. д.) статус стран обуславливает построение собственных моделей безопасности, учитывая только собственные военно-политические и блоковые интересы. Сотрудничество в области борьбы с терроризмом и экстремизмом продолжается параллельно и без согласованных, как ранее, действий. Необходимо дальнейшее развитие и совместные усилия по коллективным мерам доверия между странами, на базе которых возможно построение общей концепции борьбы на глобальных площадках ООН и ОБСЕ. Трансграничность преступлений в области терроризма и экстремизма в киберпространстве представляет собой проблему не только на национальном уровне, но и на

международном. Оперативная и эффективная борьба возможна только путем сотрудничества стран. Другого выхода нет.

Республика Казахстан к настоящему времени столкнулась с новыми вызовами, исходящими внутри собственного пространства. Кроме явных террористических угроз, появились внутренние, которые только способствуют развитию внешних. Следует незамедлительно переформатировать работу с интернет-пользователями и сделать акцент на работе с молодежью, для которой казахский язык является единственным и основным. Следует строить свою работу системно, которая должна затронуть все слои общества и государства одновременно.

1. Создание специальных мер государственной поддержки для общественных организаций, непосредственно участвующих в процессах развития информационного пропагандистского противодействия терроризму для молодежи.

2. Организация целого комплекса практических мероприятий для молодежи (семинары, конференции, тренинги и т. д.) для обучения и формирования центров по поддержке малого и среднего бизнеса с целью создания новых рабочих мест.

3. Создание национальной программы поддержки усилий общественных организаций, непосредственно участвующих в борьбе с террористическими угрозами.

Информационные стратегии терроризма: вызовы для системы противодействия

Леся Каратаева

Развитие Интернета и расширение его социальной базы позволило террористам в полной мере использовать асимметричные возможности информационного оружия в целях нивелирования силовой и ресурсной асимметрии, характерной для реального пространства. Так, позитивные результаты борьбы с ДАИШ в Ираке и Сирии не привели к полному уничтожению структуры и, современная ДАИШ получила свое продолжение в форме «Халифата 2.0». Возрождающаяся «Аль-Каида», используя возможности коммуникации, защищенной технологиями сквозного шифрования, применяет формат франшизы и постепенно активизирует свои ячейки в ряде регионов. Информационные технологии позволяют решать задачи финансирования террористических организаций, практически не выходя за пределы юридически допустимых механизмов. Интернет стал основным пространством, где осуществляется идеологическая инкубация террористов. Кроме того, с ростом зависимости военной и гражданской инфраструктуры от информационных технологий возрастают риски применения террористами кибероружия.

Краткий обзор экспертных оценок

Террористический акт 11 сентября 2001 года вызвал стремление положить конец угрозам терроризма путем физического уничтожения террористических группировок. В то же время расширение присутствия террористов в информационном пространстве актуализировало запрос на поиск механизмов информационного противодействия. В частности, Эндрю Кидд и Барбара Уолтер в своей работе «Стратегии терроризма» отмечали, что восприятие процесса противодействия терроризму только

в контексте понимания его как «войны с терроризмом» не является верным¹²³. Авторы обращают внимание на то, что террористы слишком слабы для того, чтобы напрямую воздействовать на правительства и вынуждать их произвести изменения в политике, поэтому они пытаются достичь своих целей путем изменения восприятия целевой аудитории. По мнению авторов, основной упор в процессе противодействия терроризму должен делаться не на «войне с терроризмом», а на сборе и анализе информации об условиях и средах активности террористов.

Схожий подход, основанный на восприятии терроризма сквозь призму «асимметричной войны», демонстрирует Брюс Хоффман: «...успехи террористов лучше всего измерять не в масштабах обычной войны — боевыми потерями противника, объемом уничтоженных военных ресурсов или площадью захваченной территории, — а тем, насколько эффективно террористы привлекают внимание к своему делу, а также насколько сильно психологическое воздействие и пагубное влияние, которые террористы смогли оказать на свою аудиторию»¹²⁴. Профессор факультета коммуникаций университета Хайфы Габриэль Вайнманн предложил рассматривать поведение террористов в информационном пространстве в контексте театральной драматургии¹²⁵.

Расширение сферы применения Интернета в жизни людей актуализировало вопрос оценки поведения террористов в киберпространстве. Демонстрируя стратегическое значение новых технологий для продвижения идеологии терроризма, Джаред Брагман в своей статье «Высокотехнологичный террор: «Аль-Каида» использует новые технологии», отмечает, что благодаря технологиям киберпространства «Аль-Каида» из простой сетевой организации превратилась в своеобразное обществен-

¹²³ Kydd, A. H. & Walter, B. F. "The Strategies of Terrorism", *Quarterly Journal: International Security*, Vol 31, No 1, Summer 2006, pp. 49-80.

¹²⁴ Hoffman, B. "A Form of Psychological Warfare", *Countering the Terrorist Mentality*, eJournal USA, Vol 12, No 5, 2008, p. 8

¹²⁵ Вайманн, Г. «Теракт как «театральная постановка» на сцене СМИ». *Террористическая ментальность*. Контрмеры. eJournal USA. Т.12, №5, 2008, с. 30.

ное движение, ознакомление с идеологией которого доступно любому, у кого есть компьютер¹²⁶.

В свою очередь, авторы статьи «Киберпространство как новая арена для террористической пропаганды: обновленный экзамен», анализируя роль пропагандистского использования в киберпространстве, приходят к выводу о том, что характерной особенностью современной пропаганды терроризма стало широкое применение семиотических жестов посредством использования фото- и видеоконтента. «Во многих случаях, — отмечают авторы, — эта форма пропаганды является основным средством коммуникации для различных кибертеррористических групп, чтобы передать их намерения»¹²⁷.

Стремление террористов в максимально возможной мере использовать информационное пространство в целях нивелирования силовой асимметрии, имеющей место в реальном пространстве, на протяжении долгого времени объяснялось отсутствием у террористов того, что Хенфрид Мюнклер назвал «политическим телом»¹²⁸. Отсутствие «политического тела» означает, что у террористов нет территории с физически существующей на этой территории инфраструктурой, недвижимым, в своей общей массе, населением и прочими объектами, по которым можно было бы нанести симметричный удар. В то же время отсутствие «политического тела» снижает способности террористических организаций к проведению полномасштабных военных операций против правительственных войск. Ситуация изменилась летом 2014 года, в связи с объявлением боевиками ДАИШ о создании их «Халифата»¹²⁹ и потребовала

¹²⁶ Brachman, J. "High-Tech Terror: Al-Qaeda's Use of New Technology", *The Fletcher Forum of World Affairs*, Vol 30:2, Summer 2006, <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a458499.pdf>.

¹²⁷ Minei, E. & Matusitz, J. "Cyberspace as a new arena for terroristic propaganda: an updated examination", *US National Library of Medicine*, 9 August 2012, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3510409/>.

¹²⁸ Мюнклер, Х. «Терроризм как стратегия коммуникации». *Internationale Politik* (Berlin, русская версия). № 12, 2001, с. 19-30.

¹²⁹ "ISIS Declares Establishment of 'Caliphate', Abu Bakr al-Baghdadi as the Leader of World's Muslims", *India TV*, 29 June 2014 <https://www.youtube.com/watch?v=vV1dC8fq6Sc>.

смены взглядов на природу информационной политики террористических организаций.

Текущий период характеризуется наличием широкого спектра исследований, посвященных как трансформации международного терроризма на современном этапе и моделям поведения глобально ориентированных террористических групп в конкретных регионах, так и используемым ими методов пропаганды и вовлечения. Большинство работ фокусируют свое внимание на поведении в информационном пространстве двух террористических организаций — «Аль-Каиды» и ДАИШ. После поражения ДАИШ в Сирии и «возвращения» «Аль-Каиды» возросло и количество работ, отражающих результаты сравнительного анализа стратегий этих организаций. В частности, Кэмерон Гленн представил сравнительный анализ установок «Аль-Каиды» и ДАИШ в отношении Запада, религиозных меньшинств, допустимых норм применения насилия и использования медиа¹³⁰. Представленная ниже работа представляет собой попытку систематизации подходов «Аль-Каиды» и ДАИШ к продвижению своей идеологии в период после 2011 года.

Современные тренды международного терроризма: ключевые факторы и сценарии

2017-2018 годы стали периодом реформатирования ландшафта террористической активности в мире. Трансформации подвергаются как качественный и количественный состав террористических организаций и их географическое расположение, так и сами методы деятельности террористов.

Значимым фактором, влияющим на глобальную безопасность, стало возвращение «Аль-Каидой» своего статуса гегемона международного террористического движения. Период арабской весны и активности ДАИШ (начиная с ликвидации Усамы бен Ладена в 2011 году) «Аль-Каида» использовала для

¹³⁰ Glenn, C. "Al Qaeda v ISIS: Ideology & Strategy", *Wilson Center*, 28 September 2015, <https://www.wilsoncenter.org/article/al-qaeda-v-isis-ideology-strategy>.

собственного восстановления. Солидаризируясь с мнением Брюса Хоффмана, можно выделить следующие направления, по которым произошла смена стратегии¹³¹.

Во-первых, зонтичная структура организации была усилена форматом франшизы. Децентрализованный подход к франшизе обеспечил выживание движения¹³². Лидеры и представители крупных франшиз «Аль-Каиды» интегрированы в совещательные и консультативные процессы движения. Возможность использования технологий сквозного шифрования обеспечивает беспрепятственные и защищенные коммуникации. Значимым результатом осуществляемого франчайзинга стала возможность использования специфики интересов территориально локализованных франшиз в общем контексте всеобъемлющей стратегии «Аль-Каиды». Этот фактор значительно повысил заинтересованность территориальных ячеек в причастности к общему движению.

Во-вторых, начиная с 2013 года, Айман аз-Завахири наложил запрет на проведение террористических актов на внешних рубежах (в странах Запада), которые могли бы повлечь за собой гибель мирных мусульман. Исключение составляют теракты в Париже в отношении редакции «Шарли Эбдо» (2015 г.) и взрыв в Санкт-Петербурге (2017 г.). Учитывая тот факт, что гибель мирных мусульман в результате терактов, применяемых «Аль-Каидой», являлась основным постулатом критики деятельности движения, активно используемым в контртеррористической тактике, введенный запрет позволил, с одной стороны, снизить эффективность контртеррористической пропаганды, а с другой — сформировать в социальных сетях имидж «умеренных экстремистов», противопоставляемый сверхжестокости ДАИШ¹³³.

В-третьих, отказ от активной террористической деятельности, вывел «Аль-Каиду» в «серую зону», перенаправив контр-

¹³¹ Hoffman, B. "Al-Qaeda's Resurrection", *Council on Foreign Relations*, March 2018, <https://www.cfr.org/expert-brief/al-qaedas-resurrection>.

¹³² Ibid.

¹³³ Ibid.

террористические усилия в русло противостояния с ДАИШ и обеспечив «Аль-Каиде» необходимую зону комфорта для восстановления.

По данным Брюса Хоффмана, в настоящий момент «Аль-Каида» объединяет на пространстве от северо-западной Африки до Юго-Восточной Азии почти два десятка группировок и десятки тысяч боевиков. Так, в Сирии в рядах «Аль-Каиды» насчитывается около 20 тыс. боевиков, в Йемене — около 4 тыс., в Сомали — около 7 тыс., в Ливии действуют порядка 5 тыс. боевиков, в странах Магриба — 4 тыс., в Индонезии — 3 тыс., в Египте — 1 тысяча, в Афганистане, Пакистане и Индии — около 800, в Бангладеш — 300 и в России — около 100 боевиков¹³⁴. Как сообщил в своем интервью секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев: «Главарь террористов, осознавая, что им грозит уничтожение в зонах их прежнего доминирования, начали менять тактику. Делается упор на создание автономных законспирированных террористических ячеек в различных странах мира и широкое распространение радикальной идеологии. Только «Аль-Каида», по разным оценкам, имеет их в более чем 80 странах мира, в том числе в США и Канаде»¹³⁵.

На текущий момент «Аль-Каида» уступает ДАИШ в двух моментах. Первый — способность осуществлять впечатляющие террористические удары в странах Запада. Однако теракты в Париже и Санкт-Петербурге показали шаткость последнего утверждения. Второй — значимость бренда, так как, выходя в «серую зону», «Аль-Каида» понесла серьезные репутационные издержки. Нивелированию второго момента будет способствовать введение «Аль-Каидой» в информационное пространство новых медийных лиц. Несмотря на очевидные стратегические успехи Аймана аз-Завахири, его оценивают как нехаризматичного лидера, что может послужить препятствием для дальнейшего роста популярности «Аль-Каиды». В

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ «Николай Патрушев: склонность России к агрессии — это опасный миф», Еженедельник Аргументы и Факты, № 52 27/12/2017, http://www.aif.ru/politics/russia/nikolay_patrushev_sklonnost_rossii_k_agressii_-_eto_opasnyy_mif

этом контексте представляет интерес возвращение в медийное пространство Хамзы бен Ладена. С начала 2017 года он регулярно фигурирует на пропагандистских видео «Аль-Каиды» и выступает с заявлениями, подтверждая готовность продолжать линию своего отца¹³⁶.

Степень вероятности смены лидера «Аль-Каиды» в ближайшее время оценить сложно, однако близкое родство с прежним лидером движения, способность стать фигурой, символизирующей преемственность в рядах джихадистов, а также наличие харизмы и собственной истории «мученичества» позволяют предположить, что Хамза бен Ладен станет новым лицом «Аль-Каиды» и будет активно продвигать идеологию и бренд «Аль-Каиды».

Несмотря на уже явно обозначившееся возвращение «Аль-Каиды», одним из факторов, определяющих современные угрозы терроризма, до сих пор остается процесс трансформации ДАИШ. Эксперты предполагают, что террористические группировки, в той или иной степени аффилированные с ДАИШ, будут перемещаться из Сирии в зоны, контролируемые ее зарубежными филиалами¹³⁷. Принимающими территориями уже стали Сектор Газа, Синайский полуостров, Афганистан. Что касается руководящего звена ДАИШ, то высока вероятность использования тактики нулевых годов, называемой «пустынным подходом», предполагающим сокрытие части террористов в пустыне Ирака (Андрей Серенко, 2017).

В общем массиве предположений можно выделить три сценария. Первые два сценария являются сводным вариантом экспертных оценок, а третий был официально озвучен в докладе Генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша. Первый сценарий предполагает ориентацию на формирование в будущем

¹³⁶ Dearden, L. "Osama bin Laden's Son Calls for Terrorists to Avenge his Father's Death", Independent, 2017, <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/osama-bin-laden-son-revenge-terror-attacks-calls-hamza-avenge-fathers-dead-al-qaeda-resurgence-a8044571.html>.

¹³⁷ Серенко, А. «Халифат при смерти, терроризм не сдаётся. Чего ждать миру после разгрома ИГ», *Коммерсантъ*, 28.08.2017, <https://www.kommersant.ru/doc/3391474>.

ситуации, при которой возвращение ДАИШ в Сирию станет приветствуемым со стороны суннитского населения, которое, по ожиданиям террористов, будет подвергаться репрессиям со стороны курдов и шиитов. Экспертные оценки также предполагают, что ДАИШ попытается воссоздать ситуацию 2013 года, путем дестабилизации ситуации в Ираке¹³⁸.

Второй сценарий включает в себя эксплуатацию террористами тезиса о «гибели «Халифата» от рук «неверных», предполагающего «канонизацию мучеников» и максимально возможное использование этого мифа в целях дальнейшего поддержания и продвижения идеологии ДАИШ. В соответствии с логикой сценария в обозримом будущем можно ожидать появления нового крупного игрока в террористическом поле, который будет позиционировать себя в качестве наследника ДАИШ.

Третий сценарий предполагает реинтеграцию ДАИШ и «Аль-Каиды»¹³⁹. Причиной возможного слияния указывается ослабление позиций обеих группировок в ряде регионов. По мнению авторов доклада, серьезных противоречий между группировками не существует, и, как показывает практика, боевики легко переходят из одной группировки в другую, что существенно облегчает процесс воссоединения. Однако ожидается, что в практическом плане обе организации могут сделать ставку на «компактные и мотивированные группы, готовые воевать или совершать теракты», то есть речь идет о слиянии малых групп с целью осуществления террористических вылазок¹⁴⁰.

Очевидно, что каждый из озвучиваемых сценариев имеет как сильные, так и слабые стороны. Так в рамках первого сценария не понятна дальнейшая судьба лидеров ДАИШ. В информаци-

¹³⁸ «Несмотря на ослабление ИГИЛ, борьба с террористами продолжается», *Деловой аналитический украинский портал Эксперт*, 16 Июля 2018, <http://expert.in.ua/mezhdunarodnaya-analitika/0/463-nesmotrya-na-oslablenie--borba-s-igil->.

¹³⁹ «Шестой доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой», Совет безопасности. Организация Объединенных Наций, Январь, 2018, <https://undocs.org/ru/S/2018/80>.

¹⁴⁰ То же.

онном пространстве периодически появляются сообщения об аресте или ликвидации бывших высокопоставленных «чиновников» ДАИШ. Одним из значимых вопросов является судьба лидера группировки Абу Бакра аль Багдади. Средства массовой информации периодически сообщают о его гибели или аресте, однако точной информации нет. С сентября 2017 года в информационном пространстве не зафиксировано ни одного публичного обращения лидера ДАИШ¹⁴¹.

Совокупность таких факторов, как потеря ДАИШ вертикально ориентированных связей с отдельными группировками и их географическое рассредоточение, а также потери в составе руководящего состава дают основание предположить, что реализация первого сценария и возрождение ДАИШ в обозримой перспективе маловероятны.

Слабым звеном второго сценария является отсутствие необходимой ресурсной базы для поддержания и сохранения основных постулатов идеологии ДАИШ. Так, по данным ООН, ДАИШ лишилась 90 % источников финансирования, а также практически всех информационных ресурсов¹⁴².

Основным механизмом ретрансляции ценностных установок ДАИШ, скорее всего, станут сеть мунасир и возвращающиеся на родину боевики. ореол причастности к «большому джихаду» и эксплуатация догмы о «жертвенности» придаст возвращенцам необходимый авторитет в среде возможных сторонников из «спящих» ячеек, на создание сети которых будут ориентированы ожидаемые действия возвращающихся боевиков. В то же время, группировки боевиков, которые ориентированы на продолжение своих действий на территории зарубежных «вилаятов ДАИШ» (Афганистан, Синай, Сектор Газа и т. д.), ориентируясь на стратегию выживания, в попытке

¹⁴¹ Comerford, M. "Al-Qaeda's Long Game", *Tony Blair Institute for Global Change*, 3 April 2018, <https://institute.global/insight/co-existence/al-qaedas-long-game>.

¹⁴² «Шестой доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой», Совет безопасности. Организация Объединенных Наций, Январь, 2018, <https://undocs.org/ru/S/2018/80>.

адаптироваться к новым условиям, возможно, будут менять идеологические установки.

В случае с боевиками, переместившимися в Афганистан и находящимися в состоянии конкурентной борьбы с движением «Талибан», разделение идеологии ДАИШ может рассматриваться в контексте идентификационных основ. Кроме того, учитывая тот факт, что значимым фактором устойчивости в борьбе за сферы влияния в Афганистане является поддержка местного населения, боевики ДАИШ должны предложить некие нарративы, мотивирующие местное население к содействию. Эти нарративы могут основываться на идеологии ДАИШ. Еще одним латентным носителем идеологии ДАИШ, очевидно, являются джихадисты второго поколения, в первую очередь — дети боевиков, воспитанные организацией на подконтрольных территориях.

Сильной стороной второго сценария является тот факт, что ДАИШ изначально ориентировалась не столько на информационную войну, сколько на войну смысловую. Учитывая тот факт, что значимая доля генерируемых ДАИШ смыслов имела религиозную подоплеку (иррациональный характер), логично предположить, что распространенные смыслы достигли своих целей и «осели» в сознании некоторых граждан, столкнувшихся ранее с ее пропагандой.

В отношении третьего сценария можно предположить, что достижение каких-либо значимых договоренностей между лидерами организаций представляется маловероятным в силу значительных идеологических расхождений. Речь идет не только о разных подходах к временным рамкам построения Халифата. Организации по-разному видят свою миссию и по-разному формируют образ врага.

Информационные стратегии «Аль-Каиды» и ДАИШ

«Аль-Каида» и ДАИШ не являются единственными крупными террористически ориентированными объединениями, одна-

ко только этим двум организациям удалось создать собственные оригинальные информационные стратегии, реализация которых сумела трансформировать весь ландшафт террористической деятельности. Учитывая тот факт, что ДАИШ организационно выросла из «Аль-Каиды», логичным выглядит наличие в идеологических основаниях обеих структур общих базовых моментов. Обе организации построили свою идеологическую модель, исходя из основных утверждений Салафии, дополнив ее постулаты собственной трактовкой такфира и джихада. Различия в идеологических подходах и видимых организациями методами проявляются также и в позиционировании себя в отношении уммы и видении своей миссии. Так, например, «Аль-Каида» и ДАИШ по-разному видят условия, при которых возможно обвинение в куфре, что и повлекло за собой формирование разнящихся образов врага.

Несмотря на то, что краеугольным камнем идеологии обеих организаций является джихадизм, организации устанавливают разные границы допустимых мер ведения джихада. Показательным является отношение организаций к осуществленным терактам. «Аль-Каида» в большей степени, нежели ДАИШ, уделяет внимание поддержанию видимости следования богословским течениям. В частности, после теракта 11 сентября 2001 года основной поток сопровождающей информационной кампании организация ориентировала на поддержание тезиса об успешной атаке на символы американской торгово-финансовой власти. При этом факт гибели более чем 3-х тысяч мирных граждан, в том числе и мусульман, старательно обходился стороной. В свою очередь, ДАИШ, применяя казнь путем сожжения, не только не предпринимала попыток оправдаться, за осуждаемые исламом действия, но и активно транслировала сцены казней в глобальном информационном пространстве¹⁴³. Разные подходы к обоснованию своих действий свидетельствуют также и о том, что организации по-разному позиционируют

¹⁴³ Shackle, S. "What is Salafi Jihadism?" *New Humanist*, 19 September 2016, <https://newhumanist.org.uk/articles/5087/what-is-salafi-jihadism>

себя. Если «Аль-Каида» позиционируется в информационном пространстве как гегемон международного террористического джихада, то характерной чертой ДАИШ является то, что структура измеряет себя в категориях власти, видя себя не только единственной законной властью над уммой, но и саму умму сужает до границ своих сторонников. Подтверждением данного тезиса может являться реакция ДАИШ на критику со стороны исламских богословов в отношении нарушения процедуры создания Халифата и становления Абу Бакра аль Багдади халифом. В частности, создание «Халифата» было осуществлено ДАИШ без проведения процедуры согласования со всеми мусульманами, что было расценено исламскими богословами как проявление фитны. Ответная позиция ДАИШ отражала следующую логику: «Только мы являемся мусульманами, и мы решаем, кто станет халифом. Мы выбрали его, и кто бы ни отрицал его власть, тот не мусульманин»¹⁴⁴.

Еще одной составляющей идеологии ДАИШ стала теория баасизма в ее поздней постафляковской трактовке, что вполне естественно, учитывая роль баасистских генералов в становлении организации¹⁴⁵. Баасизм в совокупности с такфиристско-джихадистской идеологией позволил ДАИШ, на первых этапах информационно-пропагандистской деятельности, успешно эксплуатировать как наднациональную составляющую, в рамках которой умма стоит над расовыми и этническими идентичностями, так и национальную составляющую, предполагающую историческую преемственность и идею национального возрождения.

В хронологическом порядке, первой террористической организацией, объявившей о наличии у нее собственной информационной стратегии, была «Аль-Каида». Стратегия получила символичное название «Смерть от тысячи порезов». Название

¹⁴⁴ Султан Мухаммад Са'ад Абубакр и др. «Открытое письмо 126 ученых исламского мира, адресованное лидеру ИГИШ», *AzanKZ*, 09.12.2014, <https://azan.kz/maqalat/read/otkryitoe-pismo-126-uchenyih-Islamskogo-mira-adresovannoe-lideru-6900>.

¹⁴⁵ Barrett, R. "The Islamic State", *The Soufan Group*, November 2014, <http://soufan-group.com/wp-content/uploads/2014/10/TSG-The-Islamic-State-Nov14.pdf>

новой стратегии отсылает к казни, применявшейся в средние века в Китае и предполагавшей умерщвление путем медленной кровопотери от множественных порезов. Наименование новой стратегии «Аль-Каиды» должно было подчеркнуть, что организация намеревается вести длительную борьбу против стран Запада, ориентированную на постепенное «обескровливание» демократических режимов¹⁴⁶.

Ожидаемые террористами последствия применения стратегии, должны были проявиться как в политической, так и в экономической, и социальной сфере. В политической сфере ожидалось, что, реагируя на спорадически возникающие и слабо прогнозируемые теракты, правительства демократических стран вынуждены будут сокращать объемы гарантированных политических прав и свобод. Такой подход со стороны правительств, по мнению террористов, должен был показать «истинную суть демократии». В экономической сфере расчет делался на увеличение финансовых затрат для поддержания правопорядка. В стратегии «Аль-Каиды» отмечалось: «Не нужен большой удар, чтобы поставить Запад на колени... Мы вынудим наших врагов создать дополнительные дорогостоящие механизмы и процедуры безопасности. И без того неустойчивая экономика не выдержит дополнительной нагрузки»¹⁴⁷. Последствия, проявляющиеся в политической и экономической сферах, в совокупности с распространением атмосферы ужаса, которая будет обеспечена за счет невозможности предугадать, где и когда произойдет теракт, должны будут обеспечить требуемый эффект в социальной сфере.

Основными элементами новой стратегии «Аль-Каиды» стали переход террористической активности в информационное пространство и «депрофессионализация» террористов. Расширяю-

¹⁴⁶ Hoffman, B. "Al Qaeda Has a Strategy. We Need a Better One", *Twin Cities*. Pioneer Press, 16 January 2010, <https://www.twincities.com/2010/01/16/bruce-hoffman-al-Qaeda-has-a-strategy-we-need-a-better-one/>.

¹⁴⁷ Смолин, А. «Тысяча ножей индивидуального террора в спину правому обществу», Российское агентство правовой и судебной информации, 20.08.2011, http://www.rapsinews.ru/international_publication/20110820/254719179.html.

щие технические возможности осуществления мониторинга ситуации и разведки привели к повышению результативности процесса обнаружения лагерей подготовки террористов, располагающихся в труднодоступных местах, повышая, таким образом, уязвимость физической инфраструктуры «Аль-Каиды». Стремясь нивелировать обозначившуюся уязвимость, Айман аз-Завахири прибег к новой тактике подготовки террористов, которую условно можно назвать «тактикой сеятеля». Глобальное информационное пространство наводнилось призывами к осуществлению малого джихада по отношению к «неверным» и методическими руководствами по изготовлению взрывных устройств и осуществлению самих терактов. В результате сократились объемы «экспедиционного терроризма¹⁴⁸», а взамен распространились практики реализации терроризма «доморощенного». В то же время наблюдалось сохранение методики осуществления терактов. Основным методом деятельности «доморощенных» террористов являлась организация взрывов в местах массового скопления людей.

Специфической чертой «Аль-Каиды» является отсутствие единого центра управления при наличии вдохновляющего центра. Таким вдохновляющим элементом долгое время являлся лидер «Аль-Каиды» — сначала Усама бен Ладен, а после его ликвидации — Айман аз-Завахири. Они же являются основными идеологами и генераторами пропагандистских действий. Технически пропаганда «Аль-Каиды» постепенно претерпевала изменения, используя новые возможности глобального медиaprостранства. Так, на первых этапах, пропаганда выглядела достаточно примитивно и ограничивалась выступлениями лидеров организации, распространяемых в виде печатного материала и видеозаписей. Причиной такого примитивизма, по мнению польского исследователя Марчина Стышинского, является проведение записей в сложных логистических условиях¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Этот термин понимается автором как антитеза терроризму доморощенному или по аналогии с терминами «экспедиционная армия» или «экспедиционный корпус.»

¹⁴⁹ Стышинский, М. «Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа», Политическая лингвистика №5, 2016, с. 158-164.

Как правило, выступления лидеров «Аль-Каиды» имели форму литургических проповедей. Каждая такая проповедь в соответствии с традициями состояла из двух частей. Первая часть содержит короткие молитвы и чтение коранических стихов. Вторая часть содержит смысловое ядро в виде размышлений о социальных проблемах, порождаемых западными режимами, и призывов к священной войне против них. Для таких проповедей характерно использование риторики, содержащей религиозную и историческую символику¹⁵⁰. Помимо вербальных механизмов использовались и невербальные, к которым относятся одежды выступающего, его жесты, мимика и место, с которого осуществляется проповедь.

С течением времени механизмы распространения пропагандистских материалов расширились за счет использования интернет-пространства. Расширился также и спектр самих пропагандистских материалов. Так, усилиями сайтов Ansar al-mujahidun, Shabakat al-jihad al-alamiyi, Shabakat ash-shumukh al-islamiyya, а также медиацентров as-Sahab, Furqan, al-Fajr, Kataib и др. глобальное киберпространство было дополнено видеоматериалами, отражающими ход и результаты террористических актов и т. д. Начиная с 2011 года, возрастает роль «образовательного» сегмента пропаганды, включающего в себя методические рекомендации и инструкции по подготовке и исполнению терактов. Значимую роль в идеологической пропаганде «Аль-Каиды» сыграл журнал Inspire. При этом факт отсутствия полной уверенности в том, что журнал принадлежит именно «Аль-Каиде», не имеет большого значения, поскольку даже намек на аффилиацию журнала с «Аль-Каидой» уже играет в пользу организации.

Представить современный образ информационной стратегии возрождающейся «Аль-Каиды» невозможно. С одной стороны, велика вероятность того, что «Аль-Каида» учтет опыт работы в информационном пространстве ДАИШ и расширит спектр

¹⁵⁰ Стышинский, М. «Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа», Политическая лингвистика №5, 2016, с. 158-164.

используемых механизмов. С другой стороны, сетевой характер организации создает определенные сложности в идентификации малых террористических организаций, позиционирующих себя как подразделения «Аль-Каиды». В этом случае закономерен вопрос: действительно ли они являются частью «Аль-Каиды» или же заявляют об этом для достижения собственных целей. Кроме того, внедренное ДАИШ нововведение, предполагающее вовлечение в процесс пропаганды обычных террористов-боевиков, продемонстрировало высокую эффективность, в силу чего получило широкое распространение. Это означает, что теперь основной массив информационно-пропагандистских материалов генерируется и размещается в информационном пространстве действующими боевиками самостоятельно. Учитывая примененную «Аль-Каидой» модель франшизы, можно предположить, что генерируемый контент будет являться территориально локализованным и по внешнему виду и техникам размещения станет опираться на местные практики.

Очевидно, что возвращение «Аль-Каиды» в публичное пространство не имеет «взрывного характера», как это было в случае с ДАИШ. Тем не менее, только за первую половину 2018 года лидер Аль-Каиды выпустил шесть видеобращений к своим сторонникам. При этом, по мнению эксперта Института глобальных перемен Мило Комерфорда, риторика выступлений Аймана аз-Завахири принципиальных изменений не претерпела. Обращения апеллируют к «золотому веку» борьбы с главным врагом мусульман — США, в противовес концентрации внимания на «сектантской фракционности на Ближнем Востоке»¹⁵¹.

Еще одним важным, с точки зрения формирования позитивного имиджа, моментом является демонстрируемая представителями «Аль-Каиды» скромность. Боевики «Аль-Каиды» в два раза чаще изображают себя аутсайдерами, нежели это делали боевики ДАИШ¹⁵². Такой подход способен сформировать

¹⁵¹ Comerford, M. "Al-Qaeda's Long Game", *Tony Blair Institute for Global Change*, 3 April 2018, <https://institute.global/insight/co-existence/al-qaedas-long-game>

¹⁵² То же.

у фокусной аудитории восприятие «Аль-Каиды» как более «зрелой» и адекватно оценивающей ситуацию структуры. Учитывая принятую «Аль-Каидой» концепцию «дального врага», на фоне сверхжестокости ДАИШ, применяемой, в том числе, и по отношению к собственным сторонникам, умеренный подход лидеров «Аль-Каиды» к фасикам создает дополнительные бонусы. В частности, может создаться ложное впечатление, что «Аль-Каида» — более правильно ориентированная организация, которая не призывает видеть врагов в среде своих близких, а, напротив, дает шанс всем желающим и, в частности, призывает к борьбе с теми, кто погубил «Халифат» аль Багдади.

В свою очередь, информационная стратегия, разработанная ДАИШ, коренным образом отличается от всего, что смог предложить международный терроризм за свою историю. ДАИШ дала мировому террористическому движению новую парадигму деятельности, предложив, с одной стороны, новый образ врага, а с другой — новую роль для самих террористов. Так, ДАИШ создала концепцию «ближнего врага», обозначив в его качестве кафи́ров. В понимании ДАИШ кафи́ром является не только вероотступник, открыто заявивший о своем отказе от веры, но и любой заподозренный в куфре мусульманин. При этом, в нарушение принятых в исламе практик, ДАИШ требует от мусульман доказательств своей веры. Любой, кто откажется признать обвиненного в куфре человека кафи́ром, сам становится в глазах сторонников ДАИШ кафи́ром и подлежит наказанию. Таким образом, врагом мог стать практически любой человек, в том числе и представители референтной группы самих террористов — их дети, родственники и т. д. Еще одним нововведением в идеологии ДАИШ стала практика объявления такфи́ра большим группам людей, в том числе и целым народам, что также считается недопустимым в исламе.

Процесс реализации информационной политики ДАИШ условно можно разделить на три этапа: этап становления организации, этап пропаганды «Халифата» как «состоявшегося государства» и «постхалифатовский» этап, начавшийся после

утери ДАИШ своих позиций и территорий в Сирии и Ираке. На первом этапе пропагандистской деятельности ДАИШ еще прослеживалась преемственность методик, применяемых «Аль-Каидой». Так, первое публичное выступление Абу Бакра аль Багдади отчетливо демонстрирует схожесть с литургическими проповедями Усамы бен Ладена и Аймана аз-Завахир по форме вербального обращения и невербальным компонентам.

Задачи, стоящие перед ДАИШ на первом этапе его становления, определили и тактические подходы к пропагандистской деятельности. Главной целью первого этапа являлось привлечение в свои ряды как можно большего числа сторонников. Поэтому применяемую на этом этапе информационную тактику условно можно назвать «тактикой пылесоса». Эта же тактика применялась на протяжении большей части второго этапа, когда потребовалось укрепление демографической составляющей на подконтрольных территориях. На первых двух этапах информационная политика ДАИШ осуществлялась путем ведения информационной и смысловой войн. Несмотря на внешнюю схожесть этих типов войн, у них имеются и принципиальные различия. Так, если информационная война нацелена на реинтерпретацию фактов, то война смысловая реинтерпретирует ценности. Информационная война ориентирована на краткосрочную перспективу и затухает сразу же после исчезновения коммуникатора. Смысловая война, напротив, ориентирована на долгосрочную перспективу и после исчезновения коммуникатора продолжает свое воздействие.

Информационная война, начавшись как размещение в интернет-пространстве сцен сверхжестокости, позволила ДАИШ решить ряд тактических задач. В частности, пропагандируемая сверхжестокость позволила структуре, во-первых, дистанцироваться от «неэффективного псевдоджихада» «Аль-Каиды» и других террористических группировок. Во-вторых, обеспечить абсолютную лояльность населения на контролируемых территориях. В-третьих, обеспечить постоянный приток социопатических личностей со всего мира для ведения боевых действий на

стороне ДАИШ. В течение первых двух лет после объявления о создании «Халифата» произошло расширение используемых террористами медиаресурсов, включающее в себя расширение медийной инфраструктуры, а также расширение используемой тематики. Кроме того, ДАИШ впервые в истории международного терроризма построила многоуровневую структуру трансляции информации, действующую в диапазоне от медиаресурсов «официальных структур» до личных аккаунтов боевиков в социальных сетях. Организация активно использовала ряд медиаресурсов: медиаагентство al-Furqan Institute for MediaProduction, медиафонд Ajnad Media Foundation, медиацентр AlHayat Media Center, медиагруппу Furat Media и т. д. Отдельное внимание пропагандисты ДАИШ уделяли языку вещания. В большинстве случаев пропагандистские сообщения формировались на арабском, английском, немецком, курдском и французском языках; позднее спектр используемых языков расширился, в том числе, стали использовать русский и турецкие языки.

Разветвленная сеть использованных медиаресурсов позволила генерировать колоссальное количество информационных материалов. К середине 2015 года пропаганда ДАИШ уже перешла формат, предполагающий только лишь прославление джихадизма и призыв в ряды «строителей Халифата». Информационные потоки, генерируемые официальными структурами ДАИШ, стали уделять большое внимание освещению «мирной жизни в Халифате». Эта тематика постепенно становится доминирующей. Так, по подсчетам эксперта фонда Quilliam Чарли Уинтера, количество сюжетов, посвященных «мирной» жизни на территории, подконтрольной ДАИШ, в 2015 году почти в два раза превышало количество сообщений, посвященных военной тематике и сценам сверхжестокости¹⁵³.

Характерной особенностью пропагандистской деятельности ДАИШ некоторое время являлся ее таргетированный характер.

¹⁵³ Уинтер, Ч. «Исламское государство: как работает его пропаганда», *ВВС Русская служба*, 5 октября 2015, https://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151005_is_propaganda_war.

Каждый из созданных медиаресурсов ориентировался на свою фокусную аудиторию и использовал для работы социальные сети и различные мессенджеры. Однако, начиная с 2016 года, происходит переосмысление пропагандисткой деятельности в пользу единообразия и увеличения доли религиозной риторики, акцентирующей грядущий апокалипсис. Смена подходов может являться следствием начала «заката» ДАИШ.

Несмотря на эффективность информационной войны, проводимой ДАИШ, неизмеримо большой ущерб был нанесен смысловыми интервенциями ДАИШ. Условно, все генерируемые ДАИШ смыслы можно разделить на две части. Первая — смыслы, заполняющие пространство светского мышления. Второе — смыслы, заполняющие пространство религиозного мышления. Очевидно, что граница между смыслами, заполняющими оба пространства, в определенной степени условна. При этом светские смыслы мало чем отличаются от тех, которые лежат в основе идеологии «Аль-Каиды». В основном эти смыслы отражают ущербность кафирских режимов, свидетельством чего являются периодически потрясающие их кризисы. Однако смыслы, располагающиеся в религиозной плоскости, представляют собой принципиально новое видение логики ислама.

Еще одним механизмом, активно используемым ДАИШ, стал киберджихад. Атаки на информационные ресурсы в террористических целях осуществлялись и до возникновения ДАИШ, однако именно эта структура в серьезной степени актуализировала данный вид ведения джихада. Иллюстрируя деятельность по осуществлению кибертерактов против объектов виртуального пространства, можно отметить, что наиболее крупным актором террористического киберджихада является «Объединенный киберхалифат». На счету хакеров имеется ряд успешных кибератак. В частности, 26 июля 2018 года группа опубликовала плакат, отражающий результативность их деятельности в период с 23 мая по 21 июля 2018 года. Согласно плакату, группа успешно осуществила DDoS-атаки, взломав 770 веб-сайтов, а также нарушила деятельность еще более 900

веб-сайтов. Кроме того, группа взломала более 1500 учетных записей в социальных сетях¹⁵⁴.

Однако, несмотря на видимый эффект и интенсивность осуществляемых действий, по мнению экспертов, квалификационные навыки участников преступного хакерского объединения оставляют желать лучшего. Деятельность «киберхалифата» действительно сводится к периодическим DDoS атакам, взлому аккаунтов в соцсетях и дефейсам плохо защищенных сайтов с целью саморекламы. Атаки такого рода не требуют особой квалификации и доступны даже начинающим хакерам. В то же время логично предположить, что рост эффективности кибертеррористической деятельности является лишь вопросом времени. В пользу этого тезиса говорит тот факт, что «киберхалифат», вдохновляемый идеологией ДАИШ, организационно расширяется. К настоящему моменту в состав «Объединенного киберхалифата» входят как минимум пять отдельных крупных группировок, среди которых выделяются непосредственно сам «киберхалифат» и «Исламская киберармия»¹⁵⁵. Определить мотивацию хакеров-членов киберхалифата довольно сложно в силу специфики организации их деятельности. С одной стороны, существуют специальные фетвы по вопросу о кибератаках как о методе ведения джихада. Первая известная фетва по киберджихаду появилась в мае 2000 года. На вопрос, разрешено ли отправлять вирусы для отключения или уничтожения интернет-сайтов, которые враждебны исламу и распространяют аморальные материалы, саудовский великий муфтий шейх Абд аль-Азиз дал положительный ответ. В частности, ответ гласил: «Если такой сайт враждебен Исламу, то лучшим вариантом было бы противодействовать ему добром, опровергать ложь и показывать его никчемность. Но если вы не можете ответить

¹⁵⁴ “Pro-ISIS Hacking Entity United Cyber Caliphate (UCC) Claims Hacking Of Over 900 Websites, 1,500 Social Media Accounts”, Jihad & Terrorism Threat Monitor, MEMRI, 27 July 2018, [https://www.memri.org/jttm/pro-isis-hacking-entity-united-cyber-caliphate-ucc-%E2%80%8Eclaims-hacking-over-900-websites-1500](https://www.memri.org/jttm/pro-isis-hacking-entity-united-cyber-caliphate-ucc%E2%80%8Eclaims-hacking-over-900-websites-1500).

¹⁵⁵ Парамонов, О. «Как устроена киберармия Исламского государства», *Хакер*, 2016, <https://xakep.ru/2016/04/30/isis-flashpoint/>

на него, и вы хотите его уничтожить, и у вас есть возможность сделать это, уничтожение является допустимым, потому что это злой сайт»¹⁵⁶. С другой стороны, нельзя исключить, что для части хакеров участие в деятельности киберхалифата является не вопросом религиозного фанатизма или идеологической убежденности, а способом заработать или заявить о своем потенциале.

Таким образом, учитывая наблюдаемую в настоящий момент невысокую эффективность деятельности, осуществляемой воодушевленными идеологией ДАИШ хакерами, логично признать, что и этот вид деятельности в большей степени является частью пропаганды. В пропагандистских же целях террористы используют и новые технические возможности осуществления атак в реальном пространстве. Примером может являться атака дронов на российскую авиабазу Хмеймим¹⁵⁷.

С 2017 года начинается «постхалифатовский» этап деятельности ДАИШ. Его качественные характеристики напрямую коррелируют с изменением финансовых и инфраструктурных возможностей организации. Поиск источников финансирования и решение вопросов новой «прописки» способствовали дальнейшей виртуализации ДАИШ, смене тактических подходов к пропагандистской деятельности. На смену тактике «пылесоса» пришла тактика «сеятеля». Принципиально, «тактика сеятеля» в исполнении ДАИШ мало отличается от варианта «Аль-Каиды». Она также ориентирована на стимулирование доморощенного террористического подполья на территории любых государств, и депрофессионализацию терроризма. В практическом измерении новый подход ДАИШ был реализован в призыве к применению тактики «одинокого волка». Еще в 2016 году ДАИШ порекомендовала своим сторонникам отказаться от выезда в Ирак и Сирию и сосредоточиться на организации

¹⁵⁶ "Saudi Grand Mufti Issues Fatwa Permitting Cyber-Jihad", *MEMRI Cyber & Jihad Lab*, 9 May 2013, <http://cjlaboratory.org/lab-projects/monitoring-fatwas-on-hacking/saudi-grand-mufti-issues-fatwa-permitting-cyber-jihad/>

¹⁵⁷ Минобороны России обвинило США в координации атаки дронов на Хмеймим, 25 октября 2018, <https://www.bbc.com/russian/news-45975410>

индивидуальных террористических атак по месту жительства. В качестве оружия предлагаются не самодельные взрывные устройства, а ножи, топоры, отвертки и тяжелые грузовики¹⁵⁸. В настоящий момент можно констатировать начало эпохи малобюджетного террора. Крайне низкая стоимость подготовки и осуществления теракта, отсутствие необходимости в наличии специальных навыков подрывной деятельности в совокупности с колоссальным эффектом в значительной степени повышают риск осуществления терактов.

Несмотря на то, что концепция автономного индивидуального джихада не является изобретением ДАИШ последних лет, следует отметить, что организация сумела предложить новый механизм ее продвижения в глобальном информационном пространстве. Во второй половине 2017 года, компенсируя утраченные возможности самостоятельно осуществлять идеологическую поддержку в глобальном масштабе, ДАИШ инициировало новую стратегию — «мунасирун». Мунасиры официально не являются частью ДАИШ, но представляют собой разрозненные группы, объединяющие сочувствующих и идеологически поддерживающих ДАИШ людей. Практика не новая, однако в настоящий момент традиционный для мунасир функционал в виде ретрансляции официальных каналов ДАИШ и архивирования исторического контента, дополняется новыми функциями. В частности, современные мунасиры генерируют собственный контент, осуществляют акции вдохновения и идеологической инкубации, а местами — и логистической поддержки планируемых терактов. Осуществленные в 2016-2017 годах в европейских странах теракты с использованием автомобилей и холодного оружия практически во всех случаях были автономны, т.е. не координировались и не управлялись непосредственно самим ДАИШ¹⁵⁹. Мотивация террористов происходила со стороны сети мунасир.

¹⁵⁸ Серенко, А. «Халифат при смерти, терроризм не сдается. Чего ждать миру после разгрома ИГ», Коммерсантъ, 28.08.2017, <https://www.kommersant.ru/doc/3391474>

¹⁵⁹ Гвоздева, Е. «Индивидуальный джихад. Трансформация ДАИШ после поражения в Сирии», Международный дискуссионный клуб Валдай, 12 февраля 2018, <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/individualnyy-dzhikhad/>

Очевидно, что деятельность мунасир будет представлять в ближайшее время одну из главных проблем в контексте организации противодействия распространению идеологии терроризма. Суть проблемы заключается в том, что информация и дискуссии, содержащиеся на форумах мунасир, зачастую не выходят за юридически допустимые рамки, что не дает возможности осуществления правоприменительных практик по отношению к ним. Напротив, участники сети могут в критическом ключе оценивать деятельность любых террористических группировок, за исключением ДАИШ. Участники дискуссий «размышляют» на теологические темы, критикуют кафиrow и т. д.

Основной площадкой деятельности сети мунасир остаются социальные сети. Процесс идеологической инкубации имеет многоуровневый характер. Ряд страничек ориентированы только на захват аудитории и содержат общие теолого-идеологические установки, а также «вдохновляющие» тексты о том, что «Халифат» не исчез в связи с потерей территорий, это всего лишь испытание, которое «ниспослал Всевышний». Другие странички представляют собой исламистские семинарии, на которых работа с аудиторией осуществляется наставниками, и стимулируются горизонтальные связи. Третьи ориентированы на «продвинутых» сторонников. Используемая на этих страничках терминология предполагает наличие у пользователя специфических знаний. Это закрытые форумы, обеспечивающие отсутствие случайных читателей.

Мессенджеры, в отличие от социальных сетей, в большей степени ориентированы на оперативное информирование пользователей и внутрисетевую коммуникацию. По сути, большая часть информации, касающейся обеспечения безопасности самих террористов, проходит по каналам мессенджеров, главным преимуществом которых является использование технологии сквозного шифрования. Учитывая этот факт, можно предположить, что именно мессенджеры станут основным каналом коммуникации и логистики террористов, и в случае отсутствия со стороны владельцев приложений готовности сотрудничать, все контртеррористические усилия будут сведены к нулю.

Спектр, размещаемых террористами в пропагандистских целях информационных материалов довольно широк и имеет форму мультимедийных коммуникаций, содержащих идеологические или практические наставления, разъяснения и любую другую, эмоционально воздействующую информационную продукцию. Стилистически изготавливаемые террористами материалы соответствуют всем современным трендам развития медиаиндустрии. Террористы активно используют клиповое мышление потребителей информации, предлагая, помимо видеосюжетов, большое количество инфографики. Аудиопродукция ориентирована на пробуждение требуемых эмоций и включает в себя не только проповеди, но и музыкальный ряд, содержащий композиции пропагандистского содержания. Изображения могут использовать комический стиль, стиль анимэ и тематику кошек. Помимо мультипликации, широкое распространение получили видеоигры, которые могут быть самостоятельно изготовленными или же использовать известные компьютерные игры, в рамках которых изображения значимых героев заменяются изображениями известных террористов.

Для генераторов террористически ориентированной информации большое значение имеет распространение материалов, демонстрирующих подготовку и результаты террористических актов. Причину такой значимости определил профессор факультета коммуникаций университета Хайфы Габриэль Вайнманн: «Современный терроризм можно понять с точки зрения тех же требований, какие предъявляются к любой театральной постановке: тщательная подготовка сценария, подбор актеров, декорации, реквизит, распределение и исполнение ролей, активная роль режиссера-ведущего в исполнении спектакля. Как и хорошая постановка драматических или балетных спектаклей, эффективная подача террористических актов в СМИ требует особого внимания к деталям»¹⁶⁰. При этом очевидно, что эффективность той или иной террористической акции измеря-

¹⁶⁰ Weimann, G. "Mass-Media Theater", *Countering the Terrorist Mentality*, eJournal USA, vol 12, No 5, 2008.

ется не количеством пострадавших, а количеством запуганных. На эту особенность терроризма обращал внимание Брюс Хоффман, утверждая, что успехи террористов лучше всего измерять не в масштабах обычной войны — боевыми потерями противника, объемом уничтоженных военных ресурсов или площадью захваченной территории, а тем, насколько эффективно террористы привлекают внимание к своему делу, насколько сильны психологическое воздействие и пагубное влияние, которые террористы смогли оказать на свою аудиторию»¹⁶¹.

Как и любой театральный акт, терроризм, использующий медиа, ориентирован на стимуляцию эмоций потребителей их информации. Еще в 2010 году лидер Аль-Каиды в Ливии Аби Яхья аль-Либи в инструкции по технике рекрутинга писал: «Эмоции и энтузиазм очень важны, и ими нельзя пренебрегать. Реакция простых людей на воздействие эмоций намного сильнее, чем влияние рациональных аргументов и научной дискуссии. Большинство простых людей незнакомо с научными дискуссиями и политическим анализом. Они действуют в соответствии со своими эмоциями»¹⁶².

Для террористических организаций, эксплуатирующих религиозную догматику, воздействие на эмоции является непременным условием, т.к. их идеология в принципе основывается на иррациональной аргументации. Это обстоятельство в значительной мере затрудняет процесс построения и продвижения контртеррористических нарративов. В данном контексте уместно также обратить внимание на два момента.

Во-первых, из всего информационного потока каждый отдельный потребитель информации «берет» только то, что отражает интересующую его тематику, предоставляющую возможность далее развить имеющиеся у него виртуальные образы

¹⁶¹ Хоффман, Б. «Разновидность психологической войны». Террористическая ментальность. Контрмеры. *eJournal USA*. Т.12, №5. (2008):8, <http://usinfo.state.gov/journals/itps/0507/ijpe/hoffman.htm>.

¹⁶² "This is how Osama bin Laden recruited Al-Qaeda cadres", Clarion Project, *Eenadu India*, 3 March 2018, <http://www.eenaduindia.com/news/international-news/2018/03/03065823/This-is-how-Osama-bin-Laden-recruited-AlQaeda-cadres.vpf>.

волнующих его объектов или ситуаций. Увлеченный идеологией терроризма человек вряд ли будет самостоятельно искать контраргументацию. Противодействие ситуации возможно либо в случае формирования у человека на ранних этапах его развития и социализации критического мышления, либо путем целенаправленного его погружения в среду контраргументации, что требует индивидуально ориентированного подхода, высококвалифицированных профессиональных кадров и значительных временных затрат.

Во-вторых, при построении и продвижении контртеррористических нарративов не всегда учитываются принципы функционирования социальной коммуникации. Как правило, предполагается, что передаваемые коммуникатором смыслы воспринимаются потребителем в полном объеме и адекватно переданному сообщению. В то же время выделяются два типа понимания — познавательное и коммуникационное. Познавательное понимание предполагает глубинное понимание и осмысление полученной информации. В данном случае потребитель информации способен осознать причинно-следственные связи, поведенческие мотивы, общие и специфические особенности и т. д. В результате познавательного понимания сообщения реципиент способен не только его ретранслировать, но и продуцировать на его основе новое знание. В случае коммуникационного понимания потребителем улавливается только непосредственно текст сообщения. При этом гносеологического понимания текста сообщения не происходит¹⁶³. Таким образом, следует признать, что не во всех случаях предлагаемый контрнарратив будет «услышан» и сформирует требуемый формат понимания.

В контексте построения эффективной модели противодействия пропаганде идеологии терроризма, безусловно, вызовом становится окончание «линейности» в смене террористических идеологий. История показывает, что концептуально система

¹⁶³ Соколов, А. «Введение в теорию социальной коммуникации», СПб.: СПбГУП, 1996, с. 320

противодействия глобальному терроризму «отстает» от темпов развития самого терроризма. Иллюстрация данной проблемы приведена в статье Одри Курта Кронина «ИГИЛ — не «Аль-Каида». В частности, автор обращает внимание на то, что, готовясь к борьбе с традиционным противником, США оказались не готовы к противостоянию с «Аль-Каидой». Последующие десять лет были посвящены изучению «Аль-Каиды» и разработке методов противодействия этому асимметричному врагу. Однако после возникновения ДАИШ оказалось, что все разработанные ранее меры не подходят для борьбы с нею¹⁶⁴. На протяжении последних пяти лет активно изучаются методы работы ДАИШ и идет активный поиск механизмов противодействия ее идеологии в информационном пространстве. В то же время специфика текущего момента заключается в том, что для него характерно наличие «объемной» модели пропаганды идеологии насильственного экстремизма и терроризма. Генераторы информационных потоков, продвигающих террористическую идеологию, при видимой схожести идеологий и механизмов ее продвижения, опираются на принципиально разные идеологические установки, формируют разнящиеся нарративы, ориентируются на разные фокусные аудитории и используют разные инструменты и каналы распространения информации.

¹⁶⁴ Кронин, О. К. «ИГИЛ — не Аль-Каида», *Foreign Affairs*, № 2, <http://www.globalaffairs.ru/number/IGIL--ne-gruppa-terroristov-17447>.

СЕССИЯ IV: ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ БОЕВИКОВ: ЕСТЬ ЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ?

Боевики Кыргызстана: почему они уезжают на чужую войну

Татьяна Дронзина

Почему молодые люди одной из самых либеральных — по крайней мере в религиозном отношении, стран в регионе уезжают в зарубежные террористические организации? Это основной исследовательский вопрос, на который мы попытаемся ответить.

В тексте будут использоваться результаты полевого исследования, которое было проведено в начале 2015 года в Кыргызстане. Исследование было проведено при содействии Антитеррористического центра СНГ, МВД и правоохранительных органов Кыргызстана, а также при поддержке организации «Searching for Common Ground», которая оказала помощь данной инициативе в логистическом и материальном плане. В исследовании будут использоваться также воспроизведения жизненных истории боевиков, составленные позже на основе опубликованных материалов.

Методы сбора эмпирического материала

Сбор эмпирического материала, который является самым критичным аспектом исследования, был проведен двумя способами: через анализ доступных опубликованных документов и через сбор информации от первичных источников в результате интервью с близкими боевиков или с самими боевиками.

Процесс проходил в три стадии: сбор, классификация и реконструирование жизненных истории боевиков.

Сначала была собрана информация о лицах, которые покинули страну предположительно для участия в террористических действиях. Список лиц был предоставлен мне Антитерро-

ристическим центром СНГ, в частности — региональным бюро в г. Бишкек.

На втором этапе собранная информация была классифицирована, в результате чего были разграничены различные группы боевиков: уехавшие воевать в Сирию на стороне Исламского государства, Северного фронта аль-Нусра или «Аль-Каиды»; присоединившиеся к Исламскому движению Узбекистана (ныне большинство из них располагаются в Вазиристане); и вернувшиеся на родину (некоторые отбыли свой срок и вышли на свободу, а другая часть все еще находятся в заключении).

На третьем этапе были реконструированы (воспроизведены) жизненные истории боевиков, таким образом, чтобы к ним применились несколько групп переменных. Первая группа касается демографических характеристик: возраст, образование, местожительство, семья, родители, экономическое положение, удовлетворенность от собственного экономического положения, степень религиозности. Вторая группа касается обстоятельств отъезда: логистика, организация и финансирование, а также отношение семьи, родственников и близких к подобному решению. Третья группа переменных касается личностных характеристик боевиков. Она была введена, чтобы понять оказывают ли такие черты, как склонность к насилию, к агрессии, неуравновешенность характера и т. д., влияние на индивидуальное решение покинуть страну и принять участие в чужой войне. Четвертая группа переменных нацелена на идентификацию мотивации боевиков.

Исследовательские методы

Наш основной исследовательский метод — это реконструкция или воспроизведение жизненных историй. Он был выбран, поскольку дает возможность понять специфические культурные особенности исследуемого объекта и концептуализировать взгляды на повседневный человеческий опыт.

В своем классическом виде метод жизненных историй дает возможность рассказывающему представить свою жизнь или

жизнь другого человека в своем собственном понимании. Этот подход, который основывается на нарративе, под пониманием естественной человеческой деятельности помогает нам понять, как различные жизненные траектории влияют на индивидуальное восприятие собственной персональной значимости. По причине ограниченности места и времени я не буду останавливаться больше на этой проблеме, которая подробно рассмотрена в моей книге «Терроризма женский лик», изданной в Казахстане в 2011 году.

Состояние проблемы

Прежде чем перейти к результатам исследования, я хотела бы сделать обзор литературы по данной проблематике и выявить основные позиции в международных научных дебатах.

Сразу надо отметить, что число источников не очень велико по сравнению с источниками тех, кто занимается вопросами радикализации на Ближнем Востоке или в других регионах Азии. Причин много: для центральноазиатских обществ это сравнительно новый вызов; отсутствие работ, основанных на эмпирических исследованиях со стороны центральноазиатских ученых; языковой барьер также необходимо принимать во внимание. В связи с тенденцией растущего интереса к данной проблематике, которая, возможно, сохранится в будущем, данное исследование являлось одним из первых эмпирических исследований в указанном направлении.

В 2017-2018 годах появились интересные исследования зарубежных авторов и международных организаций — ООН, ОБСЕ, Кризисной группы. В целом, они подтверждают мои заключения, которые были впервые обнародованы в Кыргызстане в марте 2015 года.

Радикализация — это сложный процесс, и ее надо рассматривать с различных точек зрения. По этому поводу Бавна Даве пишет: «Радикализация обсуждается, как если бы это было одно явление, но на самом деле оно связано со множеством различных процессов, включая характер правительства, его неспособность обеспечить

благополучие и надлежащее образование, развитие, уважение к свободам, а также безопасность и стабильность. Это также связано с пропагандой и отсутствием образования, отсутствием надлежащих знаний об исламе, которое открывает возможности для всех групп с различными интересами в поддержке растущей индустрии радикального ислама. Таким образом, радикализация является результатом многих различных факторов, в том числе психологических. Стресс подталкивает людей искать убежище в ответ на ложную пропаганду о том, что такое ислам. Поэтому я хотел бы предложить, чтобы мы сосредоточились на том, что такое радикализация и как она происходит, а не на том, в какой степени радикализация представляет собой тенденцию. Радикализация связана с многочисленными социальными, экономическими и политическими проблемами»¹⁶⁵.

Некоторые аналитики считают, что я тоже придерживаюсь этого мнения, что характер политических режимов в центральноазиатских странах не может полностью объяснить индивидуальное решение присоединиться к зарубежной террористической организации. Тогда почему ее жители уходят на чужую войну? Сванте Корнелл (Svante Cornell) считает, что большинство из них радикализировано не в своих собственных странах, а в России, куда они едут трудовыми мигрантами: «Более 80 процентов жителей Центральной Азии, которые прибыли в Сирию, были там завербованы. Как заключила либеральная российская газета «Новая газета», «дорога в ИГ проходит через Москву». Это означает, что, если мы действительно хотим понять, почему выходцы из Центральной Азии привлекаются к экстремистским группам, недостаточно указывать на системы управления в регионе или на их экономическое положение.»¹⁶⁶ Это довольно состоятельное утверждение, хотя автор и не указыва-

¹⁶⁵ Bhavna Davé. October 31, 2017. The complex reality of radicalisation in Central Asia.. The New Eastern Europe. <http://neweasterneurope.eu/2017/10/31/complex-reality-radicalisation-central-asia/>

¹⁶⁶ Svante Cornell. November 15, 2017. Central Asia Is Not a Breeding Ground for Radicalization. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2017/11/central-asia-is-not-a-breeding-ground-for-radicalization/>

ет на источник данных. Тот же самый автор развивает дальше свои суждения, добавляя, что процесс радикализации протекает не только в России, но и на полях боя в Сирии и Афганистане¹⁶⁷.

Не менее важное объяснение — это стремление молодых людей к идентичности и поиску смысла жизни: «Советское наследие атеизма означает, что многие молодые люди в Центральной Азии, ... не выросли с сильно укоренившейся религиозной традицией, которая могла бы стать противовесом экстремизму. Между тем, их общества меняются в быстром темпе. Новые государства Центральной Азии пытаются развить новые и убедительные национальные идентичности, но этот процесс занимает много времени»¹⁶⁸.

В области исследований радикализации в Центральной Азии идут оживленные дебаты, а мнения иногда серьезно расходятся. Доказательство тому — открытое письмо группы ученых¹⁶⁹, работающих по проблемам региона, которое отразило их острое несогласие с заключениями аналитического доклада Международной кризисной группы Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalisation¹⁷⁰. Такие факты необходимо воспринимать спокойно, имея ввиду новизну проблемы для центральноазиатских обществ.¹⁷¹

Результаты исследования

В результате этого исследования были восстановлены жизненные истории 30 уехавших, среди них — мужчины и женщины. 22 истории были реконструированы на основе интервью

¹⁶⁷ Svante E. Cornell. 2018. Central Asia: Where did Islamic Radicalization Go?. n Religion, Conflict and Stability in the Former Soviet Union, eds. Katya Migacheva and Bryan Frederick, Arlington, VA: RAND Corporation.

¹⁶⁸ Svante Cornell. November 15, 2017. Central Asia Is Not a Breeding Ground for Radicalization. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2017/11/central-asia-is-not-a-breeding-ground-for-radicalization/>

¹⁶⁹ Crisis group. 2017. Understanding Radicalisation in Central Asia. <https://www.crisisgroup.org/who-we-are/crisis-group-updates/understanding-radicalisation-central-asia>

¹⁷⁰ Crisis group. 2016. Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalisation. <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/kyrgyzstan/kyrgyzstan-state-fragility-and-radicalisation>

¹⁷¹ Roger Kangas. Redefining Extremism in Central Asia. ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security. Issue No. 541 April 2018, <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/ISPSW-541%20Kangas.pdf>

с семьями, 3 — непосредственно с боевиками и 5 — по материалам СМИ.

Возраст

Большинство кыргызстанских граждан, принимающих участие в чужой войне, совершеннолетние. Основная часть — в возрасте между 22 и 28 годами. Самому младшему — 16 лет, самому старшему — 39 лет. Среди женщин есть 16 и 17-летние. Можно сделать вывод, что рискованный контингент — это мужчины и женщины до 40-летнего возраста.

Местопроживание

Семеро из включенных в исследование лиц проживают или проживали в Чуйской области, остальные — в Ошской области. Большая часть этих людей — это уроженцы Юга, что делает этот район особенно кризисным с точки зрения превенции интересующей нас угрозы. В то же самое время, на основе опыта других стран, можно сказать, что ни одна область страны не может считать себя иммунизированной против этой угрозы.

Семейное положение

Большинство боевиков женаты, у них 2-3 и больше детей. Производит впечатление то, что семейные обязанности и обязанности перед родителями и другими родственниками не являются фактором, который может остановить тех, кто принял решение поучаствовать в чужой войне.

В связи с семейным положением есть несколько деталей, на которые надо специально обратить внимание. Первое обстоятельство сводится к тому, что многие боевики покидают страну со своей женой (в некоторых случаях — со своими женами) и детьми, с намерением устроиться на новом месте «семейно». Второе — по свидетельству близких, они не были информированы об этом решении. И третье — боевики уезжают группами из определенных населенных пунктов, что заставляет нас думать, что там, скорее всего действуют вербовщики, помогающие организовать финансирование и логистику поездок.

Образование

Вопреки общепринятому взгляду, что уезжают необразованные или безграмотные, наше исследование установило, что 18 из всех уехавших закончили 11 классов и имеют среднее образование. Четыре человека учились в университете или закончили его. Восемь закончили 9 классов, то есть имеют незаконченное среднее образование. Некоторые учились в медресе в Кыргызстане или получили религиозное образование за рубежом. Почти никто не имел профессионального образования. В значительной степени это соответствует результатам исследований других авторов, которые тоже отмечают сравнительно хороший уровень образования террористов. Эти результаты довольно последовательны — начиная со статьи Насры Хассан, опубликованной в 2001 году (250 респондентов, Hassan, Nasra. 2001. “An Arsenal of Believers” *The New Yorker*, November 19, pp. 36-41.) и кончая самыми новыми публикациями (Daniel Brennan, Miguel de Corral, *The Fight Against Terror Needs Better Data*. *Foreign policy*, October 2, 2018.) Насра Хассан пишет: «Никто из них (из интервьюированных ею террористов), не был не образован, безнадежно беден или депрессирован».¹⁷² Бренан и Де Коррал, в свою очередь, отмечают: «Случай Туниса показывает, что гнев и разочарование среднего класса в Тунисе являются более мощными стимулами радикализации, чем бедность и безработица»¹⁷³. Того же мнения придерживается и бесспорный знаток Центральной Азии Бавна Даве, которая обращает внимание на следующее: «Некоторые из доступных исследований показывают, что многие из тех, кто был нанят ИГИЛ и другими сетями, не обязательно не образованы; некоторые из них, возможно, получили вполне приличное образование. Другими словами, было бы неточно утверждать, что к радикальным

¹⁷² Hassan, Nasra. 2001. “An Arsenal of Believers,” *The New Yorker*, November 19, pp. 36-41.

¹⁷³ Daniel Brennan, Miguel de Corral, *The Fight Against Terror Needs Better Data*. *Foreign policy*, October 2, 2018.

идеологиям привлекаются только те, кто не имеет надлежащего образования и возможностей»¹⁷⁴.

Экономический статус

Экономический статус боевиков был определен на основе самооценки интервьюированных (боевиков или их семей), а также на основе наблюдения исследователей, которые проводили интервью. Большинство оценивают себя как люди среднего достатка. Двое заявляют, что у них отличные жизненные условия. В условиях ниже среднего уровня жили 4 человек. В долговую яму попал только один, который потерял чужой скот и не мог восстановить убытки даже с помощью родителей своей жены. И среди мужчин, и среди женщин были люди, которые зарабатывали более чем достойно для условий Кыргызстана. Например, один из уехавших из Чуйской области зарабатывал приблизительно 1000 долларов в месяц. Девушка из Карабалты работала парикмахером, зарабатывая приблизительно 1000-2000 сомов в день. Кроме того, большинство боевиков были завербованы в России, где они зарабатывали достаточно, чтобы жить и высылать деньги своим семьям. Об остальных информации нет.

Наблюдения интервьюирующих подтверждают мнения респондентов. В большинстве случаев дома, которые мы посетили, были большими и удобными, находились на среднем уровне и уровне выше среднего для соответствующего населенного пункта, были ухоженными, теплыми и удобными.

В то же самое время надо признать, что социальные услуги в тех местах, которые мы посетили, исключительно неразвитые. Нет условий для занятия спортом или досуга; почти не существуют возможности для разумного и приятного проведения свободного времени. Специально для женщин имеются очень ограниченные возможности для образования и социального общения вне семьи. Исходя из этого, а также имея ввиду опыт других стран, мы не исключаем, что плохое качество социаль-

¹⁷⁴ Bhavna Davé. October 31, 2017. The complex reality of radicalisation in Central Asia. The New Eastern Europe. <http://neweasterneurope.eu/2017/10/31/complex-reality-radicalisation-central-asia/>

ных услуг или их отсутствие может являться относительно веским мотивом в принятии индивидуального решения.

Личностные качества

Как было указано ранее, эта переменная была введена с целью исследовать влияние личностных качеств на индивидуальное решение. Мы специально интересовались, были ли среди боевиков люди, которые отличались агрессивностью, склонностью к насилию, неуравновешенностью и вспыльчивостью. Данные исследования свидетельствуют, что никто из уехавших не проявил особую склонность к агрессии и насилию; зато двое были описаны своими близкими как неуравновешенные и склонные к спонтанному и не всегда обдуманному принятию решений. Характерно также то, что многие из выехавших парней занимались спортом.

Степень религиозности

Этот вопрос всегда привлекает особый интерес, поскольку есть предположения, что уехавшие отличаются особенно глубокой религиозностью и что они уехали сражаться, потому что таков, по их мнению, был их долг как мусульман.

Для измерения степени религиозности мы использовали несколько индикаторов: изменения во внешнем виде, изменения в кругу друзей (порвались связи со старыми друзьями и наладились дружеские отношения с новыми лицами); изменения в отношениях с семьей и родителями. Большинство (14) отличались умеренной религиозностью. Мать парня, пропавшего без вести после отъезда, сорокалетняя женщина, медсестра по профессии, утверждает, что, хотя ее свекр был имамом, он никого не заставлял совершать намаз 5 раз в день, а учил свою семью соблюдать моральные требования ислама. Родственница недавно скончавшегося молодого человека, с высшим образованием, бухгалтер по профессии, утверждала, что в их русскоговорящей семье никто никогда особо не соблюдал религиозных обрядов, хотя они считают себя добрыми мусульманами из-за того, что стараются жить по требованиям своей религии.

Производит впечатление то, что некоторые стали особенно религиозными после того, как попали под влияние определенных радикальных элементов. Отец двух девушек, которые уехали в Сирию вслед за своими любимыми, например, утверждает, что, хотя он был против, его дочери стали носить хиджаб, закрывали лицо и ограничивали себя в характерных для молодых людей удовольствиях: перестали смотреть телевизор, не общались с ровесницами и подругами и т. д. С другой стороны, некоторые семьи оказались сильно религиозными, и на них не произвело отрицательного впечатления то, что их сыновья и дочери стали подчеркивать свою религиозную принадлежность внешними атрибутами, такими как, например, хиджаб (для женщин), борода и прекращение употребления спиртного для мужчин и своевременное совершение намаза. Наоборот, их даже это обрадовало, поскольку они считали, что их дети избавились от определенных вредных пороков. Однако от внимания семей не ускользнул тот факт, что их дети стали общаться с новыми друзьями и меньше — с родителями, что их насторожило до известной степени. Вместе с тем семьи не знали, к кому обратиться за советом и за помощью. Они не пошли на контакт с органами безопасности из-за опасения, что тем самым навредят своим близким. С другой стороны, им были неизвестны организации, которые оказывают помощь и поддержку людям в их положении. С третьей стороны, в своих махаллях и местных сообществах они оказались в изоляции. Особенно в маленьких населенных пунктах, где люди знают все друг о друге: соседи стали избегать их. Предоставленные самим себе, некоторые семьи попытались предпринять какие-то ответные меры, но большинство бездействовали. Отец боевика, сражающегося на стороне ИГИЛ в Сирии, находясь в полном отчаянии, заявил: «Мой сын не хочет возвращаться из-за страха, что его посадят. От государства никакой помощи. В махалле люди меня избегают. Что мне остается кроме поехать следом за ним в Сирию?»

Религиозность: степень религиозной грамотности

Кроме степени религиозности, это исследование сосредоточилось и на степени религиозной грамотности. В качестве индикаторов ее определения были использованы: получение религиозного образования в стране или за рубежом и три контрольных вопроса: «Что такое джихад?» «Можно ли поехать на джихад без разрешения родителей?» «При каких условиях можно стать шахидом?» Здесь особый интерес представляют ответы трех джихадистов: один отбыл срок, другие два все еще находились в заключении. Все единодушно ответили, что джихад — это участие в войне против неверных. Никто не знал значение понятия «малого джихада» и «большого джихада», никто не слышал притчу о том, какие объяснения дал Пророк своим последователям насчет этого вопроса. Под влиянием своих радикальных наставников они усвоили единственно военизированное значение термина, но не имеют никакого понятия о том, что джихад означает, прежде всего, борьбу против зла в нас самих.

Подобные ответы были получены и на второй контрольный вопрос. Все заявили, что уехали без согласия родителей, и никто не знал, что в исламе требуется именно такое согласие. Кстати, точно такие инструкции можно найти в социальных сетях и аккаунтах пиар-специалистов ИГИЛ. Авторы этого текста продолжительное время отслеживали аккаунты в Твиттере трех женщин европейского происхождения, которые, по утверждению среди научной общественности мнению, связывались с потенциальными рекрутами. Было установлено, что многие кандидаты в боевики просят совета, как поступать в случае несогласия семьи с их присоединением к террористической организации. Все советы были в одном духе: что они должны уехать вопреки всему, а Всевышний позаботится об остальном. Предполагается, что подобные советы они получили и от своих вербовщиков.

Касательно третьего вопроса, респонденты ответили, что им неизвестно, что шахидом можно стать только при объявленной

войне, а сирийский конфликт не подпадает под это определение. Кроме этих контрольных вопросов, исследователи задали еще дополнительный вопрос: «Почему вы поехали именно в Сирию, а не в Палестину, где тоже страдают мусульмане?». Убедительного ответа они не получили, поскольку респонденты заявили, что им неизвестно что происходит в Палестине. Это подтверждает заключения кыргызских силовиков о существовании сетей, которые рекрутируют боевиков именно для определенных организаций, в нашем случае — для «Исламского государства» и схожих с ним террористических организаций, действующих на территории Сирии и Ирака, а также для традиционно влиятельного в регионе Исламского движения Узбекистана.

Процессы радикализации

Почти единодушно респонденты ответили, что радикализация боевиков происходит преимущественно под влиянием материалов, опубликованных в Интернете. Нельзя отрицать, что социальные сети и новые информационные технологии играют значительную роль в этом процессе. При этом надо иметь в виду, что пропагандистские материалы террористических организаций профессионально разработаны и, несмотря на их прямые и порою грубые внушения, оказывают существенное влияние на определенные социальные группы. Вопреки этому, мы идентифицировали только два случая вербовки по Интернету, что наводит на мысль о том, что новые социальные сети лишь создают установку к радикализации, но эта установка превращается в повторяющийся тип поведения только после общения с единомышленниками на местах. Кроме того, не были найдены доказательства тому, что логистика и организация трансфера боевиков осуществлялись виртуальным образом. Исследователи продолжительное время заходили в аккаунты известных радикалов «Исламского государства» и спрашивали о конкретных напутствиях, как доехать до Сирии, но ни разу не добились

какого-то ясного ответа, кроме общих инструкций, что брать и чего не брать с собой и как поступить в случае несогласия семьи.

Некоторые салафитские центры также являются пространством, в котором происходит радикализация части населения. Сюда надо добавить и медресе, особенно те, которыми руководят радикальные имамы и муллы.

Не менее интересен и вопрос, где географически осуществляется процесс радикализации. В случае Кыргызстана большинство исследуемых боевиков завербованы в России. Как там этот процесс происходил, мы можем только предполагать, поскольку у нас нет доступных научных данных.

Персональная мотивация

В персональной мотивации можно разграничить несколько слоев. Первый составлен идеологическими мотивами, связанными с религией. Среди них можно перечислить следующие: борьба против кафи́ров и врагов ислама, борьба против грешников и управляющих; желание участвовать в построении «Исламского государства». Здесь нельзя пропускать и стремление к мученичеству, желание стать шахидами, желание поучаствовать в джихаде — таком, каким он ими понимается.

Второй слой составлен идеологическими мотивами, не связанными с религией, такими как, например: нужда иметь социальный идеал, в данном случае — построение халифата; желание быть активным строителем своей жизни и общества, желание бороться против режима Башара аль-Асада, желание бороться за свободу и справедливость. Эти мотивы очень похожи на мотивы новых социальных движений 60-х и 70-х годов, которые хорошо знакомы исследователям. Кстати, надо отдельно отметить, что, после Афганистана, это самая большая концентрация зарубежных боевиков в мире. Однако далеко не единственная. Вдохновляющая сила социального идеала была хорошо видна во время гражданской войны в Испании (1936 г.), когда в страну стекались люди со всего земного шара, и среди них — такие замечательные творцы мировой известности, как,

например, американский писатель Эрнест Хемингуэй. Поэтому специально надо отметить, что сила и аттрактивность социального идеала являются исключительно эффективным средством политической мобилизации.

Третий слой мотивации, скорее всего, имеет экономический характер. Хотя семьи, да и сами боевики отрицали, что они едут из-за денег, можно предположить, что стагнация в России, куда кыргызстанцы традиционно едут на заработки, возможно, заставляла часть из них искать другие источники доходов.

Четвертый слой мотивации связан с проблемами интеграции. Не секрет, что интеграция выходцев из Центральной Азии в России — сложный процесс, имея ввиду растущие ксенофобские настроения в этой стране. С другой стороны, узбеки — самая неинтегрированная часть в кыргызстанском обществе, поэтому неудивительно, что этнические узбеки составляют значительный процент среди боевиков.

Пятый слой мотивации связан с тем, что мы здесь называем «убожество местной жизни». Значительная часть боевиков и их жен практически не знают, как может функционировать общество с налаженными социальными услугами, разумным проведением свободного времени и досуга. Им знакома только школа и потом — иммигрантская жизнь в России, со всеми ее лишениями и трудностями. Очевидно, в какой-то момент у них появляется желание разорвать узкий кругозор повседневной жизни, желание повидать мир и уехать, попасть в авантюру, которая сделает собственную жизнь интересной и волнующей. Не на последнем месте, многими, вероятно, руководила романтика и возможность реализовать себя.

Для женщин характерно желание поехать за своими мужьями или найти в новом мире себе жениха и создать семью по всем, как они думают, мусульманским законам. Стремление реализовать свою женскую идентичность такой, какой они ее видят, жить в любви и согласии в своей семье, вероятно, является сильным мотиватором их поведения. Так, например, две девушки из Чуйской области поехали к своим парням-боевикам;

в Ошской области отец девушки рассказал нам о своей дочери, которая поехала за своим любимым турецкой национальности. Кыргызстанская женщина, мать одного ребенка, проживающая несколько лет в Стамбуле, поехала в Сирию, веря, что там строится настоящее исламское государство, которое спасет ее сына от пороков современности — алкоголя, курения, наркотической зависимости, внебрачных половых отношений.

Среди мотивов не надо пропускать и страх того, что, если боевики вернуться на родину, они попадут под суд из-за своего участия в зарубежных террористических организациях. Многие семьи пытались связаться со своими близкими и многие поехали в Сирию, однако незначительное число связались со своими родственниками — то ли из-за их нежелания общаться, то ли из-за невозможности найти их на территории, контролируемой радикальной сирийской оппозицией.

Надо отметить, что вряд ли один мотив определяет индивидуальное решение уехавших. Так, например, мы столкнулись со случаем одного парня, который покинул страну из-за несчастной любви. Родители его любимой девушки не разрешили ей выйти за него замуж. Семья описала его как молодого человека застенчивого характера, закомплексованного, страдавшего от безработицы и неприятия. Уехав в Вазиристан, он не только справился со своей личной травмой, но нашел и отличную профессиональную реализацию. Он оказался талантливым журналистом, который создал и разместил в интернете 17 тридцатиминутных роликов, посвященных каузе его организации. Анализ его вербального и невербального поведения раскрыл перед нами молодого человека, довольного своей судьбой, который не только «состоялся» в профессиональном и личном отношении, но и чувствует себя счастливым и довольным своим нынешним статусом. По нашим оценкам, его вряд ли можно убедить вернуться на родину: доказательство тому — тот факт, что он ни разу не ответил на попытки его матери связаться с ним.

Некоторые выводы

На основе полученного материала можно сделать следующие выводы:

1. Индивидуальное решение присоединиться к зарубежным террористическим организациям принимается под воздействием множества факторов — внешних и внутренних.

2. Индивидуальное решение вряд ли может рассматриваться как результат молодости, хотя возможно рассматривать его как функцию определенной социальной и образовательной незрелости.

3. Семейный статус не является значимым фактором индивидуального решения.

4. Боевиков, выехавших из страны, нельзя считать обездоленными, безграмотными людьми. При этом обращает на себя внимание отсутствие профессионального образования и профессии у многих из них.

5. Экономическое положение не является решающим фактором выезда большинства боевиков.

6. Степень религиозности вряд ли можно считать определяющим фактором индивидуального решения.

7. Религиозная безграмотность влияет на индивидуальное решение, потому что создает условия для введения в заблуждение потенциальных боевиков.

8. Радикализация происходит преимущественно за рубежом (трудовая миграция, религиозное обучение за рубежом).

9. Социальные сети сильно влияют на персональные установки к радикализации.

10. По нашему мнению, вербовка осуществляется, скорее всего, вербовочной сетью, действующей в стране и за ее пределами. Именно она несет ответственность за логистику и организацию поездок.

11. Мотивация сложная и состоит из множества слоев. Среди основных мотивов можно выделить идеологические мотивы, связанные с религией, и идеологические мотивы, не связанные с религией, экономические мотивы, мотивы, связанные с желанием сделать свою жизнь интересной и волнующей, страх привлечения к суду в случае возвращения на родину.

12. Как правило, индивидуальное решение принимается под воздействием множества мотивов.

13. К моменту отъезда кыргызстанские боевики отличаются различной степенью радикализации.

14. Можно предположить, что к моменту приезда на родину они более радикализированы, чем до отъезда, но различная степень радикализации может сохраниться.

Итак, почему кыргызстанские боевики идут на чужую войну?

Короткий ответ: потому что они становятся объектом воздействия множества внутренних и внешних факторов. Полный ответ получится длинным и весьма сложным. Мотивация включает идеологические мотивы, связанные или не связанные с религией, экономические мотивы, мотивы, связанные с желанием сделать свою жизнь интересной и волнующей, страх привлечения к суду в случае возвращения на родину. Боевики уезжают, потому что становятся жертвой сетей вербовщиков, которые эксплуатируют их желание вести жизнь настоящего мусульманина. Так как они стремятся к социальной справедливости, которой, по их мнению, на их родине нет; потому что хотят быть главными героями своей жизни, которой в их патриархальных обществах управляют традиции, авторитет старших и мужчин; они уезжают, потому что не желают жить в условиях коррупции, которая перекрывает им дороги к благосостоянию и достойной жизни. Уезжают, потому что они поверили большому обману об Исламском государстве, которое обслуживает интересы ненастоящих мусульман, а одной радикальной элиты, которая за свою прибыль расплачивается жизнями других.

Некоторые рекомендации

На основе вышеизложенного можно выделить следующие рекомендации:

1. Рассматривать консолидацию гражданской и демократической кыргызстанской нации и эффективное функционирование государственной администрации как основы действенных усилий для ограничения участия кыргызстанских граждан в чужих войнах.

2. Рассматривать верховенство закона (судить каждого по делам) как основу антитеррористических усилий. Создать у общества понимание того, что участие в зарубежных террористических действиях является преступлением по национальным законам и что за подобное деяние надо отвечать перед судом. В то же время, разъяснять, особенно семьям боевиков и, по возможности, самим боевикам, что лучше вернуться на родину, понести свое наказание и реинтегрироваться в общество, чем погибнуть или ухудшать свое состояние через дальнейшее участие в террористических действиях.

3. Рассматривать предоставление со стороны государства доступа к качественным социальным услугам как условие идентификации граждан со своей нацией, которое, вместе с другими мерами, может привести к ограничению участия граждан Кыргызстана в чужих войнах.

4. Воспитать чувство патриотизма и гордости от принадлежности к кыргызской нации.

5. Повышать компетентность и квалификацию умеренного духовенства, которое является фактором первостепенной важности в борьбе с радикальными интерпретациями ислама.

6. Создавать среди населения понимание, что радикальные интерпретации ислама чужды традициям и обычаям Кыргызстана.

7. Давать возможность журналистам, работающим по теме о боевиках, повышать свою квалификацию при помощи дистанционного и электронного обучения, что поможет им информировать своих читателей более объективным образом.

8. Поддерживать сотрудничество между органами безопасности и учеными в духе лучших международных практик и опыта. В Кыргызстане, как во всех развитых странах, ученые и силовики должны работать совместно во имя сохранения национальной безопасности.

9. Создать бесплатную телефонную линию, доступную всему населению, которой может воспользоваться каждый, кто чувствует себя под угрозой воздействия радикальных сетей.

10. Создать центры реабилитации и реинтеграции для лиц, которые находились под влиянием радикальных религиозных

или других сект, чтобы поддержать их возвращение к соответствующему образу жизни.

11. Создать в обществе понимание разницы между традиционным исламом и его радикальными интерпретациями. Мы рекомендуем разработать брошюры с простыми и доступными объяснениями, с акцентом на следующих пунктах. Что такое джихад? При каких условиях можно поехать на джихад? Что такое шахада (мученичество)? Кто и при каких условиях может стать шахидом?

12. Использовать в антитеррористических усилиях бывших боевиков, которые отбыли свой срок и успешно реинтегрировались в обществе.

13. Активизировать усилия соответствующих агентств и ведомств, таких как, например, Министерство труда и социальной защиты, когда речь идет о предотвращении выезда детей с подозрением, что они могут впоследствии оказаться со своими родителями в зонах террористических действий.

14. Отслеживать и нейтрализовывать радикальные сайты.

15. Высылать официальных представителей МИД и МВД в Турцию, чтобы сотрудничать с теми гражданами страны, которые поехали искать и вернуть своих близких или отговорить их от выезда в Сирию.

16. Поддерживать неправительственные организации, особенно те, которые занимаются вопросами гендера, в их стремлении разъяснить женщинам преступный и опасный характер участия в зарубежных террористических организациях.

17. Провести разъяснительную работу в обществе и дать ясные инструкции о безопасности поездки в другие страны. Эти инструкции должны включать простые и понятные положения, такие как, например: рекомендовать не ехать одним в рискованные зоны; всегда оставлять близким адрес пункта назначения; предварительно проверить в Интернете существует ли та организация, которая вас приглашает; быть в постоянном контакте с семьей.

Выходцы из Узбекистана — члены террористических организаций в Сирии и Ираке: современное состояние и перспективы

Бахтиер Эргашев

Введение

В целом успешная кампания войск западной коалиции в Ираке и Сирии и коалиции сил правительства Сирии, Ирана, России и частично — Турции в Сирии против боевиков ИГИЛ и «Джабхат-ан-Нусры» («Аль-Каида») поставили вопрос о вероятном исходе значительной части боевиков из этих стран.

Понятно, что разгром террористов в Ираке и Сирии, решив часть проблемы, создал целый ряд других проблем для других стран. Прошедшие подготовку и получившие реальный боевой опыт члены террористических организаций имеют потенциал для превращения в ударные отряды для действий в других регионах и странах.

И на сегодня определились основные пути миграции этих боевиков: это Афганистан, Северная Африка в целом и европейские страны.

И эта опасность осознается элитами тех стран, которых напрямую коснутся последствия перебазирования боевиков в указанные страны и регионы. В частности, президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев заявил: «Соседние с Сирией страны говорят о победе над террористами. Хорошо. А дальше что? Куда они (террористы — ред.) дальше пойдут? Неизвестно»¹⁷⁵.

Продолжая эту линию рассуждений, министр иностранных дел России С.В. Лавров 15 декабря 2017 года заявил: «Мы встревожены тем, что на границах с нашими соседями, союз-

¹⁷⁵ «Исход боевиков из Сирии не решает проблему терроризма, заявил Мирзиёев», РИА Новости, 7 декабря 2017 г. [“The exodus of militants from Syria does not solve the problem of terrorism, Mirziyoyev stated”, RIA Novosti, 7 December 2017], <https://ria.ru/syria/20171207/1510457248.html>

никами — центрально-азиатскими странами игиловцы наращивают свое присутствие. Прежде всего, в Афганистане, где они стремятся на север. Это наводит на мысль, что Центральная Азия является следующей целью»¹⁷⁶.

Таким образом, есть реальная опасность переноса активности боевиков, аффилированных с ИГИЛ и «Аль-Каидой» из Сирии и Ирака в Афганистан, с последующей дестабилизацией стран ЦА.

При этом существует понимание того, что борьба с боевиками ИГИЛ включает в себя, помимо военных и специальных операций, то, что можно объединить общим понятием «силовое противодействие», реализацию целостной политики идеологической борьбы с проповедью религиозного фундаментализма и экстремизма, направленной на дерадикализацию и ресоциализацию граждан, прежде всего — молодежи, попавшей под влияние идей фундаменталистов.

Говоря об этом, президент Узбекистана отмечал, что применение в основном силовых методов борьбы с террористами себя не оправдывает, необходимо продолжить работу по раскрытию в молодежной среде истинных целей ислама, который ничего общего не имеет с группами террористов и экстремистов, и что в стране необходимо обеспечить условия для самореализации молодёжи, которая может попасть под воздействие идеологии радикализма и экстремизма. И это критически важно для Узбекистана, где 60 % населения составляют молодые люди младше 30 лет.

Обзор литературы, посвященной исследованию вопросов изучения внутренней структуры и идеологии экстремистских, террористических организаций религиозной направленности, позволяет сделать несколько выводов. 1. В силу специфики самой темы, труднодоступности статистики по численности тер-

¹⁷⁶ Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and replies to media questions during the Government Hour in the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, December 15, 2017, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 15 December 2017, http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5K-JWVmR/content/id/2992396

рористических организаций, существуют большие проблемы с доступом к такой статистике. 2. Другая крайность — это статистика по численности и деятельности террористических организаций, доступная исследователям через информационные ресурсы (прежде всего, в сети Интернет), которые напрямую или опосредствованно аффилированы с террористическими организациями. Для этой группы источников характерно целенаправленно преувеличенные данные о численности, количестве проведенных актов/акций. При этом такие данные могут в несколько раз отличаться (в сторону увеличения) по сравнению с данными спецслужб и общественных организаций, работающих в направлении отслеживания и противодействия практике и идеологии террористических организаций. 3. Как результат, в исследовательских работах, посвященных тематике генезиса и деятельности тех или иных террористических организаций, налицо проблема серьезных расхождений в методах и подходах (и, соответственно, результатах) по оценке реального потенциала террористических организаций.

А это ошибки не академического характера. Недостатки в расчетах исследователей, занимающихся данной темой — это возможные ошибки в прогнозировании потенциальных угроз, их размеров и последствий в рамках государственной политики противодействия угрозам терроризма. Кроме того, такие ошибки (намеренные или преднамеренные) — это возможность для манипулирования общественным мнением, в сторону как уменьшения, так и преувеличения масштабов угроз со стороны террористических организаций.

Поэтому важнейшей задачей для исследователей, работающих в данном направлении, является необходимость осторожного, я бы сказал, бережного отношения к материалу, к статистике. Чтобы исследователь обладал своеобразной «бритвой Оккама», когда нужно уметь различать и отбрасывать односторонние подходы, преувеличенную статистику, уметь различать реальное исследование и продукт информационного манипулирования и пропаганды.

В Узбекистане, в силу существующих подходов к СМИ и информационной политике, когда тематика противодействия религиозному экстремизму и терроризму жестко контролируется со стороны государства, отсутствуют исследования и публикации на их основе, в которых в академическом формате (вне пропагандистских стереотипов и штампов) рассматривались бы вопросы принципов формирования, существующей численности и идеологических аспектов деятельности террористических организаций, действующих в Узбекистане, в странах-соседах ЦА и странах, примыкающих к региону.

В данной работе автор стремился, на основе сравнительно-сопоставительного анализа, определить основные аспекты и потенциал государственной политики по противодействию идеологии религиозного экстремизма и терроризма, по анализу политики по дерадикализации и ресоциализации среди, прежде всего молодежи, попавшей под влияние проповедников экстремизма в Узбекистане на основе опыта постсоветского периода. Данная статья готовилась на основе изучения разнообразных источников (печатных изданий, интернет-источников), публикуемых как на русском, так и на иностранных языках.

Из публикаций, посвященных тематике анализа формирования и определения численности боевиков, членов террористических организаций из выходцев из Центральной Азии большой интерес представляет совместная работа авторов Ерлана Карина и Джейкоба Зенн «Между ИГИЛ и «Аль-Каидой»: центрально-азиатские боевики в Сирийской войне»¹⁷⁷. Авторы, на основе глубокого изучения различных источников, на основе сравнительно-сопоставительного анализа, подготовили работу, которая дает целостное представление о существующих террористических организациях, воюющих на территории Сирии в составе ИГИЛ и «Аль-Каиды», динамике их численного состава и трансформации их идеологических воззрений.

¹⁷⁷ Ерлан Карин, Джейкоб Зенн. Между ИГИЛ и «Аль-Каидой»: центрально-азиатские боевики в Сирийской войне. Алматы, 2017 г.

Исследовательский интерес вызывает ряд работ из постсоветских стран, где авторы предпринимают попытки рассмотрения идеологических аспектов противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

В частности, это российский исследователь Д.А. Шагавиев, который с точки зрения исламской теологии (ханафитский мазхаб) рассматривает основные формы и методы, используемые проповедниками экстремистских организаций для радикализации молодежи, на основе фальсификации и искажений Корана и Сунны пророка Мухаммеда (с.а.с) и предлагает ряд решений по усилению противодействия данным проповедям¹⁷⁸.

Марат Ибраев рассматривает вопросы взаимосвязи исламского образования и усиления процессов радикализации молодежи на основе широкого использования статистических материалов социологического исследования, предпринимая на этой основе попытку формирования портрета современного приверженца идеологии радикальных экстремистских организаций.¹⁷⁹

Отдельный пласт исследований — это исследования и публикации западных исследователей, посвященные анализу истории формирования, эволюции их идеологических установок и их деятельности террористических организаций в Центральной Азии в постсоветский период.

При этом стоит отметить, что данный анализ во многом исходит из предпосылки о внутреннем, имманентном характере возникновения терроризма в странах региона как реакции на особенности сформировавшихся в постсоветский период, политических систем, их особенностей, трудностей социального характера (молодежная безработица, кризис идеологии и системы образования и ряда других).

¹⁷⁸ Шагавиев Д.А. «Теологические концепции как фактор формирования личности религиозного радикала», сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции «Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи», г. Уфа, Россия, 2017 г., с.62-69

¹⁷⁹ Ибраев М.К. «Дефицит исламского образования как причина распространения идеологии экстремизма и терроризма» в сборнике материалов X международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», Уфа, Россия, 2017 г., с. 50-53

Так, в статье Douglas Green «Kazakhstan and Central Asia: International Terrorism Without Borders»¹⁸⁰, в анализе упор сделан на то, что экстремисты, выходцы из стран Центральной Азии стали фактором международной безопасности, так как представители этой разнородной и разнонациональной группировки стали организаторами и исполнителями ряда серьезных террористических актов в разных странах (Турции, Швеции и США). И этот фактор делает необходимым более детальное и глубокое изучение данного феномена.

Джозеф Лэнг (Józef Lang), специалист, изучающий вопросы ислама в постсоветских странах Центральной Азии, феномен исламского радикализма и терроризма в ЦА и Афганистане, социальную и политическую ситуацию в Центральной Азии и связанные с этим вопросы обеспечения стабильности и безопасности в регионе, в целом ряде публикаций анализировал генезис и перспективы развития террористических организаций возникших в Центральной Азии¹⁸¹.

В своей публикации «Exporting Jihad — Islamic terrorism from Central Asia»¹⁸², данный автор на основе глубокого анализа сложившейся ситуации с террористическими организациями, сформированными на основе выходцев из стран региона и участвующими в сирийской войне, приходит к важному выводу о том, что сирийская кампания стала важным рубежом, который привел к качественному изменению террористических организаций из Центральной Азии. Если раньше они были в основном ориентированы — довольно узко — в своей идеологической основе и практике действий, на регион ЦА, на борьбу с существующими режимами в странах ЦА, то теперь, после опыта участия в войне, идущей вне региона ЦА, они получили прак-

¹⁸⁰ Green, D. "Kazakhstan and Central Asia: International Terrorism Without Borders", *Stratfor Worldview*, 27 November 2017 <https://worldview.stratfor.com/article/kazakhstan-and-central-asia-international-terrorism-without-borders>

¹⁸¹ В частности, https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/report_the-radical-islamic-militants.pdf

¹⁸² Lang, J. "Exporting Jihad — Islamic terrorism from Central Asia", OSW, 12 April 2017, <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2017-04-12/exporting-jihad-islamic-terrorism-central-asia>

тику участия во внациональном, глобальном джихадистском движении. Они стали довольно активной частью глобального джихадистского фронта. И теперь теория и практика данных организаций существенно расширена, что приведет к развитию глобалистских тенденций в их террористической деятельности.

Известный исследователь Центральной Азии Фредерик Старр (Frederick Starr) в своей публикации «Moderate Islam? Look to Central Asia»¹⁸³, опубликованной в 2014 г., рассматривая ситуацию в регионе в широкой исторической перспективе, пишет о том, что одной из главных причин возникновения феномена религиозного экстремизма в регионе Центральной Азии является процесс незавершенной модернизации в странах региона. И важнейшим направлением противодействия религиозному экстремизму в странах региона, имеющих огромный исторический опыт развития ислама, его роли и значения в духовной и культурной жизни центральноазиатских стран является успешная модернизация стран региона в политической, экономической и социально-культурной сферах.

Оценки численности членов террористических организаций-выходцев из Узбекистана

Оценки численности боевиков, участвовавших/ участвующих в составе различных террористических группировок в боевых действиях в Ираке и Сирии в последние семь лет, после 2011 года вызывают серьезные трудности.

Так, по данным Soufan Center, около девяти тысяч выходцев из стран бывшего СССР воюют в Сирии на стороне запрещенной во многих странах мира террористической группировки «Исламское государство». Из этого числа около трех с полови-

¹⁸³ Starr, S. F. "Moderate Islam? Look to Central Asia", *The New York Times*, 26 February 2014, https://www.nytimes.com/2014/02/27/opinion/moderate-islam-look-to-central-asia.html?_r=0

ной тысяч россиян, более тысячи граждан Таджикистана, свыше полутора тысяч узбеков и выходцы из других стран¹⁸⁴.

По данным Soufan Center на начало 2017 г., около трети иностранных боевиков ИГИЛ уже вернулись в свои страны после серии поражений группировки в Ираке и Сирии.

Другие источники дают другие цифры. Так, авторы издания «Между ИГИЛ и «Аль-Каидой»: центрально-азиатские боевики в Сирийской войне» приводят следующие цифры. В 2013 году сообщалось о 500 узбеках, 360 туркменах и 200 киргизах. В целом, по подсчетам авторов, с учетом казахов и уйгуров, общая численность боевиков – выходцев из ЦА составляла от 1500 до 2000 человек (на 2014 г.).

В конце 2015 года их количество составляло приблизительно около 4 тыс. человек.

Таблица 1. Примерные данные по численности боевиков – выходцев из стран Центральной Азии¹⁸⁵

Страна	По данным открытых источников	По данным спецслужб	Убито	Вернулось	Осуждено за участие в боевых действиях в Ираке и Сирии
Узбекистан	3000-3500	300	900	-	11
Туркменистан	500	-	2	6	-
Таджикистан	2000	Более 1000	300	100	16
Казахстан	500	200	80	33	33
Кыргызстан	500-600	Более 600	70	40	47

Таким образом, налицо картина того, как различные издания, исследования и авторы дают разные цифры участников.

¹⁸⁴ «Иногда они возвращаются: что ждет боевиков ИГ после исхода из Сирии», *Спутник*, 27.10.2017 [“Sometimes they come back: what awaits IS fighters after the exodus from Syria”, *Sputnik*, 27 October 2017], <https://ru.sputnik-tj.com/analytics/20171027/1023727014/In-ogda-oni-vozvrashchayutsya-chem-grozit-iskhod-boyevikov-blizhnego-vostoka.html>

¹⁸⁵ Ерлан Карин, Джекоб Зенн. Между ИГИЛ и «Аль-Каидой»: центральноазиатские боевики в Сирийской войне. Алматы, 2017, С. 174

При этом существует большая разница между официальными данными и неофициальными, между данными спецслужб и отрытыми источниками. Все это создает проблемы в оценке потенциала угроз.

Однако по всем источникам, как официальным, так и неофициальным, самое большое количество боевиков – участников вооруженных группировок, принимавших участие в боевых действиях на территории Ирака и Сирии, выходцев из стран Центральной Азии было из Узбекистана.

Анализ открытых источников показывает, что пополнение рядов боевиков-выходцев из Узбекистана, воевавших в Сирии и Ираке, происходило в основном тремя путями.

1. Основная часть — это члены Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Союза исламского джихада (СИД), базировавшихся в Пакистане (Вазиристан) и связанных с движением «Талибан». Именно эта часть боевиков уезжала в Сирию и Ирак с семьями. И именно они организовали два основных отряда узбекских боевиков — «Джамоат имени имама аль-Бухари» и «Катибат аль Таухидваль Джихад», связанных с «Джебхат-ан-Нусра» («Аль-Каида»). По различным оценкам, с 2011 года по 2016 год из Пакистана и Афганистана выехали в Ирак и Сирию не менее 400 боевиков – выходцев из Узбекистана, связанных с ИДУ и СИД (значительная часть — с семьями). При этом надо иметь в виду тот факт, что часть этнических узбеков, которые попали в Ирак и Сирию, являются гражданами Кыргызстана (из областей Южного Кыргызстана) и Таджикистана.

2. Второй источник пополнения — это трудовые мигранты, граждане РУз, работавшие в РФ (и частично — в Казахстане).

По данным за 2017 год, в России легально работало около 1,9 миллиона граждан Узбекистана. И, по подсчетам некоторых независимых экспертов, около 200 тысяч работает нелегально, без официального статуса (значительная часть из них — с просроченными и недействительными документами). В Казахстане численность трудовых мигрантов из Узбекистана составляет около 400-500 тыс. человек, из них официальные патенты име-

ют только около половины из них. И именно этот контингент, как наиболее экономически уязвимый и является более всего чувствительным к пропаганде фундаменталистов.

Точных оценок количества трудовых мигрантов из Узбекистана, которые смогли попасть через Турцию в Сирию (наиболее популярный маршрут), нет. Но по неофициальной информации, полученной автором¹⁸⁶, их число может составлять как минимум несколько сот человек (300-400 человек, за период с 2013 по 2016 гг.).

3. Несколько десятков граждан Узбекистана, которые влились в ряды боевиков ИГИЛ и «Аль-Каиды» в Сирии и Ираке, мигрировав из Узбекистана. По некоторым неофициальным оценкам независимых экспертов и журналистов из Узбекистана¹⁸⁷, их численность составляет около 60-70 человек (часть из них — с семьями) за период с 2013 г. по 2016 г.

Но при всей разнице цифр, с которыми можно соглашаться или оспаривать их, можно сказать, что:

- Выходцы из стран ЦА активно участвовали в составе различных группировок в военных действиях в Ираке и Сирии.
- Эти боевики получили серьезную боевую подготовку и опыт ведения действий (прежде всего — городских боев).
- Эта мобилизованная и идеологически натасканная сила может быть использована для дестабилизации ситуации в странах ЦА.

¹⁸⁶ В ходе экспертных интервью в форме углубленных интервью (17 углубленных интервью, на основе стандартных гайдов углубленного интервью) с руководителями и активистами узбекских национально-культурных центров и НКО, специализирующихся на защите прав трудовых мигрантов в Москве, Новосибирске, Алматы, Чимкенте в период с 2016 г. по 2017 г. в рамках исследования «Трудовая миграция на постсоветском пространстве глазами мигрантов» (ННО «Хамюртлар» (РФ, Новосибирск), ННО «Центр правовой защиты трудовых мигрантов» (РФ, Москва)

¹⁸⁷ Центр исследовательских инициатив Ма'но (Ташкент, Узбекистан), исследовательский проект «Теория и практика противодействия религиозному экстремизму на современном этапе» (2018 г.). Были опрошены, с использованием метода углубленных интервью, 21 эксперт (эксперты, журналисты, теологи, государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов, представители органов самоуправления граждан).

Борьба с передислоцировавшимися боевиками в Центральную Азию только начинается

Появление «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) в Афганистане в 2015 г. под названием «Вилайет Хорасан» и его экспансия на территории Афганистана, когда уже к 2016-2017 гг. их отряды появились на севере страны и присутствовали в общей сложности в 30 афганских уездах на территории семи провинций страны, стали одной из важнейших угроз региональной безопасности в Центральной Азии. Захват боевиками ИГИЛ контроля над некоторыми территориями на границах с Таджикистаном и Туркменистаном в провинциях Фарьяб, Сары-Пуль, Саманган, Баглан, Кундуз, Тахар и Бадахшан (где уже существует ряд баз и тренировочных центров, в том числе и для женщин-террористок) представляет реальную угрозу для стран региона¹⁸⁸, так как создает плацдармы для расширения социальной и идейной базы ИГИЛ в странах региона. И дестабилизация на севере Афганистана вполне может стать детонатором крупных столкновений в приграничных с Афганистаном странах региона.

При этом большинство экспертов исходит из того, что наличный потенциал боевиков ИГИЛ, имеющийся в Афганистане, не позволяет говорить о сценарии прямого вооруженного вторжения ИГИЛ на территорию стран ЦА. Отмечая этот факт, глава Антитеррористического центра СНГ А. Новиков заявил, что «серьезную опасность для государств СНГ представляет проведение международными террористическими организациями с территории Афганистана так называемых атак вдохновения на территории других государств, то есть обеспечение тактики «одиноких волков»¹⁸⁹. На это же обращает внимание и директор ФСБ РФ А. Бортников, подчеркнувший, что «главари международных террористических организаций ориентируют своих сторонников на осуществление так называемого «автономного джихада»¹⁹⁰.

¹⁸⁸ <http://chvk.info/analytcs/ukreplenie-igil-v-afganistane-ugrozy-i-zakazchiki/>

¹⁸⁹ <https://rg.ru/2018/02/20/novikov-terroristy-ispolzuiut-taktiku-odinoikh-volkov-kak-v-kizliare.html>

¹⁹⁰ tass.ru/politika/4823670

Глава исполкома РАТС ШОС Е. Сысоев заявил, что «особое беспокойство вызывает ситуация в Афганистане, в северных провинциях которого сконцентрировалось до 3 тысяч боевиков ИГИЛ, ранее воевавших на Ближнем Востоке. Среди них 80 % иностранцев, в том числе выходцы из России, стран Центральной Азии и Китая»¹⁹¹.

Отмечая растущую угрозу для стран Центральной Азии, в тексте Циндаосской декларации глав государств и правительств стран ШОС, подписанной по итогам саммита ШОС в Циндао (КНР, июнь 2018 г.) особым пунктом закреплено: «Государства-члены в связи со складывающейся ситуацией на Ближнем Востоке отмечают растущую угрозу от иностранных боевиков-террористов (ИБТ), которые возвращаются в страны исхода и находят пристанище в третьих странах для продолжения террористической и экстремистской деятельности на пространстве ШОС»¹⁹².

Деятельность запрещенных в Узбекистане экстремистских организаций джихадисткой направленности (Исламское движение Узбекистана) (ИДУ), «Союз исламского джихада» (СИД), «Хизбу-Тахрир», «Акримийя» и ряд других) всегда была важнейшей угрозой национальной безопасности страны. И жесткое противодействие со стороны правоохранительных и специальных служб, комплексные меры по повышению качества организации идеологической борьбы с идеологией религиозного фундаментализма, принятые правительством после событий февраля 1999 года (взрывы в Ташкенте), Баткенских событий (2000 год), ряда террористических актов в 2003-2004 гг., Андижанских событий, привели к прекращению организованной деятельности подпольных ячеек данных организаций на тер-

¹⁹¹ «ИГИЛ стремится создать новое квазигосударство в странах Центральной Азии», *РитмЕвразии*, 28.02.2018 [“ISIL is looking to create a new quasi-state in the countries of Central Asia”, *EurasiaRhythm*, 28 February 2018], <https://www.ritm Eurasia.org/news-2018-02-28--igil-stremitsja-sozdat-novoe-kvazigosudarstvo-v-stranah-centralnoj-azii-zavili-v-rats-shos-35184>

¹⁹² «Бортников предупредил о смене тактики террористов в сторону «автономного джихада», ТАСС, 19 Дек 2017 [“Bortnikov warned about a change in terrorist tactics towards ‘autonomous jihad’”, TASS, 19 December 2017], <https://www.ritm Eurasia.org/news-2018-06-11--lidery-stran-shos-prinjali-deklaraciju-po-itogam-sammita-v-cindao-36953>

ритории страны. Развал внутри ИДУ и СИД, группирующихся в Пакистане, привел к почти полному прекращению их подрывной, террористической деятельности на территории Узбекистана.

Но в настоящее время реальной угрозой являются организации «Джамоат имени имама аль-Бухари» и «Катибат аль Таухидваль Джихад» (около 400 бойцов – выходцев из Узбекистана и Южного Кыргызстана). Обе организации созданы в Сирии в 2014 г., действуют на северо-западе этой страны, являются ответвлениями ИДУ и аффилированы с «Джабхат-ан-Нусра» («Аль-Каида»). Их целью провозглашается оказание помощи в создании исламского эмирата в Сирии и «священная война с узбекским режимом» с целью построения исламского эмирата в Узбекистане.

Особую угрозу будет представлять вариант, когда в Афганистане сторонники ИГИЛ, передислоцировавшиеся в Афганистан, смогут наладить взаимодействие с организациями, аффилированными с «Аль-Каидой». Такая смычка в некоторых случаях наблюдалась в Сирии в определенные моменты борьбы с правительственными сирийскими силами. И вполне вероятен сценарий такой смычки и в Афганистане, что увеличит масштаб угроз, особенно на фоне того, что наблюдается частичное взаимодействие группировок ИГИЛ с отдельными отрядами движения «Талибан».

Разгром ИГИЛ и удары по «Джебхат-ан-Нусра» в Сирии и Ираке, могут привести к передислокации части наиболее активных бойцов ОИБ и КТД не в Узбекистан (так как они понимают, что в Узбекистане у них не будет возможности вести активные действия), а в Афганистан. А оттуда, дестабилизировав ситуацию в северном Афганистане, через Туркменистан и Таджикистан (так как 130 км государственной границы между Узбекистаном и Афганистаном представляют собой сильно укрепленную полосу) попробовать пробиться в Узбекистан.

За постсоветское время государства региона наработали значительный опыт борьбы с угрозами терроризма и вмеша-

тельства в их внутренние дела. Тем не менее, странам ЦА не удалось до сих пор выработать единую стратегию по борьбе с терроризмом, в том числе базирующимся в Афганистане.

Но постепенное, во многом неформальное формирование «антиигиловского» фронта между движением «Талибан», правительством Афганистана, поддерживаемое РФ, Узбекистаном и Таджикистаном снижает возможность реализации для узбекских экстремистских организаций такого сценария.

При этом единственным способом борьбы с угрозой терроризма является укрепление антитеррористического и военного сотрудничества и дальнейшее расширение участия стран региона в стабилизации Афганистана, совместная работа по социально-экономическому развитию и повышению уровня жизни, что уничтожит социальную базу для терроризма в Афганистане.

В силу географических факторов Узбекистан является одним из ключевых игроков среди стран-соседей Афганистана в процессе урегулирования ситуации в Афганистане. И без учета роли данного фактора проекты афганского урегулирования не могут быть реализованы в полной мере. Исходя из этого, Узбекистан в течение всего постсоветского периода активно участвовал в выработке политических и экономических решений, направленных на разрешение конфликта в Афганистане.

В июле 2012 года в Олий Мажлисе (парламенте) Узбекистана была рассмотрена и одобрена Концепция внешней политики Узбекистана, которая определяет внешнеполитическую стратегию на средне- и долгосрочную перспективу. Как отмечено в документе, главным приоритетом внешнеполитической деятельности Узбекистана является регион Центральной Азии, с которым связаны его жизненно важные интересы. Согласно Концепции, проблемы Центральной Азии должны решаться самими государствами региона без вмешательства внешних сил. Содействие урегулированию ситуации в Афганистане, обеспечение мира и стабильности в регионе заявлены в Концепции в качестве одного из важнейших направлений.

Позиция Узбекистана относительно разрешения афганского конфликта изначально базировалась на двух основных постулатах.

1. Признание того факта, что исключительно военными действиями урегулирование невозможно.

2. Повышение роли и значения экономической составляющей в программе урегулирования конфликта и восстановления Афганистана.

Узбекистан последовательно действует в двух взаимосвязанных направлениях: через участие в реализации экономических проектов и параллельную дипломатическую деятельность в целях объединения усилий, как стран-соседей Афганистана, так и США/НАТО, КНР и РФ.

Ключевой идеей Узбекистана в отношении афганского урегулирования всегда было стремление снизить уровень военной составляющей и уделить больше внимания вопросам восстановления экономики, так как только это позволит снизить уровень конфликтогенного потенциала внутри Афганистана. Приоритетом должно стать оказание целенаправленной экономической помощи Афганистану.

И здесь у Узбекистана есть что предложить. Узбекистаном накоплен значительный опыт участия в реализации совместных проектов восстановления Афганистана, в частности — в сфере дорожного строительства и ремонта дорог, электроэнергетики, строительства железных дорог, горнодобывающей промышленности, образования, обмена специалистами. Узбекистан уже с 2002 года начал активное сотрудничество с Кабулом в экономической сфере. Так, Узбекистаном в рамках реализации программы реконструкции Афганистана было сооружено 11 мостов на участке «Мазари-Шариф – Кабул». Кроме того, завершено строительство высоковольтной линии 220 кВ протяженностью около 442 км от Кабула в сторону государственной границы с Узбекистаном. Через эту высоковольтную линию от узбекской энергосистемы подается около 150 МВт электроэнергии, а стоимость проекта составила свыше 198 миллионов долларов.

Одной из главных проблем, тормозящих рост экономики Афганистана и, в частности, рост производства внутри страны, является отсутствие инфраструктуры: транспортных коммуникаций, сетей водо- и энергоснабжения и других. В этом направлении большое значение может иметь реализация проекта прокладки железной дороги через территорию Афганистана. В 2009-2010 годах государственная железнодорожная компания Узбекистана (АО «Узбекистон темирйуллари») реализовала проект строительства участка железной дороги «Хайратон – Мазари – Шариф» протяженностью 75 километров и стоимостью 129 миллионов долларов.

Что же касается ситуации на сегодняшний день, можно констатировать, что Афганистану в результате более чем 15-летнего пребывания военного контингента США и НАТО не удалось разрешить вопросы обеспечения безопасности, формирования дееспособного правительства; не созданы условия для устойчивого экономического развития страны. Вывод основной части войск западной коалиции из Афганистана в этих условиях не стал фактором снижения градуса внутриафганского противостояния, что может стать катализатором процессов дестабилизации как в самом Афганистане, так и в регионе Центральной Азии.

Исходя из сложившейся ситуации с урегулированием ситуации в Афганистане, внешняя политика Узбекистана в этом вопросе будет ориентирована на:

- активизацию усилий по налаживанию политического диалога с Афганистаном (со всеми политическими силами внутри Афганистана), странами-соседями и ведущими центрами сил, заинтересованными в сохранении единой афганской государственности;
- опору не на многосторонние форматы, к сожалению, оказавшиеся неэффективными в решении афганского конфликта, а на двусторонние форматы;
- оказание всемерного содействия в разрешении социальных-экономических проблем Афганистана, поддержка проектов,

направленных на формирование жизнеспособной и развивающейся экономики Афганистана. Узбекистан накопил серьезный опыт в реализации проектов по реконструкции в Афганистане, и вполне естественно, что он может инициировать реализацию проектов, важных для социально-экономического развития Афганистана.

Огромное значение имеет реализация проекта строительства железной дороги по маршруту «Мазари – Шариф – Кабул – Кандагар – Герат» и обратно, «закольцованной» на Мазари – Шариф, общей протяженностью 2 тыс. км. Общая стоимость этого проекта, который позволит создать железнодорожный аналог Трансафганского автотранспортного коридора из Европы с выходом в Индию, Китай, Иран и Пакистан, составит около 3 миллиардов долларов.

Кроме того, происходят значимые прорывы и в гуманитарной сфере. В ноябре 2017 года вышло постановление правительства Узбекистана, согласно которому при Министерстве высшего и среднего специального образования Узбекистана создается Образовательный центр по обучению афганских граждан. Новый центр планируется разместить в Термезе (Сурхандарьинская область). Его основной задачей станет подготовка кадров по программам высшего, среднего специального, профессионального образования, а также переподготовка и повышение квалификации афганских специалистов.

Таким образом, политика Узбекистана в отношении Афганистана, основанная на признании факта того, что только оказание всемерного содействия в разрешении социально-экономических проблем Афганистана, поддержка проектов, направленных на формирование жизнеспособной и развивающейся экономики Афганистана, могут быть основой для урегулирования внутриафганского конфликта.

Совершенствование системы противодействия идеям религиозного фундаментализма и экстремизма в Узбекистане: направления и формы

В целом, можно отметить, что из 32 млн. населения современного Узбекистана в боевых действиях в Сирии и Ираке на стороне боевиков террористических организаций участвовало около 3000 выходцев из Узбекистана (по максимальным оценкам). По минимальным оценкам их численность составляла не более 1500 человек.

Учитывая то, что больше двух миллионов граждан Узбекистана являются трудовыми мигрантами в РФ и РК, эти цифры не могут быть охарактеризованы как катастрофические. Но то, что определенное количество граждан Узбекистана оказалось под воздействием агитации религиозных фундаменталистов и экстремистов — это сигнал к тому, что работа в направлении комплексной борьбы с фундаменталистско-экстремистской пропагандой должна быть оптимизирована и усовершенствована.

Политика по дерадикализации и ресоциализации граждан, попавших под влияние экстремистских идеологий в Узбекистане, основана на том, что «с терроризмом, с угрозой распространения экстремистских воззрений бороться нужно. Одно из направлений — деятельность правоохранительных органов и спецслужб. Но считать, что они с этим справятся методами жесткого противодействия — это ошибка. Идею можно противопоставить только идею, идеологии — только идеологию. А для того, чтобы на качественном уровне бороться с довольно хорошо подготовленными исламскими экстремистскими проповедниками, нужны отряды хорошо подготовленных теологов, сторонников идеи просвещенного ислама»¹⁹³.

¹⁹³ «Гуманистический ислам и поиск Узбекистаном своего пути развития: глобальные перспективы» <http://press-unity.com/analitika-stati/10952.html>

Изменение системы исламского образования в Узбекистане на всех уровнях

Государственная система противодействия идеологии религиозного фундаментализма и экстремизма в Узбекистане сформировалась постепенно, в результате обобщения собственного и изучения зарубежного опыта противодействия экстремизму.

При этом само понимание роли и места ислама в обществе, в системе общественных ценностей также менялось. От первоначальной эйфории в отношении ислама и его позитивной роли в обществе начала 90-х годов XX века, когда, например, исламское образование во многом оказалось под влиянием сторонников и проповедников радикально-салафитских идей, и до почти полного недоверия и настороженности к системе религиозных исламских организаций, когда религиозная активность граждан зачастую рассматривалась в основном сквозь призму потенциального терроризма и экстремизма, что повлияло на государственную политику и определяло, в частности, стремление к огосударствлению системы религиозного образования с конца 90-х годов XX века.

В целом, созданная система учреждений исламского образования в Узбекистане в постсоветский период была ориентирована на формирование слоя исламской интеллигенции на основе светского образования, но получившей религиозные знания в аккредитованных государством учебных заведениях. Эта система включала в себя Ташкентский исламский институт имени имама Бухари, высшее медресе Мири Араб и девять средних специальных исламских учебных заведений. Их учащиеся, наряду с религиозными и теологическими, овладевают еще и светскими знаниями¹⁹⁴.

Новый этап совершенствования системы исламского образования в Узбекистане начался в 2017 году, с приходом к власти нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёева.

¹⁹⁴ Согласно Постановлению Кабинета министров РУз от 22 августа 2003 года дипломы, выдаваемые выпускникам религиозных учебных заведений, приравнены к соответствующим государственным дипломам об образовании.

Ключевые моменты новой политики были определены в выступлении Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в сентябре 2017 г.

В ходе своего выступления на Генассамблее ООН президент Узбекистана несколько раз коснулся вопроса растущей исламофобии в мире и необходимости кардинального различения понятий «ислам» и «терроризм». Несколько раз узбекский лидер подчеркивал, что между этими словами нельзя ставить знак равенства и что в современном мире, на фоне усиления религиозного экстремизма, необходима пропаганда гуманистической сути ислама.

И эти заявления президента Узбекистана были подкреплены целостной программой мер, реализованных в Узбекистане в 2017 году.

В центре этой политики стоит понимание того, что просвещенному, гуманистическому исламу надо помогать, укреплять и создавать условия для развития.

Можно рассмотреть динамику этих новаций.

Июнь 2017 года: в Самарканде был создан Центр хадисоведения имени имама аль-Бухари. Именно сборник хадисов Мухтасар «Сахих» имама аль-Бухари пользуется в мусульманском мире непререкаемым авторитетом. Все хадисы, вошедшие в этот сборник, являются достоверными, а сам он был первым из сборников, составленных по тематическому принципу, и уже современниками был признан выдающимся руководством по фикху (мусульманскому праву в широком смысле этого слова). Исламское просвещение на основе ас-Сахих имама аль-Бухари может стать глубинным источником продвижения идей просвещенного ислама.

Следующим важнейшим шагом в этом направлении стала реорганизация знаменитого медресе Мир Араб — единственного заведения в Советском союзе, предоставлявшего полное исламское образование. Было принято решение о создании на его базе Высшего медресе, которое будет готовить теологов для преподавания теологии в высших и средних специальных му-

сульманских учреждениях. Таким образом, медресе Мир Араб получило статус высшего религиозного образовательного учреждения.

Вслед за этим в Ташкенте создается Центр исламской цивилизации, где планируется создание библиотеки, архива и рукописного фонда, которые пополнятся хранящимися в Узбекистане и за рубежом древними рукописями, литографиями, историческими документами, предметами старины, касающимися научных и религиозных школ, основанных жившими на территории современного Узбекистана великими учеными и религиозными деятелями, а также современными научно-исследовательскими работами в этом направлении. В распоряжение Центра передаются девять средних специальных и два высших образовательных учреждения религиозного направления.

В декабре 2017 года указом президента Узбекистана создана Международная исламская академия Узбекистана. Создание данной Академии формирует стройную систему религиозных образовательных учреждений. Академия будет готовить высококвалифицированные преподавательские кадры для высших и средних специальных религиозных образовательных учреждений страны. Учредителем негосударственной академии стало Духовное управление мусульман страны. В 2018-2019 учебном году в магистратуру Академии будут приняты первые 16 студентов.

**Махалля как ключевой элемент системы
дерадикализации и ресоциализации граждан,
попавших под влияние экстремистских идеологий**

Существующий тысячелетиями низовой институт самоуправления граждан (на основе городских квартальных объединений и сельских населенных пунктов — кишлаков), институт махалли получил законодательное оформление в Законе «Об органах самоуправления граждан» (1992 г.)

Являясь исторически существующей формой самоорганизации граждан на низовом уровне, махалля постепенно стала институтом, обеспечивающим взаимосвязь между государством и обществом, отдельными гражданами.

Одной из важнейших функций, возложенных на махаллинские органы самоуправления граждан является функция пропаганды и борьбы с распространением экстремистских идеологий, особенно в молодежной среде. Среди пяти заместителей председателя махаллинского схода граждан важное место занимает заместитель председателя махали по работе с молодежью и противодействию распространению экстремистских идеологий. Именно он во многом организует проведение целенаправленной пропагандисткой работы в махалле в вопросах противодействия идеям религиозного фундаментализма и экстремизма.

Кроме этого, на органы самоуправления граждан возложена функция оказания материальной помощи и содействия в трудоустройстве лицам, отбывшим наказание в исправительных учреждениях, в том числе за преступления, связанные с антигосударственной деятельностью.

Важным инструментом помощи правоохранительным структурам в охране общественной безопасности и порядка принадлежит членам организации «Махалля посбони», созданных в каждом органе самоуправления и состоящих из молодых людей, прошедших военную службу.

В результате формирования целостной системы по дерадикализации и ресоциализации молодежи, попавшей под влияние экстремистских идеологий, ключевым инструментом которой является институт махалли как низовой орган гражданского самоуправления в Узбекистане, удалось сбить волну террористической активности, начавшейся в конце 90-х гг., кульминацией которой стало попытка антиконституционного переворота в Андижане в мае 2005 г. В период после 2005 года в стране не отмечалось случаев крупных террористических актов с человеческими жертвами.

При этом важно понимание того, что политика открытости, реализуемая руководством Узбекистана на новом этапе, не должна привести к росту религиозного экстремизма в стране.

И это основной вызов проводимой правительственной политики открытости.

На предыдущем этапе вести борьбу с религиозным радикализмом было проще. В рамках прежней системы действовал жесткий пограничный режим и закрытость границ с несколькими странами-соседями, откуда в Узбекистан экспортировались кадры проповедников, запрещенная литература, финансы и т. д. Спецслужбы и правоохранительные органы вели жесткую борьбу с любыми проявлениями, которые демонстрировали приверженность салафитско-фундаменталистским идеям (одежда особого типа, ношение бороды, ношение хиджаба, запрет на неофициальные мечети и т. д.).

Сейчас же вызов в том, что нужно сдерживать распространение идеологии религиозного фундаментализма и экстремизма, но при этом делать это в условиях большей открытости, в рамках строгого соблюдения процессуальных норм и обеспечения прав человека.

И это серьезный вызов для всей политической системы страны в средне- и долгосрочной перспективе.

Продолжая тему распространения просвещенного ислама в стране, будет целесообразно остановиться и на вопросе изменений в исламском мире в целом. Исламский мир в силу различных причин оказался аутсайдером в индустриальную (машинную) эпоху. На сегодня исламский мир разделен и раздроблен. Существует большое количество разделительных линий внутри исламского мира: например, богатые и бедные страны, сунниты и шииты.

Процессы модернизации в большинстве исламских стран идут медленно. В список 22 крупнейших экономик мира входит только три мусульманских государства: Индонезия, Турция, Иран. Из-за слабости исламских стран можно сказать, что они

сегодня — объект воздействия и манипулирования со стороны держав неисламского мира.

И сейчас мусульманским странам, исламскому миру в целом надо принимать вызов новой эпохи — постиндустриальной, инновационно-информационной.

Какова роль мусульманских стран в этом процессе? Опять аутсайдеры? Или исламский мир сможет ответить на вызовы новой эпохи?

У исламского мира есть серьезная возможность успешной реализации политики модернизации, есть шанс занять более серьезное место в глобальной мировой экономике. Это повысит роль этих стран в геополитических процессах и на международной арене. А значит, есть возможность перехода от статуса манипулируемого объекта к статусу самодостаточного субъекта.

Но в одиночку таких результатов достигнуть сложно: есть необходимость объединения усилий и потенциала для усиления своего влияния.

Летом 2017 года в Астане прошел саммит лидеров исламских стран, где говорили о вопросах развития инноваций и науки. Была достигнута договоренность о создании шести суперкомпьютеров, которые будут использоваться всеми мусульманскими странами. Президент Узбекистана выдвинул предложение о проведении международной олимпиады по точным наукам имени основателя алгебры Аль-Хорезми.

Это очень хороший пример того, что лидеры мусульманских стран могут договариваться и ставить перед собой серьезные цели. Исламский мир постепенно учится объединять свои усилия, выдвигать общие идеи и инициативы, способствующие развитию и модернизации мусульманском мире.

Современная кибернетика и алгебра во многом основаны на тех идеях, которые предложил великий ученый Мухаммад аль-Хорезми, участвовавший в деятельности Академии хорезмшаха Мамуна, который ввел в науку понятие алгоритма — достижения математической и астрономической школы Мир-

зо Улугбека в Самарканде в XV веке. И это наследие великих предков должно обеспечить серьезную основу для того, чтобы Узбекистан смог совершить рывок на пути инновационного развития.

При этом стоит отметить, что в стране на этом пути уже делаются конкретные шаги, о чем свидетельствует создание Инновационного центра имени Мирзо Улугбека в Ташкенте, объявление 2018 года Годом поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий, создание специализированных школ по математике, физике и кибернетике для одаренных детей.

Таким образом, Узбекистан сегодня — это пример того, как мусульманская в своем большинстве страна активно работает над тем, как обеспечить развитие в условиях глобальных геоэкономических и геополитических трансформаций и при необходимости — развитие на основе просвещенного ислама.

Информация об Офисе программ ОБСЕ в Нур-Султане

Офис программ ОБСЕ в Нур-Султане начал работу в Казахстане в 1999 г. Согласно своему мандату Офис выполняет следующие задачи:

— способствует соблюдению принятых в ОБСЕ принципов и обязательств, а также участию Казахстана в сотрудничестве во всех трех измерениях ОБСЕ в рамках общего подхода ОБСЕ к вопросам поддержания кооперативной безопасности в региональном контексте;

— облегчает контакты и способствует обмену информацией между властями Казахстана и действующим председателем, исполнительными структурами и институтами ОБСЕ, а также сотрудничеству с международными организациями;

— налаживает и поддерживает контакты с центральными и местными органами власти, университетами и научно-исследовательскими учреждениями принимающей страны, а также с представителями гражданского общества и НПО;

— оказывает помощь в подготовке региональных мероприятий ОБСЕ, в частности, региональных семинаров и поездок делегаций ОБСЕ в регион, а также других мероприятий с участием ОБСЕ;

— оказывает Правительству Казахстана содействие, в частности, путем популяризации деятельности ОБСЕ, профессиональной подготовки назначенных казахстанских должностных лиц и консультирования соответствующих официальных структур по вопросам, касающимся ОБСЕ, а также способствует обмену информацией между институтами ОБСЕ и соответствующими государственными ведомствами по вопросам деятельности ОБСЕ.

В соответствии со своим мандатом, Офис осуществляет деятельность на основе ежегодного плана по программам, разрабатываемого в рамках тесных консультаций с принимающей страной и институтами ОБСЕ. Офис оказывает поддержку Ка-

захстану в продвижении ценностей и принципов ОБСЕ, способствует укреплению мер доверия и безопасности в регионе ОБСЕ, транспарентной экономической и экологической политике и реализации прав человека в соответствии с обязательствами ОБСЕ.

Контакты:

ул. Бейбитшилик 10, 010000,

г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Тел: +7 (7172) 58-00-70

Факс: +7 (7172) 32-83-04

E-mail: poin@osce.org

<http://www.osce.org/programme-office-in-nur-sultan>

**НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОДХОДЫ
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Материалы международной конференции
(г. Нур-Султан, 26 октября 2018 г.)

Дизайн обложки и верстка
ТОО «Indesign studio»

Подписано в печать 14.02.2020. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 154 экземпляра.

Отпечатано в ТОО «Indesign studio»
г. Нур-Султан